

Доран Гунель
БОГ ВСЕГДА
ПУТЕШЕСТВУЕТ
ИНКОГНИТО

**Лоран Гунель Бог всегда
путешествует инкогнито**

*Жану-Клоду Гунелю (1932–2006).
Папа, мне так тебя не хватает...*

*Жизнь — это риск.
Если ты не рискуешь, ты не живешь. Это
придает жизни... привкус шампанского.*

Сестра Эмманюэль

1

Теплая, нежная ночь обволакивала меня, несла куда-то, взяв на руки. И мое тело растворялось в ней. Мне казалось, что я плыву в воздухе.

Еще шаг...

Мне не было страшно. Ни капельки. Если я чего и боялся в последние дни, так только того, что страх вторгнется в мои мысли. Я не желал, чтобы он меня удержал и все испортил...

Еще шажок...

Я ожидал услышать шум города и очень удивился, что внизу так спокойно. Не тихо, нет... Спокойно. Все долетавшие снизу звуки были приглушенными и далекими, они убаюкивали меня, а глаза тонули в слабых отблесках ночных огней.

Еще один шаг...

Я медленно, очень медленно продвигался по стальной балке, которая в необычном освещении отливала золотом. В эту ночь мы с Эйфелевой башней слились в одно целое. Идя по золотистому металлу, я вдыхал незнакомые, пьянящие ароматы, разлитые в теплом и влажном воздухе. А в ста двадцати трех метрах внизу у моих ног распростерся Париж. Он манил, мигая ночными огнями, и ждал, когда моя кровь оплодотворит его.

Еще один шаг...

Я все взвесил и готов к тому, на что решился. Это мой выбор, и я его сделал. Я хладнокровно решил положить конец жизни без всякой цели и смысла. Такая жизнь — и это убеждение все больше зрело и крепло во мне — больше не принесет ничего, достойного внимания.

Еще шажок...

Все мое существование было чередой поражений, и начались они с самого рождения. Отец — его и назвать-то можно разве что родителем — не считал меня достойным знакомства с ним. Он бросил мать, едва она объявила ему о беременности.

Может, она надеялась от меня избавиться, когда отправилась в один из парижских баров топить отчаяние в вине? Но количество стаканов, выпитых в компании американского бизнесмена, не лишили ее ясности

рассудка. Ему было тридцать девять, ей двадцать шесть. Она пребывала в унынии, а от него так и веяло бесшабашной уверенностью, и ее это успокаивало. Он производил впечатление человека зажиточного, а ей надо было выживать. И она, все прикинув и взвесив, в ту же ночь с надеждой предложила ему себя. Наутро она была так нежна и ласкова, что он, то ли по слабости, то ли совершенно искренне, пообещал, что в случае беременности она может сохранить ребенка, что он позаботится о них. Как вышло на самом деле, я уже никогда не узнаю.

Она поехала за ним в Штаты, и там, в стране изобилия, ни у кого не вызвало удивления, что я появился на свет в семь с половиной месяцев, а весил уже около трех кило... Мне дали местное имя, и я стал Аланом Гринмором, американским гражданином. Мама выучила английский и худо-бедно приспособилась к жизни в новом обществе. Все последующее было не таким радужным. Спустя пять лет мой новый отец потерял работу и, оказавшись один на один с экономическим кризисом, который наступил перед президентством Рейгана, начал пить. И пошло-поехало. Он становился все более мрачным, молчаливым, впал в депрессию. Мать раздражало его бездействие, она была глубоко задета и постоянно старалась его подначить, спровоцировать. Любой пустяк становился поводом для упреков. А полное отсутствие реакции супруга приводило к тому, что ее атаки становились все резче и уже граничили с оскорблениями. Возникало впечатление, что ей доставляло удовольствие, когда он наконец начинал огрызаться. Ее больше устраивали вспышки гнева, чем апатия. Меня эти игры пугали. Я любил родителей, и видеть, как они истребляют друг друга, мне было невыносимо. Вспышки отцовского гнева были редкими, но сокрушительными, и я их боялся, а мама, похоже, откровенно ждала. Она наконец-то добивалась от него хоть какой-то реакции: выражения глаз, жеста. Она получала противника, который реально существовал и был способен ответить. Годами накопленная горечь получала возможность разрядки, и она буквально срывалась с цепи. Однажды вечером отец ее побил, и я был потрясен не столько самим насилием, сколько извращенным наслаждением, которое я прочел на лице матери. В ту ночь они ссорились особенно яростно, и мать бросила ему в лицо, что его сын — вовсе не его сын. Я все понял сразу...

Наутро он ушел из дома, и больше мы его не видели. Мой второй отец тоже бросил меня.

Мама отчаянно боролась за наше выживание. Она работала шесть дней в неделю, проводя нескончаемые часы в прачечной. Каждый вечер с ней в дом приходили запахи химикатов и потом повсюду вились вокруг нее. Когда она приходила поцеловать меня на ночь, я не узнавал больше родного запаха мамы, который всегда обволакивал меня нежностью и успокаивал перед сном.

Еще шаг, еще один...

Потом она переходила с одной работы на другую, в надежде продвинуться и побольше заработать на жизнь. Она меняла любовников, в надежде удержать хоть одного из них и восстановить домашний очаг. Думаю, настал день, когда она поняла всю тщету своих попыток, и с этого момента она сосредоточилась на мне. Я преуспею там, где она потерпела фиаско. Я заработаю столько денег, что и ей тоже хватит. И отныне главной задачей для нее стало мое образование. Я был обязан приносить только хорошие оценки. Все наши разговоры за столом вертелись вокруг колледжа, преподавателей и результатов. Мама сделалась вожаком, а я ведомым. Я с рождения владел двумя языками, общаясь с ней по-французски, а с остальным миром по-английски. И она без конца повторяла мне, что в этом мое огромное преимущество. Несомненно, я стану бизнесменом международного значения или крупным переводчиком, может даже в Белом доме. Ну а почему нет? Только ничтожества ни к чему не стремятся и не имеют никаких амбиций. Когда-нибудь она увидит меня в кресле министра иностранных дел. Я очень боялся ее разочаровать и в классе старался, как мог. Мои многообещающие результаты укрепляли маму в ожиданиях и поддерживали ее стратегию.

Когда же мама узнала, что в Соединенных Штатах обучение платное и стоит очень дорого, это было для нее настоящим ударом. Я впервые видел ее до такой степени обескураженной. На миг мне даже показалось, что она пойдет по пути отца и опустится, как он. Рушились все ее планы, словно над ней тяготело проклятье. Однако потребовалось совсем немного времени, чтобы ее натура взяла верх. Ей удалось добиться встречи с директором лицея, и она отправилась убеждать его, что нельзя просто так оставить на обочине юного американского гражданина. Ведь мои блестящие успехи говорят о том,

что я способен служить родине, если, конечно, мне дадут возможность достичь тех высоких должностей, которые обеспечивает университетское образование. Должен же быть какой-то выход: стипендия или еще что-нибудь? Когда она вернулась домой, ее просто распирало. Все оказалось очень просто: выход имелся и обозначался он пятью буквами: СПОРТ. Если я преуспею в спорте, то есть большая вероятность, что университет предоставит мне право поступления с тем, чтобы я вошел в спортивную команду и увеличил ее шансы на победу в турнирах.

И я начал усиленно тренироваться, не смея признаться маме, что спорт всегда терпеть не мог. А она заставляла меня, подбадривала и дотошно фиксировала каждое мое достижение. Ее не смущало, что в прошлом мои спортивные оценки были очень средненькие. «Захочешь — сможешь», — то и дело повторяла она. Наконец нашелся вид спорта, в котором я не был хуже всех: бейсбол. И с тех пор моя жизнь пошла под знаком бейсбола. Чтобы меня вдохновить, мама пришила к стенке в моей комнате постер со звездами «Тигров», бейсбольной команды Детройта. Я завтракал, и у меня на кружке были выгравированы «Тигры». «Тигры» глядели отовсюду: с ключницы, с футболок, с тапочек, с халата, с авторучек... Я ел «Тигров», писал «Тиграми», мылся «Тиграми» и даже спал с «Тиграми». Кончилось тем, что бейсбол начал мне сниться: маме удалось с афиш переселить его ко мне в мозг, и он заполонил там все пространство. Она сразу записала меня в районный бейсбольный клуб и стала брать дополнительную работу, чтобы оплатить мой членский взнос. Там я проводил как минимум по три часа в день, а по выходным — по пять. Крики нашего тренера до сих пор звенят у меня в ушах, а ведь прошло уже столько лет. А еще помню тошнотворный запах пота в раздевалке, когда ребята снимали форму после тренировки. Я ненавидел бейсбол, но очень любил маму и сделал бы все, что угодно, лишь бы ее не разочаровать. Она всю жизнь поддерживала в себе надежду, и мне казалось, что, если ей станет нечего больше ждать, она умрет.

Будущее показало, что я был прав: она умерла через несколько лет, на другой день после того, как я получил университетский диплом. Я остался один, с дипломом в кармане. Собственно, этого диплома я никогда всерьез и не добивался. В школьные годы я общался с ребятами, чьих вкусов и стремлений не разделял. Может, поэтому так

и не обзавелся друзьями. В одном крупном предприятии мне предложили место специалиста по бухгалтерскому учету в работе с поставщиками. Зарплата была вполне приличной, но работа мне быстро наскучила. Однако я не впал в уныние, ибо ничего от нее и не ждал. На примере маминой жизни я очень быстро усвоил, насколько напрасны ожидания.

Еще шажок...

После нескольких лет бесцельного и пустого существования я вдруг взял и уехал во Францию. Что это было? Неосознанное желание вернуться к истоку? А может, мне захотелось вернуться, чтобы заново пересочинить незадавшуюся жизнь моей матери? Не знаю. Так или иначе, я оказался в Париже, а вскоре решил там остаться. Париж — красивый город, но я остался не из-за этого. Дело было в другом. В интуиции, в предчувствии, что он мне назначен судьбой.

Тогда я еще не знал, что достаточно быстро мне захочется здесь умереть.

Я искал работу и записался на прием к начальнику бюро по трудоустройству «Дюнкер Консалтинг», которое занималось набором бухгалтеров для крупных предприятий. Он сразу заявил, что к бухгалтерской деятельности я непригоден, так как французская бухгалтерия в корне отличается от англосаксонской. Ничего общего.

— Все ваше обучение придется начинать с нуля, — сказал он и засмеялся, довольный тонким юмором своей фразы.

Впрочем, фраза никого больше не рассмешила. А у него от смеха затрясся двойной подбородок. Я застыл на месте. Однако, добавил он, мои общие познания в вопросе, вкупе с американской культурой, дают мне шанс сделаться в их бюро консультантом по найму. Их самые крупные клиенты — американские компании, и они должны оценить, что набор бухгалтеров к ним на работу доверен американцу.

— Но это невозможно, — возразил я. — Набор на работу — не моя специальность, и я в ней ничего не смыслю.

Он усмехнулся гадкой, порочной улыбкой, какая, наверное, появляется на губах старика, когда в последний момент перед объятием юная девушка вдруг заявляет ему, что она еще девственница.

— Об этом мы позаботимся, — произнес он с важным видом.

Меня взяли, и я на две недели отправился проходить интенсивный курс обучения вместе с другими новичками, которые претендовали на

место в штате. Всем им было не более тридцати, и мне казалось, что для такой деятельности они слишком молоды. Для меня оценивать достоинства и степень пригодности кандидатов было все равно что их судить, и я с тревогой думал, как возьму на себя такую ответственность. Остальные вовсе не испытывали никакого страха, наоборот, они с явным удовольствием примеряли на себя солидный костюм чиновника, принимающего на работу, и относились ко всему очень серьезно. Они уже ощущали себя в должности. И вся группа при этом чувствовала принадлежность к элите. Гордыня не оставляла места сомнениям.

В течение пятнадцати дней нас обучали секретам и приемам профессии: как вести беседу с кандидатом, соблюдая простоту стиля и здравый смысл и прибегая еще к куче всяческих ухищрений, которые теперь мне кажутся полной глупостью.

Я усвоил, что, впустив кандидата в кабинет, надо несколько секунд помолчать. Если он заговорит первым, ты, несомненно, имеешь дело с лидером. Если же он терпеливо ждет, когда ему дадут слово, то он по характеру ведомый.

Нам надлежало открыто попросить его представиться:

— Расскажите о себе.

Но при этом не задавать наводящих вопросов. Если кандидат выпутается сам, значит он человек независимый. Если же он начнет спрашивать, с чего начать, с периода учебы или с последнего места работы, то ему явно не хватает инициативы и он будет слишком податлив.

Мы отработывали выученные приемы друг на друге, разбившись на пары, по технике ролевой игры. Одни становились чиновниками, другие кандидатами, тут же придумывали сценарий, причем консультант был волен изощряться, как мог, чтобы вывести кандидата на чистую воду.

Удивительно, какая атмосфера соперничества воцарялась во время этих упражнений. Каждый норовил подчинить себе другого, по большей части воспринимая его как лжеца, которого надо разоблачить, или как врага, которого надо сокрушить. Но самым забавным было то, что инструктор, консультант на жалованье в «Дюнкер Консалтинг», тоже входил в игру и испытывал злорадное удовольствие, заметив чью-нибудь ошибку или упущение. Его любимой фразой было:

— Ага, вот ты и попался!

Он произносил ее с насмешкой, он был в роли, пусть и понимал, что все это только игра. Разумеется, он знал, как заставить нас «попасться»...

Через неделю нам объявили, что мы вполне пригодны к службе.

И я начал проводить дни в бюро, выслушивая, как робкие просители, заливаясь краской от страха, пытались меня убедить, что их главные недостатки — это перфекционизм, чрезмерная строгость и тенденция к перегрузкам. Им даже в голову не приходило, что мне тоже страшно и что я тоже чувствую себя не в своей тарелке. Конечно, у меня шансов было больше, потому что моя роль в игре состояла в том, чтобы слушать, а не говорить. Но я всякий раз приходил в ужас, когда наступал момент безжалостно объявить девяти из десяти соискателей, что их досье не соответствует должности: у меня возникало впечатление, что я зачитываю им приговор. Мое смятение накладывалось на их смятение, и получался заколдованный круг, в котором неловкость только увеличивалась. Я задыхался в этой роли, да и обстановка в бюро не помогала снять напряжение. Человеческие ценности были не более чем фасадом, а на самом деле здесь царила жесткая и холодная конкуренция.

Выживать в такой обстановке мне помогала Одри. Я познакомился с ней в «Марьяж Фрер» на улице Гранд-Огюстен. Этот магазин был словно вне времени, и там я сразу чувствовал покой и умиротворение. Едва за тобой закрывалась дверь и под ногами начинали поскрипывать половицы старинного дубового паркета, ты окунался в изысканную атмосферу колониальной чайной лавки. Тебя обволакивали ароматы сотен сортов чая, заботливо хранящихся в старинных глиняных шкатулках, и ты переносился на Дальний Восток девятнадцатого века, где, наверное, не раз бывал в своем воображении. Стоит только закрыть глаза — и ты уже на борту трехмачтовой шхуны, нагруженной деревянными ящиками с драгоценными чайными листиками, и вот-вот отправишься бороздить моря и океаны. Пока я заказывал продавцу за прилавком сто граммов «Сакуры 2009», кто-то шепнул мне на ухо, что у «Сакуры империаль» вкус тоньше. Я обернулся. Странно: незнакомая девушка обращается ко мне в городе, где каждый пребывает в своей скорлупе и высокомерно игнорирует остальных. А она сказала:

— Не верите? Пошли, дам попробовать.

И, взяв меня за руку, потащила через зал, лавируя между покупателями и стойками со старинными чайниками, к маленькой лестнице наверх, в дегустационный салон. Там царила атмосфера интимной элегантности. Между столиками бесшумно и торжественно скользили официанты в светлых льняных костюмах. Я, с моей расхлябанностью, сразу почувствовал себя чужаком из другого времени. Мы уселись в уголке, за столик, покрытый белой скатертью, с серебряными приборами и фарфоровыми чашечками с изображениями знаменитостей. Одри заказала два чая, две горячие ячменные лепешки и «Солнечный удар», фирменное блюдо, которое, по ее мнению, мне непременно надо попробовать. Мы оживленно болтали, и я получал от этого огромное удовольствие. Она училась в Школе изящных искусств и снимала комнату в мансарде, под самой крышей.

— Вот увидишь, у меня такая крошечная комнатка, — сказала она, давая мне понять, что наше знакомство не прервется за дверями «Марьяж Фрер».

Комнатка оказалась очаровательная, с балками на потолке и маленьким окошком, выходившим на бесконечные скаты серых парижских крыш. Не хватало только лунного серпа, чтобы почувствовать себя в атмосфере диснеевского мультлика «Коты-аристократы». Она разделась с непринужденной грацией, и я тотчас же влюбился в ее изящное и нежное тело. Такой плоти видеть мне еще не приходилось. Руки и плечи были такие тонкие и хрупкие... Невозможно поверить, что их хозяйка выросла на кукурузных хлопьях и усердно занималась спортом. Кожа ее светилась белизной и резко контрастировала с волосами, а грудь... боже мой, грудь была воистину божественна. Раз пятьдесят за ночь я благодарил ее, что она не стала прибегать к парфюму и дала мне возможность насладиться пьянящим, как наркотик, запахом ее тела. Эта ночь до самой смерти останется в моей памяти.

Мы проснулись на другое утро, и я помчался за круассанами. Единым духом преодолев ступеньки шести этажей ее жилища, я бросился в ее объятия, и мы снова любили друг друга. Впервые в жизни я испытывал новое, незнакомое чувство: я был счастлив. И даже не подозревал, что счастье станет предвестником удара, после которого я так и не оправлюсь.

Четыре месяца моя жизнь вращалась только вокруг Одри. Ею были полны мои дневные мысли и ночные сны. Занятия в Школе изящных искусств делали ее жизнь похожей на швейцарский сыр: то густо, то пусто, и в этой неровной консистенции было трудно выбрать свободное местечко, а потому Одри стала почти недостижима. Случалось, что время выпадало посреди недели днем, и тогда я сбегал с работы под предлогом встречи с клиентом, и мы проводили час-другой в номере отеля где-нибудь поблизости. Я чувствовал себя виноватым, но только чуть-чуть: счастье делает тебя эгоистом. Однажды я сидел у себя в бюро, когда мне позвонила Ванесса, наша секретарша, и сообщила, что меня ожидает клиентка. Я никого не ждал, но организация моего рабочего дня оставляла желать лучшего, а потому на всякий случай я пригласил клиентку войти. Уж лучше принять лишнего клиента, чем дать Ванессе повод придрататься к моей неорганизованности. К тому же я не сомневался, что не пройдет и получаса, как об этом узнает шеф. За дверью послышались шаги, и на пороге я увидел Ванессу, а за ней — мою Одри. На ней был вязаный костюм, волосы забраны в конский хвост, а на носу красовались маленькие очки в металлической оправе. Очков я на ней никогда не видел. Но образ получился в яблочко: истинный гротеск, карикатура на бухгалтера. Осипшим голосом я поблагодарил Ванессу и закрыл за Одри дверь бюро. Она решительно сняла очки и скорчила недовольную гримаску. Ее намерения я разгадал сразу и похолодел: я достаточно хорошо ее изучил и знал, что ее ничто не остановит.

Ни разу мне еще не приходилось видеть письменный стол в таком ракурсе. Я умирал от страха, что нас кто-нибудь застанет. Сумасшедшая... Но за это я ее и любил.

Когда четыре месяца спустя Одри меня покинула, моя жизнь разом оборвалась. Не было никаких объяснений, ни малейших намеков на причину. Просто однажды вечером я обнаружил у себя в почтовом ящике маленький конверт. В письме было всего одно слово, написанное таким знакомым почерком: «Прощай». Я замер у входа, так и не закрыв почтового ящика. Кровь застыла в жилах. В голове гудело. Меня сильно затошнило. Я еле добрал до старенького деревянного лифта и поднялся на свой этаж. Ни жив ни мертв, ввалился я в квартиру, хлопнулся на диван и разрыдался. Потом резко вскочил. Но этого не может быть! Этого просто не может быть!

Наверное, это чей-то розыгрыш или еще какая-нибудь ерунда! Я бросился к телефону и попытался ей позвонить. Раз сто мне отозвался автоответчик, и с каждым разом его голос становился все отстраненнее и холоднее. Кончилось тем, что даже автоответчик перестал отвечать, наверное, я его перегрузил. И откуда-то из самых глубин сознания медленно выплыло знакомое чувство. Оно устроилось на поверхности, и я снова услышал его голос: это нормально, это совершенно нормально, что тебя бросили. Вот так-то. Против судьбы не поперешь, Алан...

Вот тут-то я и понял, что смерть пришла за мной. Нет, я не поддался секундному порыву, не побежал кидаться под поезд. До моего сведения просто довели, что жребий брошен. Я должен перейти черту. Надо только выбрать время и место. Меня никто не торопил, меня вовсе не одолевали какие-нибудь болезненные, мазохистские желания, и моей целью не было положить конец страданиям, как бы велики они ни были. Меня непреодолимо влекло туда, за черту, я странным образом чувствовал, что мое место там и туда рвется моя душа. А земная жизнь — это так, недоразумение. Здесь я все делаю шиворот-навыворот, и Одри послана мне, чтобы я познал невыносимую боль и наконец-то посмотрел судьбе прямо в глаза.

Место нашептала мне память, оно не случайно сохранилось в одном из ее закоулков. Одри как-то раз забыла у меня журнал, и я прочел там любопытную статью. Фамилию автора не помню: Дубровский, не Дубровский... Он излагает свою теорию о праве на самоубийство. Человек волен от него отказаться, но если уж не отказался, то кончай с жизнью красиво. Он описывает место, как нельзя лучше подходящее для этой цели. Эйфелева башня, пишет он, хорошо охраняется, но одна достижимая точка там все-таки есть. Надо подняться в «Жюль Верн», роскошный ресторан на третьем этаже, войти в женский туалет и толкнуть маленькую дверь слева от раковины. На двери написано «Служебное помещение», и она ведет в маленькую комнату, где хранятся лампы и детали для светящихся реклам. Окно в комнате не зарешечено и выходит прямо на крышу. Я вспомнил все эти детали так четко, словно прочел статью сегодня утром. Умереть на Эйфелевой башне... В этом есть что-то грандиозное. Это будет реванш за всю неудавшуюся жизнь.

Еще шаг...

Надо пройти еще чуть-чуть вперед, чтобы внизу не торчали никакие металлические конструкции.

У меня никого и ничего больше не осталось: ни друзей, ни родственников, ни радостей... Ничего, что могло бы заставить меня пожалеть... Я был готов душой и телом...

Последний шаг...

Ну вот... Место то самое... Надо собраться... Воздух здесь какой-то... сладкий, просто божественный нектар. Я был совершенно один, и сознание начало меня покидать... Глубокий вдох... И пошел потихоньку направо, к краю пропасти. Даже если не смотреть вниз, ее присутствие, ее красоту можно почувствовать...

Я нахожусь на высоте лебедки лифта «Жюля Верна». Вот она, передо мной, нас разделяют три метра небытия. Отсюда мне виден только кусочек крыши с желобом для кабеля. А дальше — пустота... Пустота... Окна ресторана выходят на другую сторону. Никто меня не видит. Из ресторана не доносится ни единого звука. Только тихо бормочет внизу ночной город. Его огни переливаются, манят, завораживают... и теплый, пьянящий воздух обволакивает меня несказанным счастьем... Я больше не ощущаю своего тела, в голове никаких мыслей... Я уже не я. Я погрузился в пространство, в жизнь, в смерть... Я больше не существую, я неразличим... Я полностью слился с жизнью, я...

Рядом кашлянули...

Это мигом вернуло меня к действительности, как щелканье пальцев гипнотизера выводит пациента из транса.

Справа от меня, у самого бортика крыши, стоял человек и смотрел мне прямо в глаза. На вид ему было лет шестьдесят... В волосах седина, темный костюм... Взгляд его, в свете огней башни, казалось, шел ниоткуда. Всю жизнь буду помнить этот серо-стальной взгляд, от которого кровь холодела в жилах.

Во мне перемешались два чувства: удивление и гнев. Я же принял столько предосторожностей, чтобы меня никто не увидел, и был абсолютно уверен, что за мной не следят! А получилось, как в скверном фильме, когда в нужный момент вдруг появляется спаситель и предотвращает самоубийство.

Ладно, жизнь моя не удалась, ее захватили другие. Но смерть принадлежала только мне. Мне одному. Не могло быть и речи, чтобы

позволить кому-то меня переубедить: мол, жизнь все равно прекрасна, а таких неудачников, как я, — пруд пруди, ну и так далее в том же духе... Все равно меня никто не поймет, да я и не прошу. Больше всего на свете мне хотелось остаться одному.

— Оставьте меня. Я свободный человек. Я сам знаю, чего хочу. Уходите.

Он молча смотрел на меня, и я стал смутно ощущать, что что-то пошло не так. Вид у него был уж больно... спокойный. Ну да, спокойный и невозмутимый!

Он поднес ко рту сигару:

— Давай, прыгай!

Его слова меня парализовали. Я ожидал чего угодно, только не этого. Что за тип? Извращенец? Он что, хочет увидеть мое фиаско, да еще этим и поиграть? Черт побери! И откуда он взялся на мою голову? Чем я провинился перед Богом, мать твою?.. Я взорвался. Долго сдерживаемое бешенство обожгло лицо. Ситуация сложилась невероятная. Этого не могло быть, не могло быть, не могло...

— Ну, чего стоишь? — послышался до жути спокойный голос. — Валяй, сигай!

Это меня доконало. Мысли окончательно смешались, и собрать их воедино уже не получалось.

Я смог только выдавить из себя:

— Вы кто? Что вам от меня нужно?

Он безмятежно вытащил изо рта сигару и долго следил за дымком, который легкими кольцами поплыл ко мне. Его взгляд буквально ввинчивался в меня, и я застыл на месте. Да, этот тип одним взглядом, наверное, мог бы согнуть Эйфелеву башню.

— Ты в бешенстве, но в глубине души очень страдаешь, — произнес он спокойно, с неуловимым акцентом, который я не смог распознать.

— Нетрудно догадаться.

— Ты отчаянно несчастлив, и тебе больше не хочется жить.

Его слова меня растревожили, и боль резанула с новой силой. Я чуть кивнул:

— Скажем так... у меня всю жизнь были крупные проблемы...

Он медленно, очень медленно выпустил сигарный дым:

— Крупных проблем не бывает. Бывают мелкие личности.

Во мне поднялась волна гнева. Кровь застучала в висках, и они запылали. Я сглотнул:

— Проще простого воспользоваться ситуацией и унижить меня. Вы кем себя возомнили? Вы-то уж, ясное дело, способны справиться со всеми своими бедами?

Спокойно, с невероятным апломбом, он процедил:

— Да. И с чужими тоже.

А мне вдруг стало плохо. Я ощутил себя в пустоте и почувствовал... что боюсь. Страх наконец добрался до меня и захватил целиком. Руки онемели. Только не смотреть вниз...

А он снова начал:

— Верно, если сиганешь, все проблемы улетучатся и ты вместе с ними... Вы друг от друга отделаетесь, так сказать, будете квиты. Однако ситуация тому не соответствует.

— Что вы хотите сказать?

— В очередной раз плохо будет тебе. А твоим бедам — хоть бы что. Ситуация неравновесна для разрешения.

— Когда прыгаешь с башни, не мучаешься. Шок так велик, что умираешь раньше, чем успеешь понять, что произошло. И никакой боли. Я справлялся, знаю.

Он тихо рассмеялся.

— А что тут смешного?

— Ну да, если исходить из гипотезы, что ты будешь еще жив, ударившись о землю... Вот тут ты и ошибаешься. Живым не финиширует никто.

Он сделал еще одну долгую затяжку. Мне становилось все хуже. Страшно кружилась голова. Сесть бы где-нибудь...

— На самом деле, — продолжил он, — все умирают во время падения, от разрыва сердца. От животного страха при виде земли, которая неотвратимо приближается со скоростью двести километров в час. Страх понуждает в приступе рвоты вытолкнуть из себя все внутренности, а потом рвется сердце. В миг смерти у всех глаза вылезают из орбит.

У меня подкосились ноги. Мне показалось, что я сейчас грохнусь в обморок. Голова кружилась все сильнее. Сердце пронзила острая боль. Главное — не смотреть вниз... Держаться прямо... Сосредоточиться на этом типе и не выпускать его из поля зрения.

— Я мог бы предложить тебе кое-что, — медленно заговорил он после долгого молчания.

Я ничего не ответил, жадно вслушиваясь.

— Что-то вроде сделки, — продолжил он, и слова поплыли в воздухе, как кольца дыма.

— Сделку? — пробормотал я.

— Ну да. Ты останешься жить, а я позабочусь о тебе, наставлю на путь истинный и сделаю из тебя человека, способного управлять своей жизнью. Ты сам научишься разрешать свои проблемы и в конечном итоге станешь счастливым. А взамен...

Он снова выпустил дым сигары и продолжил:

— Взамен ты берешь на себя обязательство делать то, что я скажу. А гарантом будет... твоя жизнь.

Это предложение меня очень смутило и усилило донимавшую меня дурноту. С большим трудом мне удалось сосредоточиться, собраться и хоть как-то его осмыслить.

— Что вы имеете в виду? Что такое «гарантом будет жизнь»?

Он снова помолчал.

— Ты должен будешь соблюдать обязательство.

— Иначе?

— Иначе... не останешься в живых.

— Чтобы принять такие условия, надо быть сумасшедшим!

— А что тебе терять?

— А ради чего мне отдавать свою жизнь в руки незнакомого человека в обмен на гипотетическое счастье?

На его лице появилось выражение, какое бывает у шахматиста, когда он понимает, что противник в цейтноте.

— А что ты получишь в обмен на реальную, не гипотетическую смерть? — сказал он, описав круг огоньком сигары.

Я проследил глазами за его рукой и понял, какую ошибку совершил: голова снова отчаянно закружилась. Пропась за бортиком крыши ужасала и в то же время притягивала и звала, обещая избавить от омерзительной тоски, охватившей меня. Мне захотелось растянуться на балке крыши и лежать, не шевелясь, в ожидании помощи. По телу побежала неистовая, невыносимая дрожь, которую я не мог унять.

Дождь...

Пошел дождь... О господи... Теперь крыша станет скользкой, как каток.

Пять метров крыши отделяют меня от незнакомца, от окна, от спасения... Пять метров покатою, скользкой крыши. Надо сосредоточиться. Собраться. Прежде всего — держаться прямо. Перевести дыхание. Надо потихоньку повернуться направо, но... ноги меня не слушаются. Подошвы словно прилипли к металлу. Я слишком долго оставался в одной позе, и от этого мышцы одеревенели. Головокружение не отпускало, как злой колдун не выпускает жертву. Ноги начали дрожать все сильнее, и унять эту дрожь не было никакой возможности. Я быстро терял силы.

Лебедка...

Раздался шум вызванного кем-то лифта. Колесо лебедки закрутилось и стало разбрызгивать воду. По мере того как лифт спускался, набирая скорость, колесо вертелось все быстрее. Меня обдавало холодными брызгами, вода заливала глаза, попадала в уши. Я потерял равновесие и присел, а водопад все лился на меня... Сквозь шум воды пробился властный голос незнакомца:

— Иди сюда! Открой глаза! Ставь ступни вот тут, одну перед другой!

Я повиновался, стараясь слушать только его приказание и забыть все свои мысли и чувства, как бы они меня ни захватили. Шаг, еще шаг... Я шел, как робот, механически выполняя каждое указание. И вот мне удалось выбраться из-под водяных струй и чуть продвинуться вперед. Совершенно ошалевший, я стоял теперь почти на уровне незнакомца. Я уже занес ногу, чтобы перешагнуть поперечную балку, которая нас разделяла. И тут он с силой схватил меня за протянутую к нему мокрую, дрожащую руку и удержал. Я так удивился, что вскрикнул, снова потерял равновесие и качнулся к пропасти за бортиком крыши. Но его железная рука держала меня крепко.

— Ну как, принимаешь условия?

Вода сбегала по морщинам, избороздившим его лицо, голубые глаза притягивали и завораживали.

— Да.

2

На следующее утро я проснулся в своей постели, с наслаждением закутавшись в теплое, сухое одеяло. Сквозь ставни пробивался солнечный луч. Вылезать из теплого кокона не хотелось, и я бочком подкатился к ночному столику, выпростал из-под одеяла руку и нашарил визитную карточку, которую туда положил перед сном. Расставаясь, мой странный знакомый сказал:

— Приходи завтра к одиннадцати.

Ив Дюбре

23, авеню Анри-Мартен

75116 Париж Телефон: 01 47 55 10 30

Я не знал, что меня ждет, а потому особой уверенности не испытывал.

Взяв трубку, я позвонил Ванессе и попросил ее отменить на сегодня все встречи: я совсем разболелся и не знаю, когда поправлюсь. Покончив с этим, залез под душ и стоял, пока не кончилась горячая вода в резервуаре.

У меня была съемная двухкомнатная квартира на Монмартре. Ее цена явно не соответствовала крошечным размерам, но зато какой вид открывался отсюда! В периоды хандры я часами просиживал у окна, и мои глаза тонули в бесконечной панораме домов и памятников. Я представлял себе судьбы и занятия людей, живущих в этих домах. Их было так много, что, наверное, каждый час, днем и ночью, что-нибудь происходило: люди работали, спали, занимались любовью, умирали, ссорились, просыпались... Я говорил себе «пуск!» и пытался понять, сколько людей в этот момент рассмеялись, расстались с супругами, вступили в игру, расплакались, умерли, улеглись спать, влюбились с первого взгляда... Какие разные чувства, и ведь все они пережиты в одно и то же время, в один миг!

Я снимал квартиру у пожилой дамы, мадам Бланшар, которая, на мою беду, жила как раз подо мной. Она овдовела лет двадцать назад, но можно было подумать, что она все еще в трауре. Ревностная католичка, она по несколько раз в неделю ходила в церковь. И в

воображении мне часто рисовалось, как она, став на колени в старинной деревянной исповедальне в церкви Сен-Пьер де Монмартр, нашептывает сквозь решетку все услышанные накануне сплетни. Наверное, и о моих прегрешениях тоже докладывает: всякий раз, как я превышаю допустимый уровень шума, то есть полную тишину, она поднимается ко мне наверх и яростно колотит в дверь. Я приоткрываю дверь и в щелку вижу ее раздраженное лицо, а она мне пеняет и призывает уважать правила общежития. Интересно, как ей удастся расслышать такие ничтожные звуки, как падение сброшенного ботинка или стук поставленного на столик бокала? К несчастью, в старости слух у нее не ослабел. А может, у нее к потолку приделан медицинский стетоскоп и она, встав на табуретку, прислушивается ко всем звукам, доносящимся сверху?

Она неохотно сдала мне квартиру, предупредив, что делает мне особое одолжение: как правило, иностранцам она не сдает, но американцы во время войны вызволили из плена ее мужа, и для меня она сделала исключение. Я же должен стараться быть достойным такой чести.

Нечего и говорить, что Одри никогда у меня не оставалась. Я опасался, что к нам заявятся агенты инквизиции в черных сутанах и в надвинутых на лица капюшонах, подвешат голенькую Одри на крюк к потолку, закуют ей ноги и руки в цепи и станут поджаривать на медленном огне.

В то утро я вышел, аккуратно прикрыв дверь, и спустился с пятого этажа.

Со дня расставания с Одри мне ни разу не было так легко, хотя объективных причин для улучшения самочувствия не было никаких. Ничего не изменилось. Впрочем, не совсем: мной кто-то заинтересовался, и каковы бы ни были его намерения, это проливало бальзам на мое сердце. Под ложечкой посасывало, точь-в-точь как по дороге в бюро, когда я знал, что мне предстоит выступить перед людьми.

Выходя, я наткнулся на Этьена, местного клошара. У нашего подъезда было крыльцо со ступеньками и площадкой, и он имел обыкновение прятаться внизу, под лесенкой. Из-за него постоянно страдала совесть мадам Бланшар, поскольку ей приходилось разрываться между христианским милосердием и страстью к порядку.

В это утро Этьен вылез из своего убежища и грелся на солнышке, прислонив нечесаную голову к стене дома.

— Хорошая сегодня погода, — сказал я, проходя мимо.

— Уж какая есть, мой мальчик, — хрипло отозвался он.

Я спустился в метро, и один вид перекошенных лиц парижан, идущих на работу, как на битву, снова нагнал на меня тоску.

Выйдя на станции «Рю-де-ла-Помп», я очутился в одном из фешенебельных кварталов и сразу ощутил разницу между спертым воздухом подземелья и свежим ароматом зелени, царящим здесь. Наверное, дело было в малом количестве машин и в близости Булонского леса. Авеню Анри-Мартен оказалась красивой, слегка изогнутой улицей с четырьмя рядами деревьев, в центре и по краям, и роскошными домами из резного камня. Дома прятались за высокими, черными с золотом, коваными заборами. Прохожих было мало: несколько элегантных дам и куда-то спешащих господ. Определить их возраст не представлялось возможным: уж очень искусные косметологи поработали над лифтингом. Лицо одной из дам навеяло воспоминания о Фантомасе, и я подумал: интересно, что они выигрывают, избавляясь от следов времени? Может, хотят походить на инопланетян?

Поскольку я пришел очень рано, то зашел в кафе перекусить. Я уселся у окна и стал ждать, вдыхая запах круассанов и свежесваренного кофе. Официант не спешил ко мне подходить и сделал вид, что не замечает моего призывного жеста. Пришлось ему крикнуть, и он, ворча, подошел. Я заказал горячий шоколад и тартинки и стал от нечего делать листать «Фигаро», лежавшую рядом на мраморном столике. Мне принесли дымящийся шоколад, и я набросился на тартинки из свежего хлеба с маслом. А у стойки уже вовсю шла оживленная беседа. В парижских кафе особая обстановка. В Соединенных Штатах вы нигде не найдете такого аромата искреннего, непосредственного веселья.

Прошло полчаса, и я снова отправился в путь. Авеню Анри-Мартен — улица длинная, и по дороге я размышлял об Иве Дюбре. Что заставило этого человека предложить мне такое необычное соглашение? Так ли уж безобидны его цели, как он утверждает? Его поведение по меньшей мере двусмысленно, и доверять ему трудно. Чем ближе я подходил к его дому, тем больше росла во мне тревога.

Проходя мимо домов, один другого краше, я сверялся с номерами и уже подошел к двадцать пятому. Дом Дюбре должен быть следующим, но на номере двадцать пятом жилые доходные дома закончились. Густая зелень за черной с золотом решеткой скрывала здание. Я подошел ближе к подъезду. Номер двадцать три оказался роскошным особняком из резного камня. Достав из кармана визитку, я сверился с адресом. Все правильно. Впечатляет... Это что, действительно его дом?

Я позвонил. В тот же миг включилась маленькая камера видеофона за стеклом, женский голос пригласил меня войти, и электронный дверной замок открылся. Не успел я сделать и нескольких шагов по саду, как на меня с лаем вылетел огромный черный доберман. Глаза его угрожающе горели, с клыков капала слюна. Я проворно отскочил в сторону, цепь, к которой он был пристегнут, резко натянулась, и ошейник сдавил ему горло. Пес закашлялся, забрызгав слюной мои ботинки, и молча повернул на 180 градусов. Видимо, ему вполне хватило того факта, что я ужасно испугался.

— Прошу тебя, не сердись на Сталина, — сказал, подходя ко мне, Дюбре.

— Вот несносный пес!

— Его зовут Сталин? — пробормотал я, пожимая ему руку.

Пульс у меня выколачивал ударов под сто сорок.

— Обычно его спускают с цепи только по ночам, а днем, когда кто-нибудь является с визитом, он просто выскакивает поразмяться. Визитеров он, конечно, изрядно пугает, но зато они потом делаются более покладистыми... Пойдем.

И он двинулся вперед, приглашая меня в просторный мраморный холл, где гулко отдавался его голос.

Холл поражал высотой потолка. На стенах висели огромные картины в старинных золоченых рамах.

Лакей в ливрее принял у меня куртку. Дюбре направился к монументальной лестнице из белого мрамора, я за ним. По центру лестницы висела величественная люстра с черными хрустальными подвесками, которая весила, наверное, втрое больше меня. Поднявшись на этаж, Дюбре вошел в коридор, завешанный коврами и картинами, где на стенах красовались канделябры. У меня создалось впечатление, что я попал в старинный замок. Хозяин шел впереди и

говорил так громко, словно я был от него метрах в десяти. Темный костюм выгодно оттенял седину. Непокорные серебряные пряди придавали ему сходство с пылким дирижером. Открытый ворот белоснежной рубашки украшал шелковый платок.

— Пойдем ко мне в кабинет. Там будет уютнее.

— Хорошо.

Уюта мне как раз очень не доставало. Дом был, конечно, потрясающий, но совершенно не располагал к доверительной беседе.

Кабинет и вправду показался мне уютным. Глаз приятно отдыхал на старинных книжных шкафах, где стояли книги, тоже по большей части старинные. Плотный персидский ковер покрывал набранный в версальском стиле паркет. Тяжелые шторы в темно-красных тонах приглушали звуки. У окна стоял большой письменный стол красного дерева, обитый черной кожей с тонким золотым тиснением по краям. На нем высились несколько стопок книг и документов, а посередине, лезвием прямо на меня, угрожающе торчал огромный серебряный нож для разрезания бумаг. Этакое орудие убийства, которое преступник забыл, впопыхах покидая место преступления. Дюбре усадил меня в одно из темно-коричневых кожаных кресел, стоявших возле стола.

— Хочешь чего-нибудь выпить? — спросил он, наливая себе виски.

— Нет, спасибо. Не сейчас.

Кубики льда потрескивали, опускаясь на дно бокала.

Он спокойно устроился в кресле и отпил глоток, а я пытался понять, что же меня ожидает.

— Ладно, слушай. Вот что я хочу тебе предложить. Сегодня ты начнешь с того, что расскажешь мне о своей жизни. Ты говорил, у тебя куча неприятностей. Я хочу знать все. Не будем строить из себя юных недотрог. Не бойся мне довериться. Я в своей жизни повидал столько гнусностей, что меня уже ничем не удивишь и не шокируешь. Но и не пытайся прибавлять подробностей, чтобы оправдать то, что ты пытался сделать вчера. Я должен разобраться в твоей истинной личной истории...

Он замолчал и отпил еще глоток.

Было что-то непристойное в том, чтобы рассказать свою жизнь незнакомому человеку, позволить ему заглянуть по другую сторону ежедневной рутины: работы, разговоров, деловых встреч. Я боялся ему довериться, словно в результате он получит надо мной особую власть,

но в конце концов решился, перестал мучить себя вопросами и заговорил. Наверное, я согласился открыться еще и потому, что не чувствовал себя «на ковре». Меня никто не судил. Надо было принимать условия игры, в которую я вступил. И потом, если уж ты перешагнул через стыд, все-таки здорово, что у тебя есть по-настоящему внимательный слушатель. В жизни нечасто выпадает такая возможность.

Чувствовать, что кто-то действительно хочет тебя понять, проследить все изгибы твоей мысли и глубины души... Такая прозрачность личности освобождает и в какой-то мере возбуждает.

В замке, как я про себя назвал жилище Дюбре, я провел весь день. Дюбре говорил мало и необыкновенно внимательно меня выслушивал. Мало кто из людей способен так долго сосредоточивать внимание на чем-то одном. Спустя час или два с начала нашей беседы к нам вошла дама лет сорока на вид. Он сдержанно представил ее:

— Это Катрин, я ей полностью доверяю.

Дама была сухопарая, уныло одетая, тусклые волосы небрежно забраны в узел. Похоже, вид ее означал презрение ко всем женщинам на свете. Она вполне могла бы быть дочерью мадам Бланшар; по крайней мере, их роднил темперамент. Она пришла просить совета у Дюбре, показав ему несколько строчек, написанных на листке бумаги. Мне их разглядеть не удалось. Для жены она вела себя слишком холодно и отстраненно. Кто же она? Сотрудница? Ассистентка?

Наш разговор, точнее мой монолог, возобновился через час после обеда. Обедать мы спустились в сад, в беседку, что было очень удивительно в самом центре Парижа. Катрин присоединилась к нам, но особой словоохотливостью не отличалась. Зато должен сказать, что Дюбре болтал без умолку, сам задавая вопросы и сам на них отвечая, словно стремился вознаградить себя за долгое молчание. За столом прислуживал другой лакей, не тот, что встретил нас в холле. Экспансивные манеры Дюбре резко отличались от спокойной сдержанности прислуги. Он за словом в карман не лез, и это успокаивало меня куда больше, чем его пристальные и тревожные взгляды, которые я ловил на себе, когда он меня слушал.

— Ты не будешь возражать, если Катрин останется с нами после обеда? Она — мои глаза и уши, а зачастую и мой мозг, — прибавил он, смеясь. — У меня от нее секретов нет.

Ловкий способ проинформировать меня о том, что было заранее запланировано.

— Нет, конечно, — соврал я.

Он предложил прогуляться по саду, чтобы немного размяться. Думаю, ему надо было осмыслить то, что он услышал.

Потом мы втроем вернулись в кабинет. Я чувствовал себя немного не в своей тарелке, однако Катрин относилась к породе людей, чья подчеркнута нейтральная позиция заставляет быстро забыть об их существовании.

Уже вечером, часов в семь, мы исчерпали тему моей злополучной жизни. Катрин сразу ушла.

— Мне надо над этим поразмыслить, — задумчиво сказал Дюбре. — Так или иначе, я извещу тебя о твоём первом задании. Оставь мне свои координаты.

— О моем первом задании?

— Ну, если хочешь, о твоей первой миссии. О том, что ты должен сделать, ожидая следующих инструкций.

— Я не уверен, что понял...

— Ты воспринимал окружающее так, как оно в тебе запечатлелось, сообразуясь с твоим видением мира, с твоими взаимоотношениями с другими людьми, с твоими эмоциями... В результате, честно говоря, дело не пошло. На тебя свалилась куча бед, и ты почувствовал себя несчастным. Если так и будешь продолжать, жизнь твоя будет очень тусклой. Надо срочно что-то менять...

У меня возникло ощущение, что он размахивает скальпелем и намерен тут же, не сходя с места, вскрыть мне мозги. А он продолжил:

— Об этом можно говорить часами, но все будет впустую, пока сам не поймешь причину своих бед. И так и останешься несчастным неудачником... Видишь ли, когда компьютер дает сбой, надо ставить новые программы.

— Беда только в том, что я-то не компьютер.

— Ну, во всяком случае, главное ты схватываешь: тебе надо пройти серию испытаний, которые изменят твой взгляд на жизнь и помогут преодолеть все страхи, сомнения и тревоги.

— А где доказательства, что вы сможете меня правильно... перепрограммировать?

— Ты принял мои условия. Бесплезно задавать вопросы. От этого станет только еще страшнее, а страхов у тебя, насколько я понял, полно.

Я молча глядел на него и размышлял. Он спокойно выдержал мой взгляд, тоже не говоря ни слова. Эти несколько секунд показались мне часами. Наконец я прервал молчание:

— Кто вы, господин Дюбре?

— Ох, я и сам иногда задаю себе этот вопрос, — сказал он, поднимаясь с места и направляясь в коридор. — Пойдем, я тебя провожу. Кто я? Кто же я? — декламировал он на ходу, и его мощный голос гулко раздавался на просторной лестнице.

3

На следующую ночь мне приснился кошмар, хотя с самого детства кошмары меня не мучили. Мне снилось, будто я нахожусь в каком-то странном особняке. На дворе ночь. И Дюбре тоже тут, рядом со мной. Стены огромного зала высоченные и черные, как в каземате. В канделябрах еле теплятся свечи, распространяя вокруг себя слабый, неверный свет и запах старого пригоревшего воска. Дюбре сверлит меня своим пронзительным взглядом, в руке у него какая-то бумага. На стоящей чуть поодаль Катрин не наблюдается ничего, кроме черного белья и туфель на высоких каблуках, волосы завязаны в конский хвост. В руке у нее длинная плетка, которой она время от времени с неожиданной силой щелкает по полу, испуская при этом сиплый вопль, как теннисист, посылающий мяч. Перед ней сидит Сталин и лает при каждом щелчке плетки. Дюбре не сводит с меня глаз. У него вид человека, который сознает свое всемогущество. Он протягивает мне листок бумаги:

— Держи! Вот твоя миссия!

Я трясущейся рукой беру бумагу и подношу ее к свечам, чтобы прочесть. Имена. Список имен, и напротив каждого адрес.

— Что это?

— Ты должен их убить. Всех. Это твоя первая миссия. Первая.

Плетка Катрин щелкает особенно громко, и Сталин заходится лаем.

— Но я ведь не преступник! Я не хочу никого убивать!

— Это будет тебе во благо, — говорит он, скандируя каждое слово.

Меня охватывает паника. Ноги подкашиваются, челюсть начинает дрожать.

— Ни за что. Я... я совсем не хочу... совсем. Не хочу!

— Надо! Поверь мне, — произносит он вкрадчивым голосом, — все это из-за твоей истории, понимаешь? Только во мраке ты поймешь, как выбраться из мрака. Не бойся.

— Не могу, — шепчу я. — Не могу...

— У тебя нет выбора.

Голос его становится все настойчивее, взгляд все пронзительнее. Он медленно приближается ко мне.

— Не подходите! Я хочу выйти отсюда!

— Не сможешь. Слишком поздно.

— Отстаньте!

Я бросаюсь к высокой двери зала. Заперто. Я изо всех сил дергаю за ручку.

— Откройте! — ору я, молотя по двери кулаками. — Откройте дверь!

Дюбре медленно приближается. Я прислоняюсь к двери спиной, сложив руки крестом:

— Вы не можете меня заставить! Я никого не стану убивать!

— Вспомни: ты ведь дал согласие!

— А если я возьму его назад?

Мой ответ вызывает у Дюбре взрыв хохота. Демонического хохота, от которого в жилах стынет кровь.

— В чем дело? Что вас так насмешило?

Скривив губы в гримасу, он оборачивается к Катрин. Она смотрит на меня, и на ее лице расплывается мерзкая улыбка, от которой меня начинает тошнить.

— Если ты берешь свои слова обратно... — начинает он медленно, с макиавеллиевской усмешкой, и тусклое пламя свечей отбрасывает на его лицо дьявольский отблеск, — если ты берешь свои слова обратно, я вношу тебя в список и отдаю его... кому-нибудь другому...

В этот момент я чувствую, что ручка двери у меня за спиной поворачивается. Я выскакиваю за дверь, отпихиваю слугу и бросаюсь бежать.

А за мной жутким эхом несется, раздаваясь на лестнице и в коридоре, голос Дюбре:

— Ты дал согласие! Ты дал согласие! Ты дал согласие!

Я проснулся, как от толчка, задыхаясь, весь в поту. Вид привычных предметов вокруг понемногу вернул меня к действительности.

Я испытывал облегчение оттого, что все это было только во сне, и одновременно тревогу, как бы события и на самом деле не приняли тот же оборот. Ведь мне же ничего не известно ни о самом Дюбре, ни о его истинных намерениях... Я ввязался в игру, не зная ни правил, ни конечной цели. Ясно только одно: я не могу из нее выйти. Это правило я уразумел и принял его очертя голову...

Часы показывали шесть. Я встал и медленно начал собираться на службу. Жизнь брала свое, надо было возвращаться на работу, хотя уже сама перспектива вновь оказаться в этом осином гнезде приводила в уныние.

При моем появлении Ванесса вскочила и просеменила за мной по коридору в кабинет.

— Я не знала, придешь ты сегодня или нет, но, в ожидании вестей от тебя, постаралась принять твоих посетителей. Между нами, Фостери был не слишком доволен твоим вчерашним отсутствием. Но я встала на твою защиту. Я ему сказала, что голос у тебя в телефоне был замогильный и ты, по-видимому, серьезно болен. К слову говоря, если бы не я, он бы тебе никогда не поверил.

— Спасибо, Ванесса, это очень мило.

Ванесса обожала ситуации, в которых она могла явить миру свою незаменимость, и в этой страсти доходила до того, что сама их создавала. Я никогда не узнаю, заметил ли вообще Фостери мое отсутствие... С нее станется, она могла пойти и на двойную игру: побежать, например, к нему, доложить о моей немотивированной отлучке и там тоже заслужить похвалу... Я опасался ее, как чумы.

Люк Фостери, директор по персоналу бухгалтеров и финансистов, находился в подчинении у главы подразделения Грегуара Ларше. «Дюнкер Консалтинг» по всем признакам была лидером по человеческим ресурсам в Европе, где у нее имелись два крупных ответвления: вербовка и формирование. Предприятие разместило свои акции на Бирже месяца за два до моего появления. Это составляло гордость нашего президента, который отныне считался лидером по показателям индекса САС 40^[1], хотя предприятие и насчитывало всего несколько сотен штатных сотрудников, представителей трех стран. Первое, что он сделал после этого, было приобретение престижной служебной машины с шофером. Надо было с толком употребить только что полученные деньги. Во вторую очередь он нанял телохранителей, словно котировка предприятия на Парижской бирже сразу сделала директора лакомым кусочком для местных воров. Охрана в темных костюмах и черных очках следовала за ним повсюду, постоянно оглядываясь по сторонам, как будто высматривала притаившихся на крыше снайперов. Но истинные перемены, последовавшие за этим событием, лежали в нематериальном русле:

атмосфера менялась со дня на день. Теперь все глаза были прикованы к синей линии, обозначающей курс акций. Поначалу все включились в игру. Мы с энтузиазмом следили за его явным повышением. Но скоро игра стала настоящим наваждением для всех наших менеджеров. Правда, мы должны были каждый триместр публиковать свои результаты, и, ввиду весьма скромных показателей, затея провалилась. Дирекция регулярно распространяла в прессе коммюнике, но нельзя же поминутно сообщать о хороших новостях. Так не бывает, чтобы работа предприятия сопровождалась одними сенсациями, да к тому же надо все время быть в курсе всех событий, «прессовать прессу», как говорит наш президент. Кормить прессу только блестящими результатами опасно: сначала станешь жертвой, а потом рабом. За годы работы предприятие заметно набрало в профессионализме, в серьезности подхода и в качестве обслуживания клиентов. Раньше каждое удачное трудоустройство клиента становилось предметом особой заботы. Все силы бросались на то, чтобы отыскать настоящую жемчужину, кандидата, который обладал бы не только нужными качествами, но и характером и темпераментом, позволяющим освоиться с новыми обязанностями и преуспеть в доверенной ему миссии.

После вступления в ряды Биржи все разом переменялось: эти задачи отошли на второй план. Главными стали цифры, которые сообщались прессе в конце триместра, количество принятых клиентов. Вся организация работы была пересмотрена. Помимо приема клиентов, консультанты теперь занимались и изучением рынка сбыта. Надо было быстро находить новых клиентов, заключать новые контракты, рапортовать о новых цифрах. Отныне инструкция гласила, что надо тратить минимум времени на переговоры по поводу приема на работу и максимум — на изучение рынка. Ремесло, по сути, себя исчерпывало и постепенно теряло благородные черты, которые приобрело в моих глазах.

И взаимоотношения между коллегами тоже изменились: дух коллективизма, команды, царивший в первые месяцы, уступил место безудержному эгоизму. Каждый теперь играл за себя, и в этом смысле наша жизнь все больше напоминала спортивные соревнования. Было ясно, что предприятие на этом теряет, поскольку каждый, чтобы выпутаться из очередной неприятной ситуации, норовил вставить

палки в колеса другим, в ущерб интересам команды. И конечно, больше не судачили возле кофейного автомата, обсуждая какой-нибудь очередной ляпсус или ложь, слетевшую с уст кандидата, а ведь эти моменты были так важны для ощущения причастности к общему делу и мотивации служения его интересам.

В конце концов, что есть предприятие, как не общность людей, разделяющих одни чувства в ходе работы над одним проектом? А может, в проект не входило заставлять некое множество людей карабкаться наверх. И то, что нас заставили конкурировать друг с другом, вовсе не способствовало возникновению положительных эмоций...

Зазвонил телефон. Ванесса объявила мне, что первый из назначенных явился. Я заглянул в ежедневник: на сегодня назначено семеро. День обещал быть длинным...

Я быстро открыл электронную почту. За один день отсутствия накопилось сорок восемь писем. Я сразу кликнул одно, пришедшее от Люка Фостери. Как обычно, ничего существенного. Лаконичное послание:

Надо наверстать упущенное за день вашего отсутствия. Довожу до вашего сведения, что вы отстаете по показателям за месяц.

Сердечно ваш Л. Ф.

Это «сердечно ваш», набранное шрифтом автоматического клише, выглядело на экране совершенно неуместно. Копии разосланы Грегуару Ларше и всем моим коллегам. Вот так номер!

Я пригласил кандидата войти, и собеседование началось. Я никак не мог сосредоточиться на своих обязанностях и ушел из офиса уже перед рассветом, абсолютно убежденный, что ноги моей там больше не будет. Мой мозг подвел черту и вычеркнул эту работу из будущего. Я продолжал жить, а все данные о ней восстановлению не подлежали. Это место казалось мне чужим, а мое присутствие здесь — бессмысленным. Я там находился только физически.

Мне удалось ускользнуть около семи часов. Вот чудо! Едва я вышел на улицу Оперы, как на тротуаре ко мне подошел человек в блейзере цвета морской волны. Ни дать ни взять — зеркальный шкаф.

Водянистые, невыразительные голубые глаза, плоские, совсем без скул, щеки... Я инстинктивно отпрянул.

— Господин Гринмор?

Я чуть помедлил и ответил:

— Да...

— Господин Дюбре вас ждет, — сказал он, небрежно махнув в сторону черного «мерседеса», стоявшего под парами у тротуара.

Тонированные стекла мешали разглядеть, кто сидит внутри. Я с опаской шагнул за человеком в блейзере, и он распахнул передо мной заднюю дверцу. Сердце у меня слегка сжалось, когда я забирался в автомобиль. Внутри пахло кожей. Дюбре оказался рядом со мной, но машина была просторная, и между нами оставалось изрядное расстояние. Прежде чем «зеркальный шкаф» закрыл дверцу, я успел поймать любопытный взгляд Ванессы, которая как раз выходила из офиса.

Дюбре молчал. Минуту спустя «мерседес» тронулся с места.

— Поздно заканчиваешь, — проворчал Дюбре.

— Бывает, что и позже, иногда после девяти, — отозвался я, довольный, что могу нарушить молчание.

Однако молчание снова воцарилось.

— Я много размышлял о тебе, — начал он наконец. — У тебя действительно проблема на проблеме. И главная в том, что ты боишься людей. Не знаю, сознаешь ли ты это, но ты не решаешься ни себя преподнести, ни ясно выразить свои желания. Тебе очень трудно противиться чужой воле и решительно высказать несогласие. Короче, ты живешь не своей жизнью, а все время находишься под чьим-то влиянием, пугаясь чужой реакции. А потому первое задание, которое я тебе дам, будет заключаться в том, чтобы заставить тебя пересилить собственную нерешительность и научиться ясно выражать свои желания и добиваться того, что хочешь.

Затем тебе надо понять, что не стоит стремиться соответствовать чужим представлениям о тебе, подстраиваться под чужие критерии и чужие ценности. Смело заявляй о своем несогласии, даже если это тебе вредит. Короче, перестань ориентироваться на мнение других и научись не обращать на него внимания.

Когда же ты полностью осмыслишь свою самость, то сможешь и понять индивидуальность других, и, если надо, к ней приспособиться.

Ты легче станешь общаться, входить в контакт с незнакомыми людьми и создавать атмосферу доверия. Тебя станут принимать те, кто от тебя очень далек. Но для начала тебе надо понять, что именно делает тебя неповторимым, иначе так и будешь тушеваться на фоне других.

Я собираюсь научить тебя убеждать, и ты сумеешь добиваться своего. А потом научу дерзать, пробовать, реализовать идеи и осуществлять мечты. В общем, я хочу уничтожить тот ошейник, что душил тебя. Ты не отдаешь себе в этом отчета, но он тебя полностью сковывает. Я хочу тебя от него избавить, чтобы ты зажил собственной жизнью и прожил ее полноценно.

— Но вы, конечно, скажете, что я должен что-то сделать, чтобы понять все это?

— А ты думаешь, что, если продолжишь свою жалкую жизнь, что-то для тебя изменится? Ты же видишь, к чему она привела...

— Спасибо, что напомнили, а то я забыл.

— Даже если и не доходить до таких крайностей, знаешь, Алан, жизнь будет длинной и скучной, если ее не прожить, как надо.

— Бесплезно меня убеждать, ведь я же дал вам обязательство...

«Мерседес» въехал на бульвар Осман и устремился на полосу общественного транспорта, шустро обгоняя все машины, застрявшие в пробке.

— Вот потрешься в реальной жизни, наберешься опыта — и поймешь, что она не так уж и страшна, и ты сможешь позволить себе многое, чего раньше не позволял. Я хочу, чтобы ты по-другому взглянул на все, что происходит в жизни. Послушав тебя вчера, я поразился тому, как ты представляешь ежедневные события. У меня сложилось впечатление, что ты зачастую приспосабливаешься к роли жертвы.

— К роли жертвы?

— Так можно назвать ту жизненную позицию, в которую многие себя неосторожно загоняют. Она состоит в том, чтобы жить, как придется, словно кто-то нам приказывает, а мы безотчетно подчиняемся.

— У меня никогда не возникало такого чувства.

— Ты не отдаешь себе в этом отчета, но занимаешь позицию жертвы, когда говоришь «у меня нет шанса», «все пошло не так, как я хотел», «я предпочел бы»... Вот, к примеру, ты описываешь день, в

котором действительно что-то не задалось. И какими выражениями ты пользуешься? «Тем хуже», «не повезло», «ну и ладно»... Однако в твоих словах не чувствуется мудрого подхода человека, который относится к ситуации серьезно. Ты говоришь это с сожалением. Мало того что ты сдался, ты еще даешь понять, что это был не твой выбор. К тому же у тебя есть тенденция жаловаться. Все эти признаки указывают на то, что тебе нравится роль жертвы...

— Может, я и приспособился к этой роли, сам того не заметив, но чтобы она мне нравилась...

— Ну да. Разумеется, в этой роли для тебя таится масса преимуществ. Так уж устроен наш мозг: каждый миг он подталкивает нас к выбору, который считает лучшим. В любой ситуации, которую тебе предстоит пережить, твой мозг обязательно выберет из всех возможных решений то, которое принесет тебе больше выгод. Он по-другому работать не может. Вопрос в том, что выбор не у каждого богат... В одних людях развилось очень гибкое поведение и отношение к жизненным ситуациям. Когда они попадают в определенные условия, их мозг располагает широким спектром возможных реакций. Другие же, наоборот, в каждой новой ситуации привыкли вести себя примерно одинаково, и, следовательно, их диапазон ограничен. Они редко делают правильный выбор...

Вот тебе конкретный пример: представь себе разговор двух незнакомых людей на улице. Один другого незаслуженно в чем-то упрекнул. Если в арсенале другого достаточно аргументов, он сумеет убедить собеседника в неправоте, сведет критику на юмор или задаст несколько неудобных вопросов, чтобы заставить противника доказать справедливость его позиции. Он сумеет поставить себя на место другого, понять, откуда взялось недовольство, и либо сможет его переубедить, сохранив добрые отношения, либо не станет обращать внимания и пойдет дальше своей дорогой. В общем, если он способен все это проделать, значит в момент, когда он услышит обидные слова, у него будет множество вариантов ответа, и высока вероятность того, что он выберет именно тот, который в данной ситуации соответствует его интересам и принесет наибольшую пользу. А теперь представь себе, что обидели человека, который ничего такого не умеет. Тогда не исключено, что мозг его выберет либо драку, либо униженное

подчинение. И при этом не забывай, что во всех случаях мозг сделает наилучший выбор.

— То есть вы хотите сказать, что я в какой-то мере ограниченный человек?

— Скажем так, что в особых случаях, когда события развиваются не так, как ты хотел, твой выбор небогат и у тебя есть тенденция выбирать роль жертвы.

— Хорошо, предположим, что это верно. И какой же мне с этого профит?

— Насколько я понял вчера, тебе нравится, когда тебя считают человеком, старающимся для других, и ты надеешься, что взамен другие оценят твои «жертвы». И потом, ты любишь вызвать к себе жалость и таким образом завоевать симпатии. Между нами, это вранье: все исследования показывают, что наибольшие симпатии привлекают к себе те, кто живет согласно собственному выбору. И все твои стенания производят впечатление только на тебя самого.

— И тем не менее объективно, именно объективно на тот момент у меня в жизни было меньше шансов, чем у остальных. Начать с моего окружения в детстве. Прошу прощения, конечно, но гораздо легче быть счастливым, когда родишься в зажиточной семье, где все есть.

— Да брось ты! Глупости все это...

— Вовсе нет. Любой социолог скажет вам, что дети, выросшие в зажиточных семьях, имеют больше шансов получить высшее образование, чем выходцы из среды со скромным достатком. И следовательно, у них больше возможностей обучиться престижной профессии.

— Но это не имеет ничего общего со счастьем! Можно быть несчастным инженером и вполне счастливым рабочим. Напомню тебе, что ты благополучный кадровый служащий... Несправедливость начинается с той любви и воспитания, которое дети получают от родителей, пекущихся об их будущем счастье. Согласен, здесь бывают неблагополучные дети. Но к социальной среде это не относится. Необязательно быть богатым, чтобы любить своего ребенка и умело дозировать применение силы в воспитании. Посмотри вокруг себя.

— Но в любом случае вы не можете утверждать в этой связи, что у меня были шансы: ведь я рос безотцовщиной!

— Да, но тем не менее ты вырос, и пора уже перестать жаловаться на судьбу и оплакивать свою участь.

«Мерседес» свернул на бульвар Мальзерб и доехал до поворота на Батиньоль. Меня разозлили все эти разглагольствования.

— Алан...

— Что?

— Счастливых жертв не бывает. Это ты понимаешь? Не бывает.

Он немного помолчал, наверное, хотел, чтобы его слова до меня дошли. Слова ранили мне сердце, как маленькая острая стрела, а вот молчание было как нож в рану.

— Ладно, согласен, но как сделать, чтобы не скатиться на позицию жертвы? Я ведь не по своей воле там оказался, а бессознательно, и как же теперь оттуда выбраться?

— По-моему, наилучший способ заключается в том, чтобы научиться совсем другим вещам. Если ты каждый раз оказываешься в качестве жертвы, значит у твоего мозга нет большого выбора и он считает это лучшим для тебя. Твоя задача — развить в нем другие возможности. Понимаешь, природа не терпит пустоты. Даже если ты сочтешь нужным пересилить в себе жертву, но ничего другого не умеешь, у тебя ничего и не получится. Ты станешь противиться переменам. Самое лучшее — обнаружить, что ты можешь и по-другому. Я убежден: твой мозг быстро выберет эту новую опцию, если она принесет тебе больше выгоды.

— И что же это за выбор, что за новая опция?

— Я хочу научить тебя добиваться своего в повседневных делах. Если у тебя получится, то пропадет нужда примерять на себя роль жертвы. Слушай, это, конечно, анекдот, но ты мне вчера говорил, что нехватка возможностей преследует тебя даже в самых незначительных деталях ежедневной жизни. Например, когда ты покупаешь багет в булочной, тебе всегда достается черствый, а ты любишь свежий.

— Что верно, то верно.

— Да не в этом же дело! Ты просто не можешь сказать: «Нет, этот черствый, дайте тот, что рядом с ним».

— Почему не могу? Могу! Я просто не хочу ругаться с булочницей, когда в булочной полно народу и все ждут своей очереди. Вот и все.

— Но это займет у нее не более двух секунд! Ты предпочитаешь есть черствый багет, который ты не любишь, вместо того чтобы занять

две секунды чужого времени! Нет, тут дело в другом, ты не осмеливаешься ей сказать. Боишься ей досаждать, чтобы добиться своего. Боишься, что она сочтет тебя назойливым, грубым и плохо о тебе подумает. А еще боишься, что другие посетители станут раздражаться и злиться на тебя.

— Возможно...

— И на смертном одре ты сможешь сказать: «Я ничего в своей жизни не добился, ничего не имел, зато все вокруг считали меня очень милым».

Гениально!

Тут я в самом деле почувствовал себя плохо. Я отвел глаза от этого неуютного человека и уставился на магазины, машины и людей, проплывавших в окнах автомобиля.

— У меня большая новость, — снова заговорил он.

— В самом деле?

Я даже не посмотрел на него.

— И эта новость состоит в том, что ты больше не будешь есть черствые багеты. Это все в прошлом.

Он внимательно огляделся:

— Влади, останови!

Шофер остановил «мерседес» и включил аварийную сигнализацию. Машины, гудя, стали объезжать нас.

— Чего тебе сейчас хочется? — не унимался Дюбре, показывая на булочную.

— На данный момент ничего. Абсолютно ничего.

— Прекрасно. Тогда ты зайдешь в булочную, спросишь хлеба, пирожное, не важно что, а когда тебе принесут, найдешь предлог отказаться и потребовать другое. И найдешь повод отказаться и от второго, и от третьего, и от четвертого. А потом заявишь, что ничего не хочешь, и уйдешь, ничего не купив.

У меня засосало под ложечкой и лицо залил румянец. Секунд пятнадцать я ничего не мог выговорить.

— Не могу.

— Не можешь, но через несколько минут попробуешь.

— Это выше моих сил.

— Влади!

Шофер вышел, открыл мою дверцу и ждал. Я испепелил Дюбре взглядом и скрепя сердце вылез из машины. Быстрый взгляд в сторону булочной. До закрытия еще час, народу полно. Сердце мое бешено колотилось.

Я встал в очередь, как на эшафот. Впервые с моего приезда во Францию запах свежего хлеба вызвал у меня отвращение. Внутри все сновали и толкались, как на заводе. Продавщица передавала заказы на кассу, кассирша громко их выкрикивала и принимала деньги, а ее товарка тем временем занималась следующим клиентом. Как в хорошо срепетированном балете. Когда подошла моя очередь, за мной уже выстроились человек десять. Я сглотнул слюну.

— Месье? — обратилась ко мне продавщица своим пронзительным голосом.

— Багет, пожалуйста.

Голос мой звучал глухо, в горле пересохло.

— И один багет для месье!

— Евро десять, — сказала кассирша.

Она слегка пришепetyвала и брызгала слюной, когда говорила, но никто не пытался оградить от брызг свой хлеб.

— Мадам?

Продавщица уже обращалась к следующему клиенту.

— Хлебец с шоколадом.

— И хлебец с шоколадом для мадам!

— Прошу прощения, а нельзя ли мне не такой черствый? — выдавил я из себя.

— Евро двадцать для мадам!

— Пожалуйста, — сказала продавщица, протянув мне другой багет. — Мадемуазель, что для вас?

— Хлеб для гренок, без корочки, пожалуйста.

— Извините, но я хотел бы хлеб с отрубями.

Мой голос заглушала хлеборезка. Продавщица меня не слышала.

— Без корочки для мадемуазель!

— Евро двадцать пять.

— Мадам?

— Нет уж, извините, — снова начал я, — я бы хотел наконец получить хлеб с отрубями.

— И хлеб с отрубями для месье, кроме багета!

— Итого три евро пятнадцать, — произнесла кассирша с фонтаном брызг.

— Молодой человек, что для вас?

— Нет, я хочу хлеб с отрубями вместо багета, а не вместе с багетом.

— Два хлебца, — сказал молодой человек.

— Два евро пять для месье и два евро десять для молодого человека.

— Для вас, мадам?

Мне стало совсем плохо. Мужества продолжать эту комедию не было. Я бросил быстрый взгляд на автомобиль. Шофер стоял со скрещенными на груди руками и не сводил с меня глаз.

— Половинку хорошо пропеченного багета, — сказала пожилая дама.

— Извините, — обратился я к продавщице. — Я передумал. Я тоже хочу половинку багета.

— Месье сам не знает, чего хочет, — визгливо сказала продавщица, протягивая вторую половинку багета, разрезанного для старушки.

Мне стало жарко. Я начал задыхаться.

— Шестьдесят сантимов для мадам, и столько же для месье.

— Мадам?

— Я еще думаю, — заявила молодая дама, с явным вожделением глядя на пирожное.

Наверное, подсчитывала калории.

— У вас опять что-то не так, месье? — с подозрением обратилась ко мне продавщица.

— Послушайте, я правда сожалею... я знаю, что надоедаю вам... но... мне хлебец. Думаю, этот мне как раз подойдет. Точно! Хлеб без корочки! Стоп! Не надо! Я решил...

— Ну? — У нее изменился голос, она явно была на грани нервного срыва.

Она посмотрела на меня с нескрываемым вызовом. Обернуться я не решался, но мне казалось, что люди в скопившейся за мной очереди готовы вцепиться мне в горло и выбросить на улицу.

Продавщица вздохнула и повернулась к прилавку, чтобы взять хлеб без корочки.

— Мне... ничего не надо. Благодарю... мне очень жаль... спасибо...

Я отвернулся и прошел мимо очереди, опустив голову и ни на кого не глядя. За дверь я выскочил бегом, как вор.

Шофер поджидал меня, открыв дверцу, словно я был какой-нибудь министр, а я чувствовал себя как пристыженный мальчишка, которого застигли за кражей леденца с прилавка. В «мерседес» я забрался весь в поту.

— Ты красный, как англичанин после часа, проведенного на пляже на Лазурном Берегу, — сказал Дюбре.

Он явно забавлялся.

— Ничего смешного. Правда, ничего смешного.

— Ну вот видишь, у тебя получилось.

Я ничего не ответил. Машина тронулась с места.

— Может, для первого раза я и потребовал слишком многого, — сказал Дюбре, — но обещаю, что через несколько недель ты с этим справишься шутя.

— Но мне этого вовсе не надо! Не желаю становиться занудой! Я сам не выношу зануд! Меня ужасают приставалы, которые всех ставят на уши. Мне вовсе не улыбается на них походить!

— Тебе совсем не обязательно становиться занудой. Я не призываю тебя бросаться из крайности в крайность. Я просто хочу, чтобы ты научился добиваться своего, хотя и ценой некоторого беспорядка. Однако кто может больше, тот может и меньше. Мне надо заставить тебя делать чуть больше, чем нужно, чтобы в дальнейшем ты с успехом мог требовать простых и естественных вещей.

— И каким будет следующий этап?

— В ближайшие дни ты зайдешь по крайней мере в три булочные и потребуешь две замены товара. Ничего мудреного.

По сравнению с тем, что мне пришлось пережить, такое задание было вполне приемлемым.

— И как долго еще мне надо будет этим заниматься?

— Пока это не станет для тебя естественным и не будет получаться без усилий. И пока не поймешь, что можно быть настойчивым и при этом вызывать симпатию. И совсем необязательно при этом грубить.

«Мерседес» остановился перед моим домом. Влади вышел и открыл передо мной дверцу. Я глотнул свежего воздуха.

— Удачного вечера, — пожелал мне Дюбре.

Я вышел, не ответив ему.

Этьен высунулся из-под лестницы и вытаращился на автомобиль.

— Ха, я вижу, у тебя никаких забот, парень, — сказал он, подходя ко мне.

Он взял шляпу и сделал вид, что разметаёт передо мной дорогу.

— Господин президент!

И я почувствовал себя просто обязанным дать ему на чай.

— Месье сегодня просто молодцом, — сказал он своим сиплым голосом, исполняя очередной изысканный поклон.

И посмотрел на меня лукавым взглядом человека, который добивается всего, чего хочет.

Ив Дюбре взял ноутбук и нажал на две клавиши:

— Добрый вечер, Катрин, это я.

— Ну, что?

— Поддается. Все идет, как мы предвидели.

— Не думаю, что это долго протянется. У меня на этот счет большие сомнения.

— Катрин, ты всегда сомневаешься.

— В конце концов он взбунтуется.

— Ты так говоришь, потому что сама бы взбунтовалась на его месте...

— Может быть.

— В любом случае мне не приходилось еще видеть человека, который настолько боялся бы собственной тени.

— Это меня и беспокоит. Именно поэтому я и думаю, что у него никогда не хватит смелости сделать то, о чем ты хочешь его попросить.

— Напротив. Его страх может сослужить нам службу.

— Каким образом?

— Если он и не захочет продолжать, то страх сможет его заставить.

Воцарилось молчание.

— А ты опасный человек, Игорь.

— Ага.

4

В следующую неделю я знал наперечет все булочные Восемнадцатого округа. Теперь я уразумел, что лучший хлеб продается в тех, что находятся в двух шагах от меня и куда я обычно захожу. Если только это не было плодом психологической обработки.

Обычно я покупал три багета на день, а остатки отдавал Этьену. Дней через пять он совсем обнаглел и заявил мне, что хлеб ему осточертел.

Человеческое существо так устроено, что привыкает ко всему или почти ко всему. Должен сознаться: то, что в первый раз потребовало от меня почти нечеловеческих усилий, через неделю не составляло никакого труда, но требовало осознанного контроля. Мне надо было к этому готовиться. Однажды вечером я встретил в булочной своего соседа, и мы разговорились, стоя в очереди. Когда подошла моя очередь и мне подали действительно черствый багет, мне даже в голову не пришло от него отказаться. То есть получается, что, достаточно было отвлечься на беседу с соседом, как сразу вернулась старая привычка автоматически брать все без разбора. Короче говоря, старался я, старался, а до конца от этой привычки так и не избавился.

Моя офисная жизнь шла своим чередом, еще безрадостнее, чем обычно. Видимо, стремясь изменить отчаянно деградирующую атмосферу в офисе, Люк Фостери теперь требовал, чтобы консультанты являлись на работу к восьми часам и совершали утреннюю пробежку. Думаю, эта дурацкая идея пришла в голову не ему, ибо в нем творческого начала не было ни на грош. Не иначе как он вычитал это в какой-нибудь брошюрке типа «Создай из сотрудников команду победителей»... Однако, видимо, проект получил одобрение руководства, ибо он добился от нашего босса, Грегуара Ларше, установки в офисе душа для персонала. Просто не верится.

Отныне консультанты по утрам полной грудью вдыхали выхлопные газы с проспекта Оперы и улицы Риволи или воздух садов Тюильри, который ненамного чище. Они бегали, не говоря ни слова, поскольку наш шеф вообще-то был не более разговорчив, чем агент похоронного бюро. Несомненно, эта акция должна была стимулировать усердие

каждого, но не укрепить внутренние связи. Фостери держал ту же дистанцию, что и обычно. Я же совершил настоящий подвиг: мне удалось увильнуть от его предложения, и тому немало способствовали булочные Восемнадцатого округа. Печальный опыт бейсбола навсегда отбил у меня охоту заниматься спортом. Присоединиться к банде пыхтящих мужиков, которые физическими нагрузками культивируют свое мужское начало, было выше моих сил. И я терпеть не мог идиотский обычай всем гуртом залезать потом под душ. Что касается меня, то я вовсе не жаждал любоваться на своего патрона в костюме Адама. У меня вообще создалось впечатление, что чем больше мужики стремятся выглядеть «мачо», тем больше двусмысленности появляется в их сексуальном поведении. Что можно, к примеру, подумать о традиционном обмене майками после футбольных матчей, когда твой пот смешивается с потом противника?

Я приходил каждое утро без пяти девять, чтобы уже заниматься делом, когда команда вернется с пробежки. Намек был прозрачным: пока вы там ногами дрыгаете, некоторые вкалывают... В общем, я был безупречен. И тем не менее уровень придинок существенно вырос. В кои-то веки шефу пришла оригинальная мысль, а я ее не поддержал. Фостери начал цепляться к мелочам, делать мне замечания по делу и без дела. Все, от цвета моих рубашек и ваксы на моих ботинках и до времени встречи с клиентами, вызывало его злобные комментарии.

Но болевая точка была в другом месте: в количестве подписанных мною контрактов. У каждого консультанта была задача самому искать предприятия, которые поручат ему набор сотрудников. Мы выполняли сразу две функции: и консультативную, и коммерческую. После того как мы вошли в Биржу, вторая взяла верх над первой. Консультантам случалось подписывать и персональные документы о торговом обороте с поручением в конце.

В понедельник по утрам наша фирма организовывала коммерческие совещания. Ясное дело, идея пришла не от Фостери. Как истинный интроверт, он был вечно погружен в себя и не любил находиться среди нас, а потому идею, скорее всего, ему подкинул Ларше. Но умница Люк Фостери умудрился присвоить себе авторство неблагодарной задачи собирать нас еженедельно. Руководил собраниями сам Ларше, и это у него хорошо получалось, потому что он любил заполнять собой пространство и во все вмешиваться.

Фостери ограничивался тем, что помалкивал, держась рядом с ним в роли стороннего эксперта, который открывает рот только в случае острой необходимости, и отказывался принимать участие в дебатахalebса. Он пренебрежительно разглядывал наш маленький мирок, медленно и лениво поводя полными скуки глазами, без сомнения спрашивая себя, почему этим слабоумным надо без конца повторять одни и те же глупости. В последнем пункте он был абсолютно прав.

В этот день я встретил в коридоре Тома, одного из своих коллег.

— О! А мы уже позавчера решили, что ты помер! — иронически бросил он.

Эх, старина, знал бы ты...

— Я подхватил какой-то вирус. По счастью, это быстро кончилось.

— Да ладно, я же тебя не упрекаю, — сказал он, отступив на шаг. — Даже если я заболею, то все равно мне не грозит разнос в конце месяца.

Тома был из тех, кто отличался лучшими результатами, и никогда не упускал случая нам об этом напомнить. Весь мир должен быть в курсе его успехов. Я знал, что его цифры действительно впечатляют. Он был работяга и пахал в немислимом режиме: обходился без обеда и вечно был так поглощен своими бумагами, что мог не ответить на приветствие, повстречавшись с коллегой в коридоре. Однако никогда не упускал случая поболтать, если дело шло о его достижениях за триместр, о новой модной стрижке или о том, что вчера он обедал в шикарном ресторане, о котором говорит весь Париж. Он никогда не упускал случая пустить пыль в глаза, и его совершенно не интересовало, что скажут коллеги, когда они позволяли ему пускаться в разглагольствования о своих достижениях или приобретениях. Если ему случайно говорили: «А у тебя симпатичная машина», он реагировал так, словно похвалили его самого, и победоносно улыбался. Он был способен упомянуть имя какой-нибудь знаменитости, у которой была точно такая же машина, и с равнодушным видом назвать астрономическую сумму, пошедшую на ее покупку. В нем все было рассчитано так, чтобы поддерживать имидж: от дизайнерской одежды и аксессуаров до «Файнэншл таймс», которая всегда небрежно торчала у него под мышкой по утрам, от фасона прически до остроумных словечек и выбора фильмов и романов, которые обсуждались в застольных беседах. Ничего

случайного, ничего, что не говорило бы о его безупречном вкусе. Каждый жест, каждое слово соответствовало тому великолепному персонажу, который он себе создал и с которым себя отождествлял. Меня мучил вопрос: он все это делал осознанно или же сам обманывался?

Я пытался представить себе Тома голым на необитаемом острове, без костюма от Армани, галстука от Эрме, мокасин от Вестона, борсетки от Луи Вюиттона, без кипы исписанных цифрами бумаг и без возможности снискать себе славу. В радиусе ста километров в округе изумлять некого. Я представлял, как он бродит, лишенный своей главной движущей силы, впав в бесконечный ступор: ведь он не сможет жить без постоянного обожания, он засохнет, как фикус у нас в вестибюле, если его не польет Ванесса.

Я думаю, он сменил бы роль и быстро превратился в настоящий архетип Робинзона Крузо. Как истинный кадровый работник молниеносного реагирования, он и выглядеть, и вести себя стал бы как потерпевший кораблекрушение. А когда проплывавшие мимо рыбаки, пораженные его необычайной способностью к выживанию, выручили бы его и сняли с острова, он бы героем вернулся во Францию. И рассказ о его приключениях не сходил бы с экранов телевизоров, а он не сбрасывал бы восьмимесячную бороду и щеголял в набедренной повязке.

Меняются обстоятельства, люди не меняются.

— Ну что, мальчики, байки травите?

Микаэль, еще один мой коллега, отличался нравом живым и насмешливым. Но он, по крайней мере, не относился так серьезно к собственной персоне, хотя и считал себя самым злоязычным из коллег.

— Всегда найдется, кто может себе это позволить, — мгновенно отпарировал Тома.

Самодовольство начисто лишило его чувства юмора.

Микаэль не отреагировал и, рассмеявшись, отошел. Чуть полноватый, с волосами цвета воронова крыла, он вечно напускал на себя вид эдакого продувного парня. Он справлялся с работой, и результаты его были вполне приличные, так что думаю, жил он припеваючи. Мне много раз доводилось неожиданно входить к нему в кабинет. Он производил впечатление человека, полностью поглощенного заковыристым досье очередного кандидата на экране

компьютера, однако картинки на экране многих заставили бы возмутиться тем, что безработица толкает кандидатов женского пола фотографироваться голышом, чтобы добиться места бухгалтера.

— Ему завидно, — доверительным тоном сообщил Тома.

По его представлениям, все, кто не выказывал ему восхищения, просто корчились от зависти.

Еженедельно предприятия связывались с нами, чтобы сообщить о количестве вакансий и узнать о состоянии наших дел. Ванесса принимала звонки и каждому из нас отсылала распечатку. Нечего и говорить, нам это очень нравилось: гораздо легче подписать контракт с посланным запросом предприятием, чем самим производить изыскания и обзванивать незнакомых людей, предлагая свои услуги. Считалось, что Ванесса распределяет запросы беспристрастно. Но я быстро обнаружил, что на самом деле в любимчиках у нее ходит Тома. Ее явно пленил образ завоевателя, и ей льстило, что она причастна к его успехам. Я же у нее был не в фаворе, хотя иногда, передавая мне распечатку, она всем своим видом давала понять, что только благодаря ей мне выпала удача получить единственный запрос, пришедший в «Дюнкер Консалтинг» за месяц.

5

Спустя две недели с нашей последней встречи Дюбре снова появился при тех же обстоятельствах: выходя из офиса, я увидел «мерседес», припаркованный поперек тротуара.

Я подошел, Влади вылез из машины, обошел ее вокруг и открыл передо мной дверцу. Я с огромным сожалением загасил об асфальт только что зажженную сигарету: целых полдня я провел, так ни разу и не закурив!

Мне было уже не так тревожно, как раньше, но все-таки под ложечкой слегка засосало, когда я задал себе вопрос, что меня ожидает на этот раз.

«Мерседес» тронулся с места, съехал с тротуара, пересек проспект Оперы, преспокойно переехав сплошную осевую, и повернул к Лувру. Двумя минутами позже мы ехали по улице Риволи.

— Ну что, разогнал всех парижских булочников *manu military*?^[2]

— Я уже целый месяц ем хлеб без корочки из супермаркета, чтобы позабыть о булочных.

Дюбре садистски хохотнул.

— И куда вы меня повезете сегодня?

— Вот видишь, как ты продвинулся! В прошлый раз ты не осмеливался задавать вопросы, а покорно ехал куда везут, как узник.

— А я и есть узник. Своего слова.

— Что верно, то верно, — отозвался он с довольным видом.

Мы приехали на площадь Согласия. Мягкая тишина, царившая в роскошном седане, резко контрастировала с шумной суетой автомобилистов, которые лавировали на площади во все стороны, норовя обогнать друг друга. Их раздраженные лица на несколько секунд появлялись за стеклами, вспыхивали выражением победы и снова гасли, оказавшись в окружении снующих туда-сюда машин. Над Национальной ассамблеей по белесому небу плыли два огромных черных облака. Мы свернули направо, к Елисейским Полям, и перед нами, сияя огнями, открылась просторная улица, прорезающая город. На горизонте виднелась Триумфальная арка. «Мерседес» набрал скорость.

— И куда мы едем теперь?

— Едем протестировать твои достижения, чтобы удостовериться, что ты готов к следующим.

Формулировка мне не понравилась. Она напомнила о бесконечных тестах, которым я подвергал своих кандидатов.

— Я еще вам не говорил, но я предпочитаю тесты теоретические, на бумаге, где надо отмечать ответы галочками.

— Жизнь — это тебе не теория. Я верю только в силу пережитого опыта. Только пережитый опыт способен изменить человека. Все остальное — болтовня, интеллектуальная мастурбация.

Справа от меня за окном проплывали деревья, потом стали видны первые очереди в кинотеатры.

— Что вы мне приготовили на сегодня?

— Ну, скажем так, мы закроем эту страницу, чтобы перейти к следующей.

— Перейти к следующей?

— Ну да, настало время перейти от лавчонок к престижным ювелирным магазинам.

— Шутить изволите? — отозвался я, подозревая, что это вовсе не шутки.

— На самом деле большой разницы нет.

— Еще как есть! И говорить нечего!

— В обоих случаях ты имеешь перед собой того, кто хочет тебе что-то продать. Все очень похоже. Не вижу, в чем проблема.

— Но вы же сами прекрасно знаете! Не стройте из себя идиота!

— Главная проблема у тебя в голове.

— Но я в жизни не был в ювелирном бутике! Я не привык ходить по таким местам.

— Ну, когда-то надо начинать. Все когда-нибудь происходит впервые.

— Я всегда чувствую себя неуютно перед ювелирным магазином, хотя рот сам собой и разевается.

— А что именно тебя смущает? — спросил Дюбре с улыбкой.

Ситуация его явно забавляла.

— Сам не знаю... Там не привыкли обслуживать таких, как я... Понятия не имею, как себя там вести.

— Нет никаких особых правил. Этот бутик ничем не отличается от других, разве что там все дороже. Но это и дает тебе право быть более требовательным!

«Мерседес» остановился вдоль тротуара. Мы находились в самом начале Елисейских Полей. Влади включил аварийную сигнализацию. Я пристально глядел перед собой, понимая, что мой эшафот находится тут, справа от меня, стоит только скосить глаза... А я полностью отдался гипнотическому движению машин, сворачивающих на площадь Звезды и, как муравьи, снующих во всех направлениях, умудряясь при этом не задевать друг друга.

Собрав все свое мужество, я медленно повернул голову направо. Передо мной величаво возвышалось каменное здание. Огромная витрина охватывала два этажа, а над ней золотом было выведено имя моего палача: Картье.

— Представь себе, какой станет твоя жизнь, если уже ничто не сможет заставить тебя почувствовать неловкость.

— Блеск, а не жизнь. Но мне до этого далеко.

— Добиться этого можно только одним способом: штурмовать реальность, идти в атаку на предмет твоих страхов, пока они не исчезнут, и не прятаться от них. Любое убежище только усилит неуверенность.

— Может, и так, — отозвался я без особого убеждения.

— Давай, вперед, и скажи себе, что люди там такие же, как и ты, служащие, и у них точно так же нет средств, чтобы купить себе драгоценности от Картье...

— А что именно я должен делать? В чем состоит моя задача?

— Ты должен попросить показать тебе часы. Пересмотри их не меньше дюжины, задавай кучу вопросов и уходи, ничего не купив.

Стресс сразу оглушил меня.

— Перед этим мне надо выкурить сигарету.

— И вот еще что...

— Что?

Он взял свой мобильник, набрал какой-то номер, и у него в кармане загудел прерывистый зуммер. Он вытащил из кармана крошечный, видимо, очень дорогой аппаратик, на что-то нажал, и зуммер замолчал.

— Вставь эту штуку себе в ухо. Я смогу слышать все, что ты говоришь, и ты сможешь услышать, если я что-нибудь тебе скажу.

Я был озадачен.

— Что еще за бредятина?

— И последнее...

— Ну?..

— Забавляйся, развлекайся. Это лучший совет, который я могу тебе дать. Если тебе это удастся — все будет в порядке. Перестань все принимать всерьез. Смотри на вещи со стороны и воспринимай это как игру. Ведь игра — это здорово, правда? Тут терять нечего, это просто эксперимент.

Я промолчал.

— Знаешь, можно воспринимать жизнь как серию ловушек, в которые надо не угодить, а можно — как поле для игры, где на каждом углу поджидает обогащающий тебя опыт.

Я ничего не ответил, открыл дверцу автомобиля и вышел. Мозг мой сразу встрепенулся от резкого уличного шума и порыва теплого ветра. На просторном тротуаре толклись группы туристов и провинциалов, высыпавшие из RER^[3]. Автомобили на площади Звезды вели свой бесконечный хоровод вокруг Триумфальной арки.

Я сделал несколько шагов, зажег сигарету и выкурил ее до конца, оттягивая время. Вдруг появится полиция и потребует убрать «мерседес», стоящий явно не на месте? Но вероятность этого была крайне мала.

Дюбре говорил о тесте. Он хотел протестировать мои достижения. А это означает, что если он сочтет их недостаточными, то на долгие недели назначит мне еще какое-нибудь неприятное задание. Чтобы избавиться от этой перспективы, мне надо взять себя в руки и представить приемлемые результаты. Выбора у меня нет. В покое он меня не оставит, уж в этом я был уверен.

Я бросил сигарету на тротуар и с остервенением загасил, гораздо дольше, чем нужно, растирая ее каблуком. Потом поднял глаза на храм роскоши. По спине пробежал холодок. Ладно, вперед, смелее.

6

Сглотнув слюну, я толкнул дверь в тамбур. В голове быстро промелькнул образ мамы, надорвавшей силы в прачечной. Внутри стояли трое молодых людей в темных костюмах. Вытянув руки по швам, они молча приветствовали меня, и один из них распахнул передо мной дверь в магазин. Десантируясь в абсолютно незнакомый мир, я старался держаться уверенно.

Передо мной открылось огромное пространство. Монументальная лестница под высоченным потолком вела в зал, где зеркальным блеском сияли прилавки из драгоценных древесных пород. Обитые бархатом стены мягко поглощали свет. Легкий, еле уловимый аромат одновременно успокаивал и приводил в восторг. Темно-красный, очень пушистый ковер вызывал желание улечься на него, закрыть глаза и уснуть, ни о чем больше не думая. И тут я заметил, что ко мне легким шагом приближаются очень красивые, необыкновенно женственные туфельки на высоком каблуке... Я медленно поднял глаза... Стройные, длинные ноги, короткая облегающая черная юбка из струящегося материала. Весьма продуманный наряд. Блондинка с глазами как голубые айсберги. Идеально гладкие волосы собраны в узел. Леденящая душу красота.

Она в упор посмотрела на меня и начала весьма профессиональным голосом:

— Добрый день, могу я вам помочь?

Она произнесла это без тени улыбки, и я, все еще в оцепенении, спросил себя, она всегда такая или она видит во мне не клиента, а просто так, случайного посетителя? Под ее уверенным взглядом я ощущал себя раздетым догола.

— Я зашел... посмотреть мужские часы.

— Вас интересует коллекция золотых или стальных?

— Стальных, — ответил я, довольный, что хоть как-то удалось приблизиться к привычным стандартам.

— Золотых! Золотых! — проревел в наушнике голос Дюбре.

Я испугался, что его услышит продавщица. Но она, похоже, не обратила на него никакого внимания. Я молчал.

— Следуйте за мной, — сказала она таким тоном, что я тут же пожалел о своем ответе.

Тон этот означал: «Так я и думала». Вот вредина.

Я пошел за ней, скользя глазами по ее телу вниз, к туфелькам. По походке о человеке можно узнать все. Ее походка была четко заученной, никаких отступлений от правил. Она провела меня в комнату и подвела к одной из деревянных витрин. В ее пальцах с безупречным маникюром профессионально замелькал маленький золоченый ключик, и горизонтальная витрина поднялась. Под ней на обитой бархатом полочке торжественно сияли часы.

— Итак, здесь у нас «Паша», «Родстер», «Сантос» и знаменитый французский «Танк». У этих часов механический ход и автоматический завод. В более спортивном стиле выполнен водонепроницаемый «Хроноскаф» с каучуковым браслетом со стальной инкрустацией...

Я не слушал, что она говорит. Ее слова раздавались в моей голове, но я даже не пытался их осмыслить. Мое внимание было приковано к четким жестам, которыми она их сопровождала. На каждую модель она указывала длинными пальцами, не прикасаясь к ней, словно касание могло ее обесценить. Ее жестикуляция заметно оживляла однообразие лежащих на бархате предметов.

Надо было, наверное, что-то сказать, попросить их примерить, но я, обычно такой словоохотливый, пасовал перед ее профессионализмом. Я рот боялся раскрыть, чтобы она не приняла меня за деревенщину.

Тут я вдруг вспомнил, что Дюбре меня слушает... Надо было бросаться в воду.

— Я бы хотел примерить вот эти, — сказал я, указывая на часы с каучуковым браслетом.

Она натянула белую перчатку, словно прикосновение ее кожи могло нарушить красоту, взяла часы кончиками пальцев и протянула мне. Я постеснялся взять их голой рукой.

— Это одна из наших последних моделей. Часы в стальном корпусе на кварцевом ходу, имеется функция хронометра и три стрелки.

Кварцевые часы... Пусть даже у них сверхточный ход... Да кварцевых часов на рынке тысячи, и все не дороже десяти евро...

Я попытался их примерить и сразу обнаружил, что не снял с руки свои, и почувствовал, как ко мне подступает волна стыда. Ну не мог я показать ей свои пластиковые часы в стиле «фэнтези», которые прятались у меня в рукаве. Я быстро прикрыл их рукой, снял и отправил в карман, где никто их не увидит. Наверное, мой жест выглядел очень нелепо.

— Вы могли бы пока положить их на полочку, — с притворной доброжелательностью сказала продавщица.

Предложение я отклонил и почувствовал, как пылает мое лицо. Слава богу, я не краснею... Я быстро ухватился за первое, что пришло в голову, чтобы отвлечь ее внимание:

— А каков срок службы батареек?

И вопрос сразу выдал мое замешательство. Наверное, за всю историю Картье я был первым клиентом, кто его задал. Ясное дело, кого же из его клиентов может интересовать срок службы батареек? Прежде чем ответить, продавщица выждала несколько секунд, словно хотела дать мне время осмыслить, что я ляпнул нечто неуместное, и выждать, пока стыд просочится вглубь моего существа. Казнь египетская. Мне становилось все жарче.

— Год.

Надо взять себя в руки и собраться. Я попытался сосредоточиться, разглядывая часы и изо всех сил изображая интерес. Быстрым жестом набросив их на руку, я дал понять, что привык носить роскошные вещи. Стараясь сохранить тот же темп, я попробовал застегнуть браслет. Не тут-то было: металлический браслет с двойным замочком заело. Пришлось завернуть одно из звеньев внутрь. Ничего не вышло, и я поставил его в прежнее положение, попробовав другой маневр: как следует нажал на него, изобразив при этом на лице почтение и осторожность. Его заело еще сильнее.

— Замочек открывается по-другому, — сказала она, словно это само собой разумелось. — Вы позволите?

Стыд захлестнул меня, голова уже просто пылала огнем. Я испугался, что капли пота упадут на шикарный бархатный прилавок, и сделал шаг назад, чтобы это унижение меня не настигло.

Я протянул продавщице руку, как арестованный полицейскому, который собирается надеть на него наручники. Она застегнула

ремешок с необычайной легкостью, и мне стало еще больше не по себе.

Я сделал вид, что люблю дорогую вещь, и вертел рукой во все стороны, разглядывая часы под разным углом зрения.

— А сколько они стоят? — спросил я, напустив на себя по возможности равнодушный вид, словно задал ничего не значащий вопрос.

— Три тысячи двести семьдесят евро.

В ее голосе и взгляде мне почудилось некоторое удовлетворение. Наверное, такое чувство испытывает экзаменатор, объявляя вам, что вы завалили экзамен по вождению. Три тысячи двести семьдесят евро... За кварцевые часы со стальным корпусом и каучуковым ремешком! Меня так и подмывало спросить, чем они отличаются от «Келтона» за тридцать евро. Дюбре, несомненно, оценил бы такой вопрос, но у меня не хватило храбрости. Пока не хватило. Занятно, но эта невероятная цена меня вдруг словно подхлестнула, избавив от гнета смущения, хотя магия роскоши и повергла меня в полуобморочное состояние.

— Пропустим эту модель, — заявил я, снимая с руки часы. — Я бы хотел взглянуть вон на ту.

— Французский «Танк» дизайнера тысяча девятьсот семнадцатого года, механизм с автоматическим заводом калибра Картье сто двадцать.

Я надел их и принялся рассматривать:

— Недурно.

Приняв озабоченный вид колеблющегося покупателя, я прикидывал в уме: итак, я посмотрел две модели. Интересно, сколько еще надо? Я уже начал слегка расслабляться, и тут в ухе зазвенел голос Дюбре, на этот раз не такой настойчивый:

— Скажи ей, что эти не годятся, и попроси показать модели с золотым корпусом!

— Я бы хотел посмотреть еще вон те, — сказал я, не обращая внимания на голос в наушнике.

Номер три.

— Скажи ей, что эти тоже...

Чтобы перекрыть голос Дюбре, мне пришлось закашляться. Как я буду выглядеть, если она услышит? Внезапно меня пронзила мысль: а

что, если она примет меня за взломщика? Может, камеры слежения уже засекли звуки в моем наушнике. Мне стало нечем дышать. Надо поскорее кончать с этим делом.

— Я нахожусь в сомнении. А нельзя ли взглянуть на модели с золотым корпусом? — выдавил я в страхе, что мне не поверят.

Продавщица быстро привела в порядок витрину:

— Следуйте за мной, пожалуйста.

У меня возникло неприятное чувство, что она обслуживает меня машинально, следуя накатанному профессиональному сценарию. Наверное, она решила, что зря теряет со мной время. Я пошел за ней, потихоньку оглядываясь по сторонам. Мои глаза встретились со взглядом парня в темном костюме, который открыл передо мной дверь. Несомненно, это был охранник в штатском. Похоже, он разглядывал меня с любопытством.

Мы вошли в следующее помещение, более просторное. Словно ниоткуда возникли несколько клиентов, вовсе не походивших на празднующихся прохожих с улицы. Продавцы двигались как молчаливые призраки, блюдя торжественную тишину.

Я инстинктивно покосился на множество камер слежения, рассеянных повсюду, и все они наверняка поворачивались во все стороны, смотрели только на меня и ловили каждое мое движение. Я вытер лоб тыльной стороной ладони и постарался дышать поглубже, чтобы снять напряжение. Надо было пересилить внезапный страх. Каждый шаг приближал меня к коллекции предметов для миллиардеров, и надо было притворяться, что они меня интересуют и что я способен даже что-то купить.

Мы остановились перед элегантным прилавком. Выбор часов с золотым корпусом был намного шире, и продавщица представила мне модели в горизонтальной витрине.

— Мне нравятся вот эти, — сказал я, указывая на массивные часы из желтого золота^[4].

— Это модель «Баллон Блё»: корпус из желтого золота в восемнадцать карат, с рифленным ободком из желтого золота, головка украшена синим сапфиром-кабошоном^[5]. Двадцать три тысячи пятьсот евро.

У меня появилось ясное ощущение, что она сразу назвала цену, чтобы подчеркнуть, что такая покупка не для меня. Она забавлялась,

спокойно меня унижая.

Я был задет за живое, и это вывело меня из летаргического состояния и заставило отреагировать. Она, наверное, не сомневалась, что оказывает мне услугу, стараясь меня раздражить и разозлить.

— Я хочу их примерить, — сказал я сухо и сам удивился своему тону.

Она молча открыла витрину и повиновалась моему приказу, а я ощутил доселе неизведанное чувство, совершенно новое для меня короткое наслаждение. Что это было? Может, я почувствовал вкус власти?

Я надел часы, секунд пять смотрел на них и вынес безапелляционный вердикт:

— Слишком массивные.

Сняв часы, я небрежно протянул их продавщице и перевел взгляд на другие модели.

— Вот эти! — указал я, не давая ей времени положить на место «Баллон Блё». Ее ловкие пальцы забегали быстрее, и в красных ногтях замелькали огоньки отражений от мощных ламп, смонтированных над витриной, чтобы усилить блеск золота и камней.

Во мне загадочным образом проснулась и подняла меня какая-то неведомая сила. Я вдруг почувствовал опьянение от самоутверждения.

— И еще я бы примерил вот эти.

Я указал на следующую модель, не давая ей опомниться и навязывая ей свой ритм.

Я не узнавал себя. Вся робость куда-то подевалась, и я все больше и больше овладевал ситуацией. Неслыханно... Бесконечное торжество охватило меня.

— Пожалуйста, месье.

А мне вдруг стало грустно оттого, что она начала проявлять ко мне уважение, только когда я настоял на своем и чего-то от нее потребовал. Во мне неожиданно пробудилась властность, и она уже не мерила меня надменным взглядом. Она опустила глаза на витрину и послушно доставала те модели, которые я требовал. А я держался прямее, чем обычно, и с высоты своего роста, чуть склонив голову, наблюдал, как она ловкими движениями длинных пальцев управляет с часами. Не знаю, сколько времени прошло. Я был сам не свой и несколько утратил связь с реальностью. Я пребывал в неизвестном мире, мне открылось

неизъяснимое наслаждение, абсолютно невысказанное какой-нибудь час тому назад: странное и незнакомое чувство всемогущества. С меня словно спал какой-то груз, словно рывком сняли тяжелую крышку.

— Эй, спустись на землю!

Низкий голос Дюбре вернул меня к действительности.

Я не торопясь принялся откланиваться. Продавщица вызвалась меня проводить и шла за мной следом, пока я решительным шагом пересекал бутик, оглядывая территорию взглядом только что одержавшего победу генерала. Помещение теперь казалось мне меньше, атмосфера обычнее. Люди в черном открыли передо мной зарешеченные двери. Все провожали меня приветливыми улыбками.

Я вышел на Елисейские Поля, и меня сразу оглушил шум автомобилей и запахи города, ослепили яркие огни, от которых небо казалось белым.

Постепенно приходя в себя, я в полную силу снова пережил только что испытанное чувство. Оказывается, поведение других людей по отношению ко мне определяется моим поведением по отношению к ним... Я сам вызываю и регулирую их реакцию.

Как тут удержаться и не задуматься над множеством прошлых взаимоотношений...

Я вдруг открыл в себе неожиданные возможности: оказывается, я могу себя вести совсем по-другому. Мне вовсе не хотелось менять свое отношение к жизни. Я не собирался становиться сильным мира сего. Мне гораздо ближе сердечные отношения на равных... Но я обнаружил, что мне необязательно довольствоваться ролью ведомого, и дело не только в этом. Я оказался способен на вещи, совершенно мне не свойственные, и для меня главным было именно это открытие.

Узкий туннель моей жизни, кажется, начал понемногу расширяться...

7

А почему вам хочется получить именно место бухгалтера?

Круглые, выпуклые глаза моего кандидата завертелись во все стороны: он силился найти как можно лучшее объяснение.

— Ну... так сказать... мне очень нравятся цифры.

Чувствовалось, что он и сам не в восторге от своего ответа. Ему явно хотелось сказать что-нибудь значительное, но в голову ничего не приходило.

— А что именно вам так нравится в цифрах?

У меня было такое впечатление, что я дернул за какую-то ниточку, потому что глаза завертелись с удвоенной скоростью. Щеки у моего собеседника порозовели. Он явно постарался приодеться, идя на собеседование, но чувствовалось, что ему непривычно было носить серый костюм с темным галстуком, и сейчас это только сбивало его с толку. А белые носки до такой степени контрастировали с костюмом, что казались флюоресцирующими.

— Ну, в общем... мне нравится, когда... все своим чередом, когда все счета в порядке и я твердо стою на ногах. Знаете, приятное чувство. Я люблю, когда все просто и ясно. Если же я где ошибусь, то могу часами искать ошибку. Да что там часами... я хотел сказать... я не трачу времени впустую, умею докапываться до сути. Я имею в виду... я очень пунктуален.

Бедняга. Как он старается, как борется, чтобы доказать, что он лучший из кандидатов.

— Считаете ли вы себя самостоятельным человеком?

Надо сконцентрироваться на его лице, и ни в коем случае не позволять глазам нашаривать носки.

— Да-да, конечно, я очень самостоятельный. О чем речь? Я сам решаю все свои проблемы и ни на кого их не перекладываю.

— Можете привести пример своей самостоятельности?

Эту технику хорошо знают многие специалисты по приему на работу. Если кандидат говорит о каком-то своем качестве, надо попросить его привести пример, когда оно проявилось. Точнее, он должен суметь обрисовать ситуацию, свое поведение и результат. Если

не хватает хоть одного из этих трех компонентов, значит он сказал неправду. Все логично: если он обладает этим качеством, он должен суметь дать пример ситуации, в которой это качество проявилось, и объяснить, какое действие он произвел в этой ситуации и чего достиг.

— Э... ну да, конечно.

— В какой ситуации?

Круглые глаза лихорадочно забегали: он старался вспомнить — или представить себе — какое-нибудь событие. Порозовевшее лицо стало красным, и на лбу выступили капли пота. Я терпеть не мог ставить кандидатов в неловкое положение, и в мои планы это абсолютно не входило. Но я был обязан проверить его соответствие тому месту, на которое он претендовал.

— Ну... послушайте, я все время проявляю самостоятельность, в этом нет никаких сомнений, можете мне поверить...

Он снял ногу с колена, повертелся в кресле и снова закинул ногу на ногу. Носки вполне могли служить рекламой «Ариеля».

— Вот я и прошу вас привести пример, когда вам в последний раз доводилось ее проявить. Где, при каких обстоятельствах, в каком случае?

Вспоминайте, не спешите. Не стесняйтесь, чувствуйте себя свободно, мы никуда не торопимся.

Он снова заерзал в кресле, непрерывно вытирая влажные руки о штаны. Потянулись долгие секунды, которые казались мне часами, а он все никак не мог ответить, и я чувствовал, как им овладевает нарастающее смущение. Наверное, он меня ненавидел.

— Ну хорошо, — сказал я, чтобы положить конец его мучениям. — Должен вам сказать, почему я задал вам этот вопрос. В небольшом предприятии среднего бизнеса есть место, там бухгалтер вышел в отставку. Он накопил такое множество выходных, что его просто не смогли предупредить, и он уволился на следующий день. И там никак не могут найти ему замену. Если вы согласитесь на это место, вам придется в одиночку разгребать оставшиеся бумаги и материалы в компьютере. А потому, если вы не являетесь по-настоящему самостоятельным человеком, вас ожидает сущий кошмар. Мой долг вас предупредить и не поставить в ложное положение. Я вовсе не устраиваю вам ловушек, я действительно пытаюсь понять, насколько

вы справитесь с этой задачей. До этого пункта ваши интересы совпадали с интересами предприятия, заявившего вакансию...

Он слушал меня внимательно, а потом признался, что предпочел бы работать в таких условиях, где все четко структурировано, где он будет точно знать, чего от него хотят, и всегда получит ответ на любой вопрос в случае каких-либо сомнений. Остальное время мы посвятили тому, чтобы уточнить его профессиональный проект и определить, какой тип работы лучше подошел бы к его личности, опыту и компетентности. Я пообещал сохранить его досье и сразу с ним связаться, если поступит подходящее предложение.

Проводив его до лифта, я пожелал ему удачи.

В кабинете я проверил вызовы, полученные за мое отсутствие. От Дюбре пришла эсэмэска: «Приходи на встречу в бар отеля Георга Пятого. Возьми такси. Во время поездки оспаривай ВСЕ, что скажет тебе шофер. ВСЕ. Жду тебя. И. Д.».

Я дважды перечитал сообщение и не мог не поморщиться, подумав о том, что меня может ожидать. Смотря что от меня потребует шофер... Может, гадость какую...

Быстро взглянул на часы: семнадцать сорок. Больше встреч у меня не назначено, но раньше семи я из кабинета никогда не выхожу. Но на худой конец...

Я просмотрел почту в компьютере. Сообщений с дюжину, но ничего срочного. Ладно, уйду, авось никто не увидит.

Я взял плащ и двинулся к концу коридора. Никого. Я быстро вышел и направился к запасному выходу. Возле лифта лучше не появляться. Я уже прошел почти весь коридор, как вдруг из своего кабинета выплыл Грегуар Ларше.

— Отдыхаешь после обеда? — насмешливо осведомился он.

— Я... мне надо выйти... срочная необходимость...

Он удалился, не сказав ни слова, явно довольный тем, что застиг меня на месте преступления. Я бросился к лестнице, недовольный таким оборотом событий. Черт возьми, я все дни до конца торчал в кабинете, а когда мне действительно надо уйти пораньше, я попался...

Весь взъерошенный, выскочил я на улицу Оперы, и свежий воздух постепенно привел меня в чувство. Ох, хоть бы новое задание не было труднее предыдущих... Я пошел к Лувру, где находилась ближайшая стоянка такси. Никого... Я обрадовался отсрочке и почувствовал

облегчение. Закурив сигарету, я нервно затянулся. В моменты стресса мне всегда надо покурить. Что за свинство! Никак не могу избавиться от этой привычки...

Я шел по улице и испытывал странное ощущение, что за мной следят. Обернулся — на улице много народу. Поди узнай... Мне стало не по себе...

Когда же я в последний раз брал такси? Таксисты, как правило, ужасные болтуны: они без конца высказывают свое мнение по всем вопросам. Должен признать, что всегда остерегался им перечить. Дюбре правильно меня разглядел. Наверное, это своеобразная форма лени. В любом случае это никого из заблуждения не выводит. Их ничем не убедишь...

Я огляделся. Был час пик, движение плотное, и я рисковал долго прождать такси.

А может... это не лень, а трусость? Ведь если ничего не отвечать, это покоя не принесет. Я часто закипаю внутри... Да и чего я боюсь, в самом деле? Что меня невзлюбят? Что я вызову не ту реакцию? Я и сам не знал.

— Куда вам? — вывел меня из ступора голос с парижским выговором.

Я погрузился в свои мысли и не заметил, как подъехало такси. Шофер высунулся из окна и глядел на меня с нетерпением. На вид лет пятидесяти, коренастый, лысый, с черными усиками и недобрый взглядом. И почему это мне так везет в этот день?

— Эй! Вы садитесь или нет? А то у меня дел по горло.

— Мне на авеню Георга Пятого, — пробормотал я, открывая заднюю дверцу.

Скверное начало. Надо сразу взять над ним верх. Давай, смелее, возражай ему во всем. Во всем.

Я забрался на заднее сиденье, и меня сразу затошнило: воздух в машине пропитался застарелым запахом табака, смешанным с запахом дешевого дезодоранта из супермаркета. Ужас!

— Скажу вам сразу: это, может, и недалеко, но доехать туда... Это я вам говорю! Не знаю, что на людей нашло, но на улицах такие пробки!

Гм... Трудно возразить... Что тут скажешь?

— Ну, может, все-таки есть маленькая возможность, что все рассосется и пойдет даже быстрее, чем вы ожидали?

— Так-г... оно так, для тех, кт... верит в Санта-Клауса, — отозвался он, по-парижски проглатывая целые слоги. — Я уже двадцать восемь лет за рулем и знаю, что говорю. Черт побери, да добрая половина из них вполне может обойтись без своих драндулетов.

Он говорил так громко, словно я сидел в хвосте огромного автокара.

— Может, машины им нужны, как знать...

— Ага, как же! Да большинство и пяти метров без машины не пройдут. Они слишком ленивы, чтобы ходить пешком, и слишком скупы, чтобы взять такси. Нет больших скупердяев, чем парижане!

Похоже, он просто не замечал, что я ему возражаю. Что ж, это только подпитывало беседу... В конце концов, моя задача сильно облегчалась.

— А по-моему, парижане — очень любезный народ.

— Да ну? Знали бы вы их получше! Я уже двадцать восемь лет имею с ними дело и изучил этих шельмецов. И вот что я вам скажу: они год от года все хуже. Я их перестал выносить, сыт по горло, они у меня уже из ушей лезут.

Огромные ладони вцепились в руль с оплеткой из искусственного меха, и чувствовалось, как отчаянно напряглись мышцы волосатых рук. Под черными волосками проглядывала татуировка, напоминавшая соблазнительную попу с рекламы диетического подсолнечного масла без холестерина. Когда я был маленький, американское телевидение показывало рекламный мультик, где впечатляющие зады персонажей забавно виляли во все стороны. В жизни не видел такой смешной татуировки.

— Думаю, вы ошибаетесь: люди — зеркальное отражение того, как мы с ними разговариваем.

Он резко нажал на тормоз и обернулся ко мне. Глаза его бешено блеснули.

— И что вы этим хотите сказать?

Я не ожидал такой реакции и отшатнулся, но меня все равно обдало запахом несвежего дыхания. Чем от него пахло? Алкоголем? Похоже, эту бомбу надо обезвредить, придется поработать сапером...

— Я хочу сказать, что люди, может, и замкнуты, но пройдет время, и они поймут, что встряски им на пользу, и, если с ними говорить

спокойно, — я с нажимом произнес это слово, — они смогут раскрыться и стать мягче, если почувствуют к себе интерес.

Он какое-то время сверлил меня взглядом злобного кабана-одиночки, а потом отвернулся. В салоне повисла гнетущая тишина. Я постарался сбросить с себя запредельное напряжение и перевел дух. Уф! Возбужденный какой дедулька... Надо, насколько это возможно, соблюдать осторожность... Он молча вел машину, и тишина давила все больше и больше. Надо ее срочно нарушить.

— А что изображает ваша татуировка? — сказал я в надежде на то, что его удастся навести на более мирные мысли.

— А, это... — Голос его потеплел, и я понял, что попал в точку. — Воспоминание молодости. Она изображает Мечь.

Последнюю фразу он произнес нравоучительным тоном. Я умирал от желания узнать, каким образом масло без холестерина может символизировать Мечь, но в самоубийцы мне не хотелось, и я ограничился сдержанной улыбкой.

Мы подъехали к площади Согласия.

— По Елисейским Полям ехать не надо: сплошные пробки. Поедем по набережным до Альма-Марсо и заедем на авеню Георга Пятого снизу.

— Гм... Я бы предпочел как раз ехать по Елисейским Полям.

Он молча вздохнул и вернулся к теме разговора.

— Обожаю татуировки. Двух одинаковых не бывает. Чтобы сделать себе татуировку, нужно иметь мужество. Это действует, как наркотик. И потом, это же на всю жизнь. Тату придает кураж. Особенно на женском теле. Ничто так не возбуждает, как тату, которого никак не ожидаешь на каком-нибудь укромном местечке... Ну, вы понимаете, о чем я...

Его затуманенные воспоминаниями глаза обрели похотливое выражение. Уймись, дедуля. Расслабься. Я собрал все свое мужество:

— А мне татуировки не нравятся.

— Ну да, в наше время молодежь их не любит, потому что все молодые хотят быть одинаковыми. Они даже не знают, что такое развлекаться. Зато все такие ловкачи!

— Нет... Может, им не нужно тату, чтобы отличаться друг от друга...

— Отличаться, отличаться... Мы уж если хотели развлечься, то прежде всего ржали до упаду. Брали велосипеды или какие-нибудь старые колымаги и жали на всю катушку как чокнутые. В те времена пробок не было!

Этот человек изъяснялся только на кабацком жаргоне. Иначе он не умел. Невыносимый тип... Как он меня раздражал! И этот запах... Ладно, сделаем еще усилие...

— Да, но теперь молодежь знает, что нельзя больше ради развлечения загаживать планету.

— Ага, ну-ну! Еще и весь этот экологический идиотизм в придачу! Загаживать планету, разогревать планету или что там еще? Все это выдумки парней, которые норовят продавать пятаки по евро и сами не знают, чего хотят!

— Да вы-то что в этом понимаете?

Это вырвалось у меня непроизвольно, в один миг. Он снова остервенело нажал на тормоз, машина дернулась и резко остановилась, я впечатался в спинку переднего сиденья, а потом меня резко отбросило назад.

— Да пошли вы!.. Понятно? Убирайтесь вон! Не выношу, когда всякие придурки читают мне мораль! Вылезайте!

Я отпрянул с такой скоростью, что мое тело вжалось в обивку сиденья. Прошли две секунды в тягостном молчании, потом я открыл дверцу и выскочил из машины. Я вылетел как стрела, пока ему не пришло в голову меня схватить. Кто его знает, может, у него полицейская дубинка под сиденьем...

Я пробрался между машинами до широкого тротуара Елисейских Полей и бегом бросился к Триумфальной арке. Разгоряченное лицо освежил частый морозящий дождик. Страх прошел, но я все бежал и бежал под взглядами туристов и празднующейся публики. Я бежал, потому что ничто больше меня не удерживало. Я разорвал еще одно маленькое звено в ошейнике, развязал еще несколько бесполезных узлов. Я впервые отважился сознательно говорить незнакомому человеку все, что я думаю, и теперь я чувствовал себя свободным, свободным! И мелкий дождик хлестал мне в лицо, словно пробуждая к жизни.

8

Портье в мундире отскочил в тамбур, чтобы я не сбил его с ног, и я влетел в величественный холл отеля Георга Пятого, одного из красивейших дворцов столицы.

Красный мрамор Аликанте устилал пол, и высоко-высоко, к самому потолку, поднимались колонны из красного мрамора.

Бюро администратора тепло светилось деревянными панелями. В помещении царил молчаливая атмосфера деловитой роскоши. Прислуга грузила на золоченые тележки чемоданы и дорожные сумки, по преимуществу из дорогой кожи и с монограммами престижных фирм. Служащие администрации, улыбаясь, раздавали кому ключи, кому карту Парижа, что-то разъясняя и показывая постояльцам. Какой-то тип в шортах и кроссовках фирмы Nike, который смотрелся здесь как репер на сцене, где сидит симфонический оркестр, пересек холл с таким видом, словно только в таких отелях и жил. Наверняка мой соотечественник...

Я подошел к портье:

— Будьте добры, как пройти в бар?

Я боялся, что он сейчас спросит меня, есть ли у меня номер в отеле. Наверное, у меня был еще тот видок: волосы встрепаны, по лицу стекает вода. Но по счастью, вид туриста в шортах придал мне уверенности.

— Справа будут три ступеньки, а за ними, чуть дальше, — бар, — любезно и слегка напыщенно ответил он.

Я поднялся по ступенькам и оказался в просторной застекленной галерее, ведущей вдоль зеленого двора. Апельсиновые деревья, самшит, бассейны со скульптурной отделкой, столы из драгоценных пород дерева и кресла, зовущие к отдыху... С богато украшенного потолка свешивались великолепные люстры. Стены из резного камня украшали величавые статуи в нишах. В глубине галереи виднелись ряды низких столиков, окруженных такими же низкими креслами в мягких чехлах. Так и хотелось плюхнуться в кресло и утонуть в нем, но надо было соблюдать приличествующую месту сдержанность.

Бар выходил на галерею и в сравнении с ней казался маленьким. Обитые темно-красным бархатом стены и пол создавали интимную атмосферу. В этот час посетителей было мало. В низких креслах визави сидела пожилая пара, а чуть поодаль двое мужчин о чем-то оживленно говорили вполголоса. Скорее всего, разговор был деловой. Дюбре я не обнаружил и прошел к столику в глубине, чтобы сразу увидеть, как он войдет. Возле столика пожилой пары я ощутил пьянящий запах духов, исходящий от женщины.

На моем столике лежали газеты. Среди них несколько серьезных: «Геральд трибюн», «Нью-Йорк таймс» и «Ле Монд» и издания помельче. Я взял «Closer»^[6], чей потрепанный вид говорил об определенной популярности. В конце концов, я находился в таком заведении, где вполне уместно проявить интерес к жизни звезд!

Вскоре появился Дюбре, и я отбросил в сторону журнал. Он шел ко мне между столиками, и я заметил, как глаза всех посетителей повернулись в его сторону. Он был из тех людей, что излучают некую магнетическую энергию и сразу привлекают к себе внимание.

— Ну, рассказывай о своих подвигах!

Я заметил, что он со мной не поздоровался. Каждый раз, когда мы встречались, он будто возобновлял беседу, прерванную минутой раньше, чтобы отлучиться в туалет.

Он заказал бурбон, я ограничился перье.

Я в деталях описал ему сцену в такси, и он от души хохотал над шофером.

— Ну ты просто попал в яблочко! Если бы я для себя устраивал такую встречу, мне бы вряд ли повезло найти такой типаж.

Я поведал ему, как трудно мне было находить возражения на все сентенции шофера и какое чувство облегчения охватило меня потом, когда все закончилось, хотя мы и повздорили.

— Я очень доволен, что ты через это прошел. Слушай, ты мне много рассказывал о работе, что в кабинете чувствуешь себя как в заточении и тебя преследует ощущение, что за тобой все время следят и судачат за спиной.

— Да, там мне не дают быть самим собой. Мне не хватает свободы. Я ощущаю себя узником. Мне все кажется, что они обсуждают каждый мой жест, каждое слово. А сегодня, уходя из офиса, я нарвался на нелестную реплику начальника. Правда, я ушел немного раньше, но

зато в другие дни сидел допоздна. Ну ведь несправедливо упрекать меня за единичный уход, когда я и так все время задерживаюсь! Я не свободен, я задыхаюсь...

Он взглянул на меня проницательным взглядом, отхлебнув добрый глоток бурбона. От него пахло дорогим парфюмом.

— Знаешь, когда ты сказал: «Там мне не дают быть самим собой», мне захотелось ответить: «Наоборот, тебе дают быть самим собой, более того, тебя к этому раз за разом подталкивают. От этого ты и задыхаешься».

Я был поражен:

— Не понимаю вас.

Он откинулся на спинку кресла:

— Когда ты рассказывал мне о коллегах, мне запомнился один из них, такой нахальный парень...

— Тома.

— Он самый. Задавака, насколько я могу судить по твоим словам.

— Это еще слабо сказано...

— Представь себе, что сегодня Тома оказался на твоем месте, что это он ушел из офиса в четыре или пять часов и в коридоре столкнулся с шефом.

— Это был не наш непосредственный начальник, а ведущий все направление.

— Вот и хорошо. Вообрази эту сцену: Тома уходит на час раньше и в коридоре налетает на шефа.

— Попробую...

— А ты — маленькая мышка и наблюдаешь за этим из норки.

— Ладно...

— Что они говорят друг другу?

— Гм... Не знаю... Ну... Странно так вот представлять... Ларше, наверное, улыбается... Дружески, очень доброжелательно...

— Интересно... Значит, ты полагаешь, что если бы Тома сегодня вечером оказался на твоем месте, то начальник именно так к нему бы и отнесся?

— Ну... возможно... Во всяком случае, я так себе представляю. На самом деле это было бы очень несправедливо. Но я думаю, Тома у него в любимчиках и правила на него не распространяются.

— Ясно. А как зовут того парня, который, по твоим представлениям, всех дурачит?

— Микаэль?

— Ага, Микаэль... А теперь представь себе ту же сцену, но с Микаэлем на твоём месте. Это Микаэль ушел из офиса в пять часов. Как обернется дело?

— Сейчас посмотрим... Я вижу... Наверное, Ларше отчитал бы его, как и меня!

— Да?

— Он ему также сказал бы: «Что, отдыхаешь после обеда?» И тон его, скорее всего, был бы еще ядовитее. Ну да, точно! Он всегда над ним насмехается.

— А как отреагирует Микаэль?

— Гм... Трудно представить... Ну, я думаю, Микаэль, с его самоуверенностью, ответит что-нибудь вроде: «Вы рассуждаете, как знаток» — или еще что-нибудь придумает.

— Ах вот как! А Ларше?

— Да разойдутся каждый в свою сторону, и оба будут хохотать всю дорогу.

— Очень интересно, — сказал он, приканчивая свой бокал. — И что ты об этом думаешь?

— Не знаю, — ответил я задумчиво. — Если бы так и было на самом деле, значит Микаэль тоже в любимчиках.

— Нет, Алан, это совсем не так.

Он знаком подозвал официанта:

— Еще один бурбон.

Я отпил перье. Дюбре наклонился ко мне и впился в меня своими синюшими глазами. Я ощутил себя голым.

— Это совсем не так, Алан, — повторил он. — На самом деле все сложнее. Тома считает себя выше других, и это вызывает у Ларше... определенное уважение. Микаэль же над всеми подтрунивает, а Ларше прекрасно знает, что это беда тех, кто считает себя хитрее других. И Ларше поднимает его на смех, чтобы показать, что он сам еще хитрее. А ты...

Он выдержал паузу.

— А я никого из себя не корчу, как другие, я естественный, такой, как есть, и этим пользуются.

— Нет, все гораздо хуже, чем ты думаешь. Ты, Алан, как ты сам себя характеризуешь, действительно... несвободен. Ты несвободен, и это еще дальше загоняет тебя в ту тюрьму, где ты находишься... Ты замыкаешься в молчании там, где я готовил бы решительный удар. У меня бы кровь бросилась в лицо, меня захлестнул бы гнев. Что это он там мне такое говорит?

— Да все наоборот! Совсем наоборот! Я не выношу, когда посягают на мою свободу!

— Посмотри, как получилось с водителем. Ты говоришь, что делал над собой усилие, чтобы ему возражать. Все-таки он вряд ли снова тебе встретится, и ни твоя жизнь, ни твое будущее от него никоим образом не зависят, правда? И все равно ты испытываешь потребность как-то приноровиться к тем, от кого ждешь оценки. Ты боишься, что в тебе разочаруются и тебя отвергнут. Вот почему ты не позволяешь себе ни говорить, что думаешь на самом деле, ни поступать сообразно своим представлениям. Ты все время делаешь над собой усилие, чтобы соответствовать ожиданиям других. И ведь тебя об этом никто не просит, Алан, инициатива только твоя.

— Но я думаю, что это совершенно нормально! Если все станут совершать хоть небольшое усилие ради других, жизнь станет лучше.

— Совершенно верно, но тут речь идет не о твоём собственном выборе. Ты ведь не говоришь себе с утра: «Ага, сегодня я делаю то, что от меня ожидают». Нет, ты так поступаешь бессознательно. Ты полагаешь, что иначе тебя не будут любить и не станут с тобой общаться. И, сам не отдавая себе отчета, ты без конца себя к чему-то принуждаешь. Твоя жизнь проходит в подчинении, потому ты и не ощущаешь себя свободным. И... ты хочешь подчиняться.

Я был ошеломлен. Меня словно обухом по голове ударили. Я ожидал чего угодно, только не такого... Голова шла кругом. Все перемешалось: мысли, идеи, события, и я потерял почву под ногами. Хотелось с порога отместить весь анализ Дюбре, но какая-то часть меня понимала, что доля истины тут присутствует. И эта истина меня тревожила. Мне, который всю жизнь так ревностно оберегал свою свободу от посторонних посягательств, вдруг заявляют, что я сам стремлюсь подчиниться чужой воле.

— Видишь ли, Алан, когда мы стремимся никого не разочаровать, соответствовать чужим ожиданиям или уважать чужие обычаи, это

часто приводит к тому, что люди начинают вести себя с нами нагло, будто мы обязаны им подчиняться. И они это воспринимают как норму. Если ты чувствуешь себя виноватым, уйдя с работы на час раньше, то твой начальник только усугубит чувство вины. И это вовсе не означает, что он плохой человек. У него тоже все происходит бессознательно: он чувствует, что для тебя неприемлемо смыться раньше, потому и задевает тебя. Ты сам провоцируешь его реакцию, понимаешь?

Я ничего не ответил, замороженный круговращением кусочков льда в его стакане с бурбоном. Он тихонько покачивал стакан, и лед, отсвечивая искорками, стукался в хрустальные стенки.

— Алан, — начал он снова, — свобода внутри нас. Она должна исходить от нас самих. Не жди, что она придет со стороны.

Его слова оседали в моем сознании.

— Возможно, — согласился я.

— Есть множество исследований о выживших узниках концлагерей во время Второй мировой войны. В одном из них говорится, что у всех оставшихся в живых была одна общая черта: они остались свободными внутри себя. К примеру, даже если у них на целый день был маленький кусочек хлеба, они говорили себе: «Я волен съесть этот хлеб, когда захочу. Я свободен в выборе момента, когда его проглотить». С помощью выбора, который может в их положении показаться смехотворным, они сохранили в себе чувство свободы. Оно и помогло им выжить.

Я внимательно его слушал и не мог не признаться себе, что, окажись я на месте этих несчастных, я бы так остро ощущал гнет силы и власти тюремщиков, что вряд ли был бы способен на такое состояние духа.

— А как же мне... э... добиться внутренней свободы?

— На это нет ни рецептов, ни способов. Хорошее средство — в течение некоторого времени делать то, чего обычно тщательно избегаешь...

— Мне кажется, что с самого начала ваши советы сводятся к тому, что я должен делать вещи, которые мне не по нраву. Скажите, это и есть один из методов эволюции жизни?

Он громко расхохотался, и надушенная пожилая дама обернулась к нам.

— Все гораздо сложнее. Но если стремиться избегать в жизни всего, что внушает страх, никогда не поймешь, что большинство страхов мы придумываем себе сами. Единственный способ проверить, что истинно, а что ложно, — выяснить этот вопрос на поле боя. Вот почему иногда полезно схватить себя за руку, даже рискуя сделать себе больно, чтобы испытать на прочность то, что вызывает ужас, пока не появится шанс убедиться, что ужас этот — надуманный.

— И что вы потребуете от меня на этот раз, чтобы решить мои проблемы?

— Посмотрим, — сказал он, поудобнее устраиваясь кресле, явно довольный, что имеет возможность высказать свои соображения. — Ты ошибочно полагаешь, что люди перестанут тебя любить, если ты не будешь поступать по их критериям. И поскольку у тебя есть потребность соответствовать образу, созданному другими, ты начнешь изображать сдвиг по фазе.

Я сглотнул. Лицо горело огнем.

— Сдвиг по фазе?

— Да. И в конце концов выберешь манеру поведения, совершенно тебе не свойственную. Например, начнешь таскать с собой на службу журнал, который тебе интересен только до тех пор, пока тебя с ним не увидят.

К моему великому смущению, он указал на «Closer», который я положил на столик обложкой вверх.

— Если я приду с этим журналом, я себя перед всеми скомпрометирую.

— Ах, имидж, ах, имидж! Вот видишь, насколько ты несвободен...

— Но это вопрос доверия ко мне на службе. Я просто не могу...

— Ты забываешь, как много раз повторял мне, что у тебя в офисе люди как таковые никого не интересуют, интересуют результаты. Значит, и то, что ты читаешь, тоже никого не интересует.

— Но я не могу... Мне будет... стыдно!

— Но ты не можешь стыдиться того, что тебе интересно.

— Да не интересно мне! Я никогда не читаю этот журнал!

— Знаю. Его никто не читает. И тем не менее он продается каждую неделю тысячами... И он тебе интересен, потому что, когда я вошел, ты держал его в руках.

— На самом деле... я не знаю... Так, может быть, из любопытства...

— Имеешь право на любопытство, и этого качества нечего стыдиться.

Я представил себе, какие лица будут у коллег и начальства, если они увидят меня с этим журналом.

— Алан, — продолжал Дюбре, — ты станешь свободным в тот день, когда тебя перестанет волновать, что о тебе подумают люди, увидев тебя с «Closer» под мышкой.

И мне невольно подумалось, что этот день очень далек...

— Это не заслуживает аванса...

— Тебе надлежит каждый день совершать, скажем так... по три предосудительных поступка. Точнее, ты должен трижды в день вести себя неподобающим образом, не важно в чем, хоть в мелочах. Я добиваюсь, чтобы ты на какое-то время расстался со своим перфекционизмом, пока не поймешь, что ты живой человек, и для тебя от этого ничего не изменится, и твои отношения с другими людьми не пострадают. И вот еще что: по меньшей мере дважды в день ты должен либо отказывать в ответ на просьбы, либо возражать против чужой точки зрения. Выбирай сам.

Я молча смотрел на него, не проявляя никакого энтузиазма. Однако его пыл от этого не убавился. Ему собственные идеи явно очень нравились.

— И когда начинать?

— Тотчас же! Не стоит откладывать на потом то, что может способствовать нашему росту!

— Прекрасно. Тогда я просто обязан уйти по-английски, не прощаясь, и вовсе не обязан оплачивать свой заказ.

— Молодец! Отличное начало!

Он был доволен, но по его хитрому взгляду невозможно было понять, что будет дальше.

Я встал из-за столика и уже почти миновал весь бар, и тут он меня окликнул. Его громкий, раскатистый голос разорвал тишину, и все сразу обернулись, видимо, решив, что дело дошло до драки.

— Алан, вернись! Ты забыл журнал!

9

Ненавижу утра понедельника. Впрочем, это чувство, наверное, знакомо всем. У меня же на это особые причины: по понедельникам у нас проходят рабочие совещания. Каждый понедельник мы выслушиваем, насколько наши результаты далеки от ожидаемых. Что же надо сделать, чтобы ожидаемого достигнуть? Что мы собираемся для этого предпринять? Каковы наши решения?

Выходные дни были богаты эмоциями, как и неделя, последовавшая за встречей с Дюбре. Первые дни я еще подсчитывал все свои маленькие подвиги, а потом начал отважно использовать любую возможность.

Я нарочно еле тащился на автомобиле по тесной улочке, где за мной ехали еще машины, хотя меня разрывало от желания взять вправо и уступить дорогу или нажать на газ, чтобы никто не подумал, что за рулем сидит какой-то старикашка. Я пошумел в собственной квартире и навлек на себя упреки мадам Бланшар. Я повесил трубку, когда какой-то рекламный агент попытался продать мне окна. Я явился в офис в башмаках разного цвета. Я ел гусиную печенку в маленьком ресторанчике и сказал официанту, что макароны были великолепны. Наконец, я повадился в часы пик пить кофе в кафе напротив, где все заняты экономическими проблемами страны и вопросом, куда же смотрит правительство. Естественно, я ни с кем не соглашался.

Все это давалось мне с трудом, хотя какая-то часть меня начинала получать известное удовольствие от преодоления страхов, и я лелеял надежду, что когда-нибудь их удушающее кольцо разожмет.

В тот понедельник, как только закончилась встреча с первым кандидатом, я потащился на ненавистное собрание.

Одиннадцать ноль-пять. Ага, значит, я опоздал... Я вошел в зал с блокнотом в руке и... «Closer» под мышкой. Все консультанты уже сидели за круглым столом. Я был последним, кого ждали.

Люк Фостери бросил на меня ледяной взгляд. Слева от него улыбался своей невозмутимой улыбкой с рекламы зубной пасты Грегуар Ларше. Он знал, что лучшего от людей можно добиться только добром. Я был уверен, что он отбелит себе зубы. Они так сверкали

белизной, что наводили на мысль о протезе. Когда он говорил, я не мог заставить себя смотреть ему в глаза: взгляд сам перебежал на зубы.

Я занял свободное место. Все обернулись ко мне. Я положил журнал на стол обложкой кверху и сидел, не поднимая глаз. Мне было стыдно.

Тома слева от меня делал вид, что вдохновенно читает «Файнэншл таймс». Микаэль болтал с соседкой, которая безуспешно пыталась опустить глаза на «Трибюн», время от времени прыская со смеху.

— Цифры за эту неделю...

Ларше любил начать, а потом подвесить фразу, не закончив, и таким образом привлечь наше внимание. Он встал, словно желая утвердить свое превосходство над присутствующими, и продолжил, широко улыбаясь:

— Цифры за эту неделю обнадеживают. Мы на четыре процента превысили результаты прошлой недели и на семь — результаты той же недели прошлого года. Исходя из этого я делаю вывод, что общий прирост показателей у нас одиннадцать процентов. Конечно, индивидуальные показатели отличаются друг от друга, и я еще раз должен поздравить Тома, который остался в лидерах.

Тома принял безмятежный и удовлетворенный вид. Ему нравился наряд победителя, которому все нипочем. На самом деле я знал, что для него комплимент — все равно что доза кокаина.

— Для остальных у меня тоже есть великолепная новость.

Грегуар Ларше победным взглядом оглядел группу, тем самым создавая театральный эффект.

— Прежде всего, должен вам сообщить, что Люк Фостери немало для вас потрудился. Около месяца он анализировал все данные, которыми располагал, чтобы установить, почему у одних показатели лучше, а у других хуже, хотя все мы работаем по одной методике. Он сопоставил сведения по всем параметрам, сравнил цифры, проанализировал вычерченные кривые. Результат его работы прост и гениален. Решение у нас в руках, и каждый сможет его достойно оценить. Однако, Люк, я предоставляю тебе возможность самому огласить свои выводы!

Наш начальник, более серьезный, чем обычно, остался сидеть и заговорил своим монотонным, холодным голосом:

— Действительно, рассмотрев все ваши расписания, я выявил обратную корреляцию между среднегодовой величиной времени, потраченного на консультацию, и среднемесячными коммерческими показателями консультанта, скорректированными или не скорректированными на компьютере.

Зал на несколько мгновений замер, и все вопросительно уставились на Фостери.

— А ты можешь все это перевести на человеческий язык? — со смехом спросил Микаэль.

— Это очень просто! — сказал Ларше, быстро перехватив инициативу. — Некоторые из вас тратят много времени на то, чтобы довести беседу с кандидатом до конкретного приема на работу. Если подумать, то это логично. Нельзя одновременно находиться на мельнице и на базаре. Однако если вы тратите слишком много времени на беседу с кандидатами, его остается меньше на то, чтобы рекламировать наше предприятие и продавать наши услуги, и таким образом ваши результаты становятся хуже. Все можно сравнить.

Пока информация доходила до нас, мы молчали.

— Вот вам пример, — снова заговорил Ларше. — Тома, лучший из вас по показателям, тратит в среднем меньше часа двенадцати минут на беседу с каждым кандидатом. А вот Алан, который в арьергарде (мне очень жаль, Алан), посвящает собеседованию в среднем час пятьдесят семь. Улавливаете? Почти вдвое больше!

Я вжался в кресло, глядя перед собой, словно в воздухе над столом появится успокоение. Но на столе не было ничего, кроме «Closer». Я физически ощутил, как на меня давят взгляды присутствующих.

— Конечно, можно уменьшить время собеседований, — сказала Алиса, молоденькая консультантка, — но тогда надо уменьшать и норму удачных приемов на работу. Я всегда помню о гарантиях, которые мы предоставляем предприятиям. Если наш кандидат плохо выполняет работу или увольняется в течение шести месяцев, надо заранее обеспечить ему замену. Извини, Тома, — повернулась она к коллеге, — но наиболее часты такие случаи именно у тебя. У меня они происходят очень редко.

Он посмотрел на нее, не говоря ни слова, и на губах у него появилась снисходительная улыбка.

— Я не хочу вставать на защиту Тома, который в этом не нуждается. Но расходы на замену его кандидатов смехотворны в сравнении с цифрами его показателей.

— Но это не в интересах наших клиентов, — встряла Алиса. — И потом, это нам совсем несвойственно и может повредить нашей репутации.

— От нас этого никто не требует, уверяю тебя. Они прекрасно знают, что одолеть человеческую природу невозможно. У нас с наукой слабовато... Никто не может быть уверен, что подобрал хорошего кандидата.

Ответить никто не отважился, и Ларше обвел зал улыбающимися глазами.

В этот момент Давид, самый старший из сотрудников, позволил себе замечание:

— Тут есть еще одна деталь, которая не так заметна: у нас очень длинный вопросник для собеседования. Мы ничего не можем поделаться, если наши кандидаты неспособны к обобщениям, мы же не можем затыкать им рты...

— И по этому поводу у меня тоже есть отличная новость, — торжествующе заявил Ларше. — Люк, огласи второе заключение.

Люк Фостери снова вернулся к отчету и на этот раз заговорил, глядя в лежащие перед ним бумаги.

— Я уже говорил, что собеседования Тома проходят гораздо быстрее, чем собеседования коммерчески менее успешных консультантов. Если более тщательно проанализировать цифры, то получается, что средние показатели таят в себе блестящее решение. Для кандидатов, не удержавшихся до конца, долгие собеседования ни к чему, и...

— Иными словами, — с победным видом вмешался Ларше, — вам надлежит меньше времени тратить на тупиц, и тогда его останется больше на исследования. Сокращайте собеседование, если видите, что парень или девица не годятся для заявленного места и продолжать бесполезно.

В зале воцарилось молчание.

— В любом случае работу он от вас не получит, так чего с ним церемониться...

Молчание выдавало неловкость, которую эти слова вызвали у консультантов. Некоторые начали озираться, проверяя реакцию остальных. Другие, наоборот, уткнулись в свои блокноты.

— А я с этим абсолютно не согласен.

Все взоры устремились на меня. Я нечасто выступал на собраниях и никогда не высказывал возражений. А тут решил, что пора начинать.

— Я считаю, что это не в интересах нашего предприятия: кандидат, не получивший рабочего места сегодня, может поделиться информацией с другим кандидатом, который придет завтра. Мы выиграем гораздо больше, если будем выращивать кандидатов с дальним прицелом, как мальков в садке. Такие станут нам доверять и будут ценить нашу фирму.

А потом, будьте спокойны, друзья, постепенно мы всех пристроим. На текущий момент — и в ближайшее время вряд ли что-нибудь изменится — у нас кандидатов гораздо больше, чем вакантных мест, и нам нет нужды за ними бегать. Только свистни — и прибежит десяток. Нам остается только выбрать.

По залу прокатилась волна смешков.

Я собрал все свое мужество и продолжил:

— Что касается меня, то я сторонник — не побоюсь этого слова — профессиональной этики. Мы ведь не для себя вербуем кандидатов. Мы — служба занятости. Значит, наша миссия состоит не только в том, чтобы отбирать кандидатов, но и в том, чтобы консультировать тех, для кого на данный момент места нет. В какой-то степени это наша социальная ответственность. Именно поэтому я и люблю свою работу.

Ларше слушал молча, все время улыбаясь, но, как бывало всегда, если его интересам что-то угрожало, улыбка его стала хищной.

— Я полагаю, друзья, Алан забыл, что работает на «Дюнкер Консалтинг», а не на мать Т ерезу.

Он громко рассмеялся, и за ним расхохотался Тома, потом Микаэль. Брови Ларше сдвинулись, глаза неотрывно смотрели на меня.

— Если у тебя есть сомнения, присмотри себе хижину под соломенной крышей — и быстро поймешь, что ни одно благотворительное общество не сможет платить тебе такую зарплату.

В зале снова зазвучали смешки.

— Можно подумать, Алан, что ты так уж надрываешь задницу на работе. В социальной службе ты бы столько не зарабатывал.

— Я приношу прибыль фирме. Мой труд рентабелен, а следовательно, я заслужил свой заработок.

В зале повисла мертвая тишина. Мои коллеги принялись внимательно разглядывать свои ботинки. Я физически ощутил, как тяжело давит эта тишина. Ларше изобразил на лице крайнее удивление реакцией, столь мне несвойственной. Видимо, именно это больше всего сбило его с толку.

— Не тебе об этом судить, — буркнул он, и в его тоне послышалась агрессия.

Для него, без сомнения, было жизненно важно сохранить свой авторитет в глазах аудитории.

— Намечать цели — наша задача, а не твоя. А ты пока намеченного и не достигал.

Собрание кончилось очень быстро. Чувствовалось, что Ларше раздражен таким поворотом событий: его речь не возымела действия, на которое он рассчитывал. Я впервые отважился выразить несогласие. Может, конечно, мне бы лучше помолчать, но я был счастлив, что высказал свои взгляды и не дал себя унижить.

Я быстро вышел из зала и вернулся в кабинет, стараясь по возможности не встретиться с Ларше. Мне никого не хотелось видеть. Прежде чем выйти обедать, я подождал, пока уйдут остальные, и открыл дверь в коридор. В офисе было тихо. Я выскользнул из кабинета. Мои шаги, заглушенные ковром, почти не нарушили эту тревожную тишину. Когда я поравнялся с кабинетом Тома, там резко зазвонил телефон. Должно быть, он провел себе прямую линию, потому что в обеденное время коммутатор не работал. Звонок надрывался в пустом офисе, как отчаянный вопль в пустоту.

Не знаю, что на меня нашло, это шло вразрез и с моими привычками, и с правилами офиса, но телефон звонил так настырно, что я решил взять трубку.

Я открыл дверь кабинета Тома. Там царил идеальный порядок, все бумаги были ровно сложены в стопки, на столе лежала дорогая ручка «Монблан», положенная так, чтобы ее сразу можно было заметить. В воздухе разливался легкий аромат, видимо, запах лосьона после бритья... Я снял телефонную трубку, гораздо шикарнее, чем те, что были в наших кабинетах. Он что, выторговал ее у босса? Хотя он

вполне был способен и купить ее, чтобы отличаться от всех и выделяться из обоймы.

— Ал...

Я собрался назвать свое имя и сказать «Алан слушает», чтобы дать знать звонившему, что я не Тома. Но он не дал мне времени и зачастил в трубку полным ненависти голосом:

— Это мерзость, это безобразие — то, что вы себе позволили. Ведь я же говорил вам, что еще не уволился, и рассчитывал на корректность с вашей стороны! А я знаю, что вы позвонили моему директору и сказали, что его главный администратор увольняется и вы предлагаете свои услуги по подбору замены...

— Месье, я не...

— Замолчите! Я знаю, что это вы! Я никому больше не отправлял свое резюме! Никому! Кроме вас, больше никому. Это гнусно, и вам никогда не бывать в раю!

10

Когда я выходил из офиса, на меня налетела Алиса. Она явно поджидала меня у входа после собрания.

— Ты идешь обедать? — сразу спросила она.

Она улыбалась, но в ее улыбке сквозила тревога. Она что, боялась, что нас увидят вместе?

— Да, — ответил я.

Она замялась, словно ожидая, что предложение поступит от меня.

— Может, пообедаем вместе?

— Давай.

— Я тут неподалеку знаю маленький симпатичный ресторанчик, там можно поговорить свободно.

— Как он называется?

— «Берлога Артюса».

— Не знаю такого заведения.

— Он очень... своеобразный. Больше ничего не скажу, сам увидишь...

— Подойдет, если только там не подают какую-нибудь экзотическую живность.

— Ох уж вы, американцы! Вечно с претензией...

Мы пошли по улице Мольера, а в конце улицы свернули в сводчатый переход, который вывел нас к аркаде Пале-Рояль, тянувшейся вдоль палисадников. Островок покоя в одном из самых оживленных кварталов Парижа. Скромные палисадники наводили на мысль о школьных дворах довоенного времени. В ровную линию выстроились каштаны, земля во дворе плотно утоптана множеством ног, старинное здание помнит всю окрестную историю. Под арками пахнет холодным камнем, и наши каблуки гулко стучат по плитам, выбитым и вытертым за многие века... В этом уголке обитала ностальгия. Время здесь остановилось двумя веками раньше, и, наверное, никто бы не удивился, если бы прозвенел школьный звонок и навстречу, распугивая воробьев, с веселым смехом выскочила стайка ребятишек из прошлого.

Мы поднялись по ступенькам лестницы, расположенной в противоположном конце сада. Ее обрамляли красивые, шершавые на ощупь кованые перила. Мы прошли мимо витрины магазина музыкальных шкатулок, отделанной темным деревом, и очутились на улице Пти-Шан. На узких тротуарах этой маленькой оживленной улочки старого Парижа трудно разойтись двоим пешеходам. Каждый из бесчисленных маленьких бутиков, объединенных в одну цепочку и пользующихся круглогодичными льготами, был уникален, не то что остальные магазинчики, которые во всем мире торгуют примерно одним и тем же. Здесь каждая витрина поражала своеобразием оформления и подлинностью выставленных образцов. Продавец зонтиков соседствовал с колбасником, тот со шляпником, дальше шла чайная лавочка, а потом бижутерия ручной работы, лавка сапожника и магазинчик букиниста. У каждой витрины хотелось постоять, полюбоваться, потрогать...

— Ты знаешь пассаж Вивьенн?

— Никогда не видел.

— Давай пройдем через него.

Мы перешли улицу, лавируя между машинами, которые еле двигались, выстроившись в бесконечную линию, и водители были явно недовольны тем, что пешеходы их обгоняют. Между двумя бутиками виднелся высокий портик. Туда мы и направились и оказались на крошечной улочке с крышей из пожелтогого стекла с коваными железными переплетами, где пахло сыростью и кожей. В пассаже несколько бутиков и ресторанов, но атмосфера здесь резко отличалась от уличной. Исчезла суэта оживленного города, не сновали прохожие, и все было озарено печальным светом и погружено почти в молитвенный покой. Звуки шагов или голосов приглушенно отдавались в стеклянном потолке. Люди двигались не спеша, и повсюду царила меланхолическая безмятежность.

— Пассаж был выстроен в начале девятнадцатого века и во времена Реставрации служил светским салоном. Я сюда прихожу, когда хочется перевести дух.

Пассаж по форме напоминал длинный ангар, и мы вышли с другого конца, пройдя его насквозь. Оказавшись снова на улице, мы ощутили запах горячего хлеба из соседней булочной. И я сразу почувствовал, как проголодался.

— Мы пришли! — сказала Алиса, указывая на витрину ресторана, тщательно отделанную выкрашенным в глубокий серый цвет деревом.

Мы вошли в маленький, персон на двенадцать, зал, отделанный в барочном стиле. На стенах в красивых лепных рамках были развешаны всевозможные изречения. Хозяин, блондин очень маленького роста, лет сорока, в розовой рубашке, с шелковым платком на шее, оживленно болтал с двумя клиентами. Увидев Алису, он прервал разговор.

— А, мадам вербовщица! — сказал он напыщенно, и если бы не лукавая улыбка, его голос мог бы показаться раболепным.

— Артюс, я же просила вас так меня не называть, — весело ответила она.

Он послал ей воздушный поцелуй.

— А что это за прекрасный принц сопровождает вас нынче? — произнес он, оглядывая меня с головы до ног. — У мадам недурной вкус... и она рискует, приведя его к Артюсу.

— Алан — мой коллега, — решительно уточнила Алиса таким тоном, каким обычно сверяют время.

— Ага, и вы тоже попались! И не пытайтесь меня отвлечь, я вас насквозь вижу, меня вы в свои дела не втянете.

— Я нанимаю только бухгалтеров, — вставил я.

— Ах! — Он изобразил на лице великую печаль. — Он интересуется только счетоводами...

— У вас найдется для нас столик на двоих, Артюс? Я не заказала заранее...

— Мой астролог заявил, что сегодня сюда заглянет одна очень важная для меня персона, и я оставил столик. Он в вашем распоряжении...

— Месье очень любезен...

Он элегантно жестом протянул нам меню, и Алиса положила свое на стол, даже не взглянув.

— Выбирать не будешь?

— Это ни к чему.

Я вопросительно на нее взглянул, но она ограничилась загадочной улыбкой.

Меню было довольно богатое, и все названия весьма аппетитны. Из такого изобилия выбрать нелегко. Не успел я закончить знакомство с

меню, как хозяин подошел к нам за заказом:

— Мадам Алиса?

— Я полагаюсь на ваш вкус, Артюс.

— Ах, как я люблю, когда женщины на меня полагаются! А мой прекрасный принц уже что-нибудь выбрал?

— Э... я бы заказал салат из томата с базиликом по-экссски и...

— Нет-нет-нет... — тихо забормотал он себе в бороду.

— Прошу прощения?

— Нет, это не подойдет для появления принца. Предоставьте выбор мне. Поглядим... Я приготовлю для вас... салат с зеленым цикорием и рокфором.

Я был озадачен.

— А что такое рокфор?

У Артюса от удивления в буквальном смысле отвисла челюсть, и он так и остался на несколько секунд с разинутым ртом.

— Как? Наверное, принц пошутил?

— Мой коллега — американец, — сказала Алиса. — Он всего несколько месяцев во Франции.

— Но у него совсем нет акцента! — удивился он. — И потом, он изящный и вовсе не такой здоровяк, как америкосы. Вы ведь выросли не на хлопьях и бигмаках?

— У него мама была француженка, но жил он в Америке.

— Превосходно, но его воспитание нуждается в пересмотре. Полагаюсь на вас, Алиса. Я займусь им в плане кулинарном, — сказал он, произнося последнее слово по слогам. — Итак, начнем с рокфора. Известно ли вам, что во Франции насчитывается более пятисот сортов сыра...

— У нас в Штатах их тоже немало.

— Да нет! — с притворным отчаянием воскликнул Артюс. — Это совершенно разные вещи, вот увидите! Ничего общего! У вас не сыр, а пластик в целлофане, соленая желатиновая резина с непонятным запахом. О-ля-ля! Его всему надо учить! Так вот, начнем с рокфора... Рокфор — это король сыров и сыр королей...

— Отлично, пусть будет цикорий с рокфором! Продано! А дальше мое внимание приковывает...

— О, мой принц! Не надо никого приковывать, мы же не в тюрьме...

— Тогда я прицелюсь...

— Нет, не надо ни в кого целиться, даже в того, кто не заплатил...

Я снова начал, тщательно подбирая слова:

— Потом я бы съел говядину по-бургундски с вареным картофелем.

— Ах нет! — решительно заявил Артюс. — Определенно нет! Это не в вашем стиле. Не опускайтесь до говядины по-бургундски... Нет-нет... Я вам принесу... ну, скажем... дикую индейку в белом вине с вешенками из Салоник.

Я был слегка сбит с толку.

— А десерт я имею право выбрать?

— Вы имеете право на все, мой принц...

— Тогда я возьму сладкий пирог Татен.

— Прекрасно! Итак, — сказал он, сверяясь с записью заказа и произнося каждое слово по слогам, — один шоколадный мусс. Благодарю вас, и приятного аппетита. Артюс постарается доставить вам удовольствие.

И он исчез на кухне.

Меня разобрал смех.

— Что значит весь этот бред?

— Меню — ненастоящее. На самом деле у него одно меню для всех. Но все очень вкусно, и все продукты свежие. Леон готовит каждое, даже самое дешевое блюдо с любовью, — сказала Алиса, указав на высокого негра, который мелькнул за застекленной кухонной дверью.

— Я умираю с голоду.

— Здесь обслуживают быстро. В этом выгода одного меню на все случаи. У Артюса своя клиентура. Был, правда, случай, когда сюда заглянул какой-то немецкий турист. Он не оценил по достоинству невинную игру Артюса и устроил скандал.

Почти сразу из кухни выпорхнул сам Артюс, неся наши блюда.

— Рокфор с цикорием!

Я уже собрался наброситься на еду, как вдруг...

— Алиса, — прошептал я.

Вид того, что лежало на тарелке, вызвал у меня глубокое отвращение.

— Что?

— Алиса, — снова зашептал я, — но мой сыр испорчен. Он... с плесенью. Это отвратительно.

Она несколько секунд молча меня разглядывала, потом принялась хохотать.

— Но это нормально!

— Нормально, что мой сыр испорчен?

— Но его таким и едят... Он...

— Ты хочешь, чтобы я ел тухлый сыр?

У меня было такое впечатление, что мне предстоит выполнить самое заковыристое задание Дюбре.

— Он не тухлый, он и должен быть с плесенью...

— Но ведь это одно и то же: заплесневел — значит протух...

— Да нет же! Это благородная плесень. Клянусь, можешь есть без всякого риска. Не будь плесени, сыр был бы абсолютно заурядным.

— Издеваешься?

— Нет, уверяю тебя! Смотри.

Она наколола на вилку несколько кусочков этой штуковины и... отправила в рот. Потом разжевала и... проглотила, улыбаясь!

— Какая мерзость!

— Да ты попробуй!

— Ни за что!

Я разгреб листья цикория, тщательно выбирая те, что не соприкасались с этой гадостью.

Артур пришел забирать посуду и, посмотрев на мою тарелку, сник.

— Надо что-нибудь придумать, чтобы не показывать тарелку Леону. Он заплачет горячими слезами, когда увидит, что его первому блюду не оказали должной чести. Я его знаю, он будет безутешен...

И он скрылся за кухонной дверью вместе с нашими тарелками. Алиса оперлась руками на стол и слегка наклонилась ко мне:

— Знаешь, ты меня очень удивил на собрании. Никогда не думала, что ты пойдешь против Ларше. Ты сильно рискуешь...

— Ну, не знаю, во всяком случае это было искренне: я убежден, что нельзя пренебрегать кандидатами, которых мы не можем обеспечить работой сразу же.

В течение нескольких секунд она смотрела мне в глаза. Раньше я не замечал, какая она хорошенькая. Собранные в узел светло-каштановые волосы спадали на тонкую, очень женственную шею. Голубые глаза

смотрели нежно и пристально и светились умом. И вообще было в ней что-то очень изящное и милое.

— Мало того, я убежден, что Лашер, Дюнкер и остальные сознательно принимают решения, идущие вразрез с интересами предприятия...

— Зачем?

— Их решения продиктованы финансовым рынком, точнее, Биржей.

— Ты хочешь сказать, нашими акционерами?

— В каком-то смысле.

— Не вижу, что это меняет: ведь процветание предприятия выгодно прежде всего акционерам.

— Нет, это зависит...

— От чего зависит?

— От того, есть ли у них мотивация оставаться акционерами. Знаешь, акционеров у нас полно: мелкие инвесторы, банки, инвестиционные фонды...

— Ну и что?

— А ты думаешь, большинство из них заинтересовано в гармоничном развитии нашего предприятия? Здесь имеет значение только один фактор, ну два: постоянный рост курса акций и возможность из года в год стричь купоны.

— Ну, само по себе это не особенно шокирует: таков принцип капитализма. Те, кто вкладывает деньги, в случае успеха предприятия получают прибыль. В этом состоит оправдание рисков, и благодаря этому предприятие развивается. Курс акций поднимается, если предприятие развивается успешно, поскольку тогда риски уменьшаются и растет количество желающих получить свой кусок пирога. Что же до дивидендов, то это всего-навсего барыш, который обычно делят между акционерами. Чтобы были дивиденды, надо, чтобы предприятие процветало...

— В теории — да, но на практике вся система полностью развращена. На деле редко кто из акционеров действительно печется о долгосрочном развитии предприятия и делает на это ставку. В большинстве случаев они в этом даже не разбираются... Они либо стремятся продать акции, когда те достаточно поднялись в цене, либо у них акций достаточно, чтобы влиять на решения о судьбе предприятия.

Но поверь мне, эти решения принимаются не ради его гармоничного развития, а ради того, чтобы поскорее получить и распределить дивиденды за те несколько лет, что они остаются акционерами. Их не интересует, не будет ли это помехой в будущем развитии и не подвергнется ли предприятие опасности.

— И ты полагаешь, что Дюнкер и его свита играют в интересах акционеров в ущерб интересам предприятия?

— Да.

— Но ведь предприятие создал Дюнкер. Это *его* детище. Мне с трудом верится, что он позволит его спалить на медленном огне.

— Ну, это не совсем *его* предприятие. Оно вошло в состав Биржи, и теперь он держит только восемь процентов от всего капитала. Это все равно что он его продал.

— Да, но он же остался во главе. Значит, оно ему в какой-то степени дорого...

Алиса скорчила гримаску:

— Знаешь, на сентиментального человека он не похож. Думаю, он остался у руля по договоренности с двумя крупными акционерами, которые внесли свой капитал после присоединения к Бирже.

Артюс поставил перед нами дымящиеся тарелки с восхитительным запахом и отправился обслуживать еще одну постоянную клиентку.

— Мадам графиня, я к вашим услугам.

— Мой дорогой Артюс, — сказала дама, — сколь бы далеко ни простиралось мое генеалогическое древо, там были только крестьяне, поденщики, слуги... И потом, ведь в тысяча семьсот девяностом году знать была упразднена...

— А в две тысячи третьем Артюс ее восстановил!

Индюшка в белом вине была восхитительна. Такое блюдо способно привязать к земле Франции любого американца. Даже самый распроправый националист отрекся бы от своей партии за один кусочек такого мяса.

— Ты не был знаком с Тонеро? — спросила Алиса.

— Это тот парень, что уволился перед самым моим приходом?

— Да. Он был лучшим консультантом. Человек с очень сильным характером. В коммерции ему не было равных. Он знал себе цену и попытался требовать повышения зарплаты.

— И, насколько я помню, ему отказали.

— Отказали. Но он не растерялся и приготовил досье, в котором доказывалось, что в случае отказа его увольнение обойдется им дороже, чем прибавка к зарплате. Он рассчитал, насколько сократится приток клиентов с его уходом и приходом заместителя, сколько потеряет предприятие, пока будет оплачивать работу неэффективного сотрудника, и так далее. В общем, было ясно, что им дешевле повысить ему жалование, чем уволить. Но они его все-таки уволили. И знаешь почему?

— Вопрос самолюбия? Не хотели отменять свое решение?

— Совсем не поэтому. Они ледяным тоном ему разъяснили, что, если они начнут варьировать зарплату, это сразу выбьет бюджет из рамок и упадет курс акций. В то время как основные потери от сокращения клиентуры у его последователя можно провести по статьям «вознаграждения» и «обучение», а Биржа к таким потерям нечувствительна.

— Какая разница?

— В разделе «обучение» очень даже есть разница, и не в лучшую сторону. Раньше занятия стажеров заканчивались в шесть часов, а теперь в пять. И к пяти часам уже никого нет.

— Почему?

— Тебе нужно объяснение, которое преподносят клиенту, или то, что продиктовано бизнесом?

— Давай и то и то.

— Это основа нашего педагогического плана, господин клиент. Исследования показали, что небольшое уменьшение времени обучения способствует быстрому усвоению материала и скорейшей интеграции стажера.

— А на самом деле?

— А на самом деле обучающий получает больше часа времени на поиски новых клиентов. Ты же понимаешь, что в шесть часов уже можно никого не застать...

Я отпил глоток вина.

— Так вот, по поводу нечестных действий: я совершенно случайно обнаружил, что один из наших сотрудников донес на кандидата и, не дождавшись его увольнения, огласил, что он уходит в другое место.

— А ты что, не в курсе?

— Не в курсе чего?

— В тот день, когда тебя на было, Дюнкер на общем собрании объявил, что такие звонки даже во благо.

— Ты что, шутишь?

— Ничуть.

— Марк Дюнкер, наш президент, призывает консультантов к такого рода штучкам? Но это гнусно!

— Он нас напрямую не призывал, просто дал понять.

Я посмотрел на серое небо за окном. Начинаял накрапывать дождь.

— Знаешь, наверное, хорошо, что мы высказали все друг другу начистоту, но меня это все равно угнетает. Я должен верить в то, что я делаю. Просыпаясь утром, я должен знать, что моя работа для чего-то нужна, пусть она и не преследует какие-то благородные цели. Как минимум я хочу получать удовлетворение от хорошо сделанной работы. Но если мне надо заниматься непонятно чем, в спешке, с единственной целью обогащения акционеров, абсолютно не заинтересованных в предприятии, то все теряет смысл. А мне нужно, чтобы моя работа имела смысл.

— Ты идеалист, Алан.

— Конечно идеалист.

— Это хорошо, но ты ошибся эпохой. Мы живем среди циников, и, чтобы пробиться, надо самому быть циником.

— Я... я не согласен. Точнее, я отказываюсь подчиняться этой точке зрения. Иначе все на свете ничего не стоит. Я не могу смириться с мыслью, что вся моя жизнь проходит под знаком добывания средств для оплаты еды, жилья, развлечений. Такая жизнь лишена смысла.

— Ну, как дела, мои несмышлениши? — спросил Артюс, заглянув в наши тарелки, уверенный в успехе своего блюда.

— Я вам такой фамильярности не разрешала, — заявила Алиса, сделав вид, что шокирована.

Артюс со смехом удалился.

— Мне надо найти работу, — продолжал я, — которая что-то давала бы людям, пусть вселенная при этом и не изменится. Я должен засыпать и просыпаться с мыслью, что день прошел не зря и камень в общее здание положен.

— Тебе придется смириться с очевидностью. Изменить мир ты не сможешь.

Я поставил свой бокал. Индейка в белом вине меня больше не манила. Я увидел, что Артюс собирается послать мне воздушный поцелуй. Он обитал в мире, который сам создал.

— А я убежден, что каждый из нас способен изменить мир. При условии, если не станем опускать руки, отказываться от того, что считаем правильным, и не позволим себя унижать. Иначе получится, что мы причастны ко всему, что происходит.

— Согласна, но это все прекрасные слова. При конкретном рассмотрении они мало что значат. И еще не факт, что, если ты останешься на этом предприятии, тебе удастся сделать так, чтобы люди не творили зла.

Я взглянул на Алису. Занятно, но у меня почему-то возникло ощущение что, как бы она ни старалась мне доказать бесплодность моих усилий, в глубине души она признавала мою правоту. Она потеряла надежду, но надеяться ей очень хотелось.

Я вышел на улицу в задумчивости, рассеянно окинув взглядом стены ресторана. Мои глаза остановились на последнем чудачестве Артюса — на стене красовалось изречение Ганди:

«Мы сами должны стать теми переменами, которые хотим видеть в мире».

11

— Что верно, то верно, от других перемен не жди!

Ив Дюбре откинулся в глубоком кресле и положил ноги на письменный стол. Мне нравился запах кожи и старых книг, который у меня навсегда связался с его кабинетом, с местом, где я доверился ему на другое утро после нашего знакомства. Мягкий вечерний свет, струящийся сквозь деревья парка, подчеркивал английский дух жилища Дюбре. Верный своим привычкам, хозяин дома тихонько покачивал кусочки льда в бокале бурбона.

— Я убежден, — продолжал он, — что все перемены происходят внутри нас, а не извне. Ни организация, ни правительство, ни новый хозяин, ни новый супруг, ни какой-нибудь синдикат не в силах изменить жизнь. А политика? Смотри: как только люди начинают надеяться, что вот-вот что-то переменится, что получается на самом деле? Вспомни Миттерана в тысяча девятьсот восемьдесят первом, Ширака в девяносто пятом, Обаму в две тысячи восьмом... Во всех случаях в них разочаровались. Суть проблемы совсем в другом. Суть в том, что никто не может изменить мир, не обрета самого себя. А для этого надо взять себя в руки.

И заметь, мысль Ганди опережает индивидуальные представления и личные ожидания перемен. Я думаю, что он говорит о тех глобальных изменениях, которые каждый хотел бы видеть в обществе, и о том, что гораздо действеннее самому воплотиться в путь и стать примером для других, чем критиковать и изобличать.

— Понимаю, мысль интересная, но ведь даже если я стану примером уравновешенности, что, собственно, и требуется на работе, мой патрон не станет относиться ко мне более уважительно.

— В известной степени ты прав. Если тебе не нравится, что твой патрон тебя не уважает, не жди, что он изменится: это твоя задача заставить себя уважать. Прикинь, что ты можешь изменить в себе, чтобы хотелось отнестись к тебе с уважением: манеру общаться, манеру говорить, сообщать о своих успехах... Может, стоит пресекать неуместные замечания... В конце концов, вредные менеджеры, у

которых есть скверная привычка доставать подчиненных, изводят совсем не всех и не выбирают себе жертву наугад.

— Но не хотите же вы сказать, что жертва сама напрашивается на приставания!

— Нет, этого я не говорю. Конечно, это не ее вина, и нельзя сказать, что жертва его безотчетно провоцирует. Нет. Я хочу только сказать, что в ее поведении, в образе жизни есть что-то такое, что делает «доставание» возможным. И при этом мучитель прекрасно сознает, что если нападет на жертву, то от этого пострадает только она, а на остальных нападение никак не отразится.

— Скверно!

— Да.

— А... что способствует тому, чтобы человек оказался в такой категории?

— Трудно ответить. Причин много. Но доминирующей является, несомненно, дефицит самоуважения. Если человек не уверен в себе, он наверняка допустит несколько проколов, за которые зацепится мучитель. Ему достаточно только нажать там, где больно.

Мне вдруг стало нечем дышать.

— А можно немножко проветрить комнату?

Дюбре встал и настежь распахнул окно. Комнату наполнил теплый воздух, напоенный древесной влагой, а вместе с ним — нежные ароматы летнего вечера. В кронах платанов слышались приглушенные голоса птиц, столетний кедр важно покачивал ветвями.

— Я думаю... мне немного не хватает... самоуважения... Это не означает, что я совсем себя не люблю, вовсе нет, и я себя ощущаю... нормально, но это верно, меня легко вывести из равновесия любым замечанием или критикой...

— Я тоже так думаю. В следующий раз я дам тебе задание, которое поможет тебе обрести самоуважение, веру в себя и придаст тебе внутреннюю силу.

А я про себя решил, что лучше будет помалкивать...

— Но вернемся к нашим баранам... Хотелось бы думать, что тебе удастся поменять мнение и отношение к тебе твоего босса, изменившись самому. Но это ничего не изменит в том, что происходит у вас в офисе...

Скажем так... это потребует умения ладить с людьми, но я убежден: тебе удастся убедить менеджеров, на которых ты постоянно жалуешься, поменять взгляд на некоторые вещи. Ты должен также добиться от них целой серии повышений.

— Повышений я не заслуживаю...

— Ты так говоришь, потому что не знаешь, как взяться за дело, но в ситуации нет ничего рокового. Знаешь что, если ситуация тебя совсем не устраивает, есть ведь возможность поменять работу. Знал бы ты, сколько людей недовольны своей работой, ворчат, но остаются на местах. Человек страшится перемен, всего нового и зачастую предпочтет остаться в привычной скорлупе, даже если ему там тошно, чем вылезти из этой скорлупы в незнакомую обстановку.

Вспомни Платонову пещеру! Платон описывает людей, родившихся в некоем подобии темного грота и никогда его не покидавших. Эта пещера и была их универсумом, пусть темным, но привычным, а следовательно — надежным. Они наотрез отказывались выйти наружу, потому что незнакомый мир казался им враждебным и опасным. И до сих пор они так и не смогли увидеть, что за пределами их пещеры лежит напоенный солнцем, прекрасный и свободный мир...

Нынче многие живут в Платоновой пещере, сами не отдавая себе в этом отчета. Они смертельно боятся всего нового и отвергают любые перемены, касающиеся их лично. У них есть идеи, мечты, проекты, но они никогда не могут их осуществить, парализованные безотчетным страхом. Их руки и ноги закованы в цепи, ключ от которых находится у них же самих. Цепи висят у них на шее, но они никогда их не снимут.

Я считаю, что жизнь состоит из постоянных перемен, она всегда в движении. И нет никакого смысла приковывать себя к status quo. Неподвижны только мертвецы... Все мы заинтересованы в том, чтобы не только меняться, но и менять, чтобы иметь возможность эволюционировать в нужном направлении.

Дюбре отпил солидный глоток бурбона и снова болтнул свой бокал, в котором весело сверкнули кусочки льда. Я глубоко вдохнул ароматный воздух, пришедший с улицы.

— По поводу перемен... я собрался осуществить одну, касающуюся только меня, но у меня все не получается. Я хочу бросить курить. Вы можете мне что-нибудь посоветовать?

— Смотря что. А скажи-ка мне, почему ты хочешь бросить?

— По тем же причинам, что и все: это свинство сжигает человека на медленном огне...

— Тогда что тебе мешает бросить?

— По совести сказать, мне это нравится. Трудно отказаться от того, что тебе приятно. Мне будет не хватать сигареты, особенно в моменты стресса: курево помогает обрести равновесие.

— Ладно. Тогда представь себе, что есть еще некое средство, гораздо приятнее и эффективнее при стрессе. И ты можешь им воспользоваться, когда захочешь. Представил?

— Представил.

— Тебе быстро удастся бросить курить в таких условиях?

— Ну... попытаюсь.

— Что-то неубедительно для ответа.

— Не знаю...

— Представь себе: у тебя есть магическое средство, которое может доставить удовольствие и снять стресс. А сигарета дает тебе что-нибудь еще?

— Э... нет, пожалуй.

— Так что же мешает бросить?

Я с успехом представил себе волшебное средство, дающее удовольствие и избавляющее от напряжения. Однако что-то меня печалило в отказе от сигареты. Но что? Что бы это могло быть? Я смутно чувствовал ответ и не мог его сформулировать. Понадобилось несколько мгновений, чтобы он всплыл в сознании, и я сразу понял, что он очевиден.

— Свобода.

— Свобода?

— Да, свобода. Даже если мне очень хочется покончить с курением, все равно надо мной довлеет общество, и у меня возникает ощущение, что, если я брошу курить, это будет не мой выбор.

— И ты потеряешь свободу?

— Да мне уже все уши прожужжали с этими сигаретами. Все мне говорят: «Ты должен бросить», и мне кажется, что, бросив, я поддамся давлению и подчинюсь чужой воле.

По лицу Дюбре пробежала улыбка.

— Хорошо, я оставлю тебе инструкцию. И ты, как обычно, будешь следовать ей, буква в букву.

Я почувствовал у себя за спиной движение воздуха и обернулся. Это Катрин приоткрыла дверь, чтобы войти в комнату. Она молча уселась в углу и коротко мне улыбнулась.

Вот тогда-то я и посмотрел вниз. На столе перед ней лежал большой серый блокнот, и на обложке я вверх ногами прочитал свою фамилию, написанную печатными буквами, черными чернилами и подчеркнутую быстрым, но аккуратным движением пера. Неужели Дюбре посвятил мне целый блокнот записей? Я сгорал от желания его прочесть. Что там, в нем? Список заданий, которые мне еще надлежит выполнить? Отчеты обо мне и наших беседах?

— Ладно, — сказал Дюбре, — подведем итог твоих достижений. Ты взялся проявлять несогласие, выражать свои соображения и пожелания, утверждаться среди других людей.

— В общих чертах — да.

— Теперь тебе надлежит, и это будет главным, научиться как следует общаться с людьми. Это очень важно. Мы не одни живем на свете. Мы поневоле все время взаимодействуем с другими, и в наших отношениях есть обратная связь. И нас далеко не все принимают с радостью. Чтобы это отношение было хорошим, чтобы нас ценили и уважали, надо научиться некоторым вещам.

Что-то мне в его рассуждениях не понравилось.

— Мне не хочется применять психотехники, чтобы общаться с людьми. Я хочу оставаться самим собой и ничего не говорить и не делать специально для улучшения качества общения.

Он вопросительно на меня посмотрел:

— Тогда почему ты согласился выучить язык?

— Не понял?

— Ну, ведь ты говоришь по-французски и по-английски, верно? Зачем ты выучил эти языки?

— Но это же другое дело...

— Почему? Ты ведь, когда родился, не говорил на этих языках... Ты их усвоил вместе со всеми их правилами и теперь пользуешься ими для общения. Разве у тебя возникает ощущение, что ты — это не ты, когда ты разговариваешь?

— Да нет, конечно.

— Ты в этом уверен? Почему ты не ограничиваешься жестами или не мычишь, чтобы тебя поняли? Ведь это более естественно...

— Но язык я выучил, когда был ребенком, это же большая разница.

— У тебя получается, что воспринятое в детстве составляет естественную часть нашего «я», а воспринятое в зрелом возрасте — искусственно, и, пользуясь этими навыками, мы перестаем быть самими собой?

— Не знаю. Но я не чувствую себя естественно, когда мне приходится делать то, что не пришло само собой, спонтанно.

— Хочешь, скажу тебе одну вещь?

— Какую?

— Ты являешь собой очередной пример сопротивления переменам. В этом и состоит отличие ребенка от взрослого: ребенок жаждет меняться, а взрослый делает все, чтобы уйти от перемен.

— Может быть.

— Хочешь, поделюсь с тобой одной мыслью?

Он слегка наклонился ко мне и сказал доверительным тоном:

— Когда человек теряет охоту к переменам, он начинает медленно умирать...

Я сглотнул набежавшую слюну.

Катрин закашлялась, за окном закричала какая-то птица, и крик был похож на издевательский смешок.

— Я понял одну скверную вещь, — продолжал Дюбре. — У большинства людей это неприятие перемен в поведении возникает в возрасте двадцати — двадцати пяти лет. Знаешь, чему биологически соответствует этот возраст?

— Нет.

— Это возраст, когда заканчивается развитие мозга.

— Но тогда охота к переменам исчезает не случайно. Наверное, это вполне естественно.

— Да, но на этом дело не заканчивается. Долгое время думали, что количество нейронов в организме необратимо сокращается вплоть до конца нашей жизни. Но совсем недавно было доказано, что они продолжают воспроизводиться и в зрелом возрасте.

— Вы мне подняли настроение, а то я уже начал себя чувствовать старичком...

— Точнее, процесс регенерации может начаться в зависимости от разных факторов, и среди них... обучение. Иными словами, если

человек постоянно чему-то учится и эволюционирует, он не стареет. Тело и разум тесно связаны друг с другом. Хочешь пример?

— Хочу.

— По статистике Министерства здравоохранения, у большинства людей, вышедших на пенсию, резко ухудшается здоровье. Как по-твоему, почему?

Пока человек работает, он более или менее адаптируется, делая хотя бы маленький шаг вперед, и это не дает ему превратиться в развалину. Но как только он перестает работать, он перестает и делать усилия в этом направлении. И в результате закосневает в своих привычках. Это начало конца...

— Забавно...

— Чтобы оставаться в живых, надо оставаться внутри жизни, то есть быть все время в движении, все время меняться. Я знаю одну женщину, которая впервые села за фортепиано в возрасте восьмидесяти одного года. Невероятно! Всем известно, что, для того чтобы научиться играть, нужны годы занятий. А это означает, что в восемьдесят один год она сочла возможным и нужным потратить эти годы, чтобы освоить музыкальный инструмент. Я думаю, у нее есть все основания прожить еще очень долго.

Хочешь оставаться всю жизнь молодым — продолжай развиваться, учиться, делать открытия, не застывай ни в привычной обстановке, ни на мысли о том, что ты и так много сделал. Это лишает разум гибкости.

— А что вы мне посоветуете в плане общения?

Он посмотрел на меня с довольной улыбкой:

— Ладно, доверю тебе один секрет. Он тебе поможет находить контакт с любыми людьми, даже с представителями других культур. Находить контакт и вызывать у людей желание тебя слушать, говорить с тобой, уважать твою точку зрения, даже если она не совпадает с их позицией, и быть с тобой искренними.

Заманчивая перспектива...

Он взял со стола листок бумаги цвета слоновой кости, достал черную, сверкающую лаком авторучку и принялся что-то писать быстрым, размашистым почерком. Золотое перо резво побежало по бумаге. Закончив писать, он протянул листок мне. Еще не высохшие

чернила поблескивали, словно бумага отказывалась впитывать тайну, которая ей не предназначалась.

Заклучи в себя мир другого человека, и он откроется тебе.

Я прочел раз, другой и задумался. Несомненно, такая формулировка мне нравилась. В ней таилось какое-то магическое послание, смысл которого от меня пока ускользал.

— И вам известен способ?

Он улыбнулся:

— Если оставаться на уровне ментальном, я бы сформулировал задачу по-другому. Я бы тебе сказал что-нибудь вроде: «Постарайся сам понять другого, прежде чем искать понимания». Но тут все гораздо глубже. Общение не происходит только при интеллектуальном обмене, оно синхронно задевает и другие уровни.

— Другие уровни?

— Да, в особенности в плане эмоциональном. Твои эмоции, как правило, бессознательно передаются собеседнику. Если ты его не любишь, он это так или иначе почувствует, даже если ты удачно это скроешь.

— Возможно...

— И еще намерения — вот что другие чувствуют безошибочно.

— Вы хотите сказать, что в разговоре надо всегда быть начеку?

— Да, причем необязательно себя заставлять... К примеру, собрания в офисе. Как правило, если на таких собраниях задают вопросы, то ответов на них не ждут. Нет намерения услышать ответ.

— Как так?

— Может статься, истинное намерение состоит в том, чтобы задать умный вопрос... Или выставить собеседника в невыгодном свете перед остальными... Или выяснить, интересна ли ему тема разговора, или взять лидерство в группе...

— Да, это действительно наводит меня на кое-какие воспоминания!

— И очень часто намерение собеседник угадывает гораздо раньше, чем осмысливает сам вопрос. Если нас хотят поставить в тупик, это сразу чувствуется, даже если в словах нет ничего такого...

— Это понятно...

— Я думаю, что тут есть нечто, лежащее в плоскости духовной, хотя в этой области вообще трудно что-либо выявить.

— Так что же конкретно скрывается за вашей магической формулой?

— Заключение в себя мир другого человека означает, что в тебе должно созреть страстное желание войти в его мир. Интерес к его миру должен доходить до стремления ради эксперимента влезть в его шкуру: с удовольствием думать, как он, верить в то, во что верит он, даже говорить и двигаться, как он. Когда тебе это удастся, ты будешь точно чувствовать все, что чувствует другой, и по-настоящему его понимать. Каждый ощутит себя на одной волне с собеседником. И ты сможешь добиться обратной связи. У вас обоих возникнет чувство заинтересованности друг другом, и ты поймешь, что другой тоже хочет тебя понять. И он тоже проявит интерес к твоему миру, подчинившись желанию подольше продлить беседу.

— Все это немного странно. Не забывайте, что по образованию я бухгалтер. И знаете, наверное, не случайно: я ведь человек очень рассудительный и рациональный...

— Вот видишь, мне уже удалось заставить тебя самого это почувствовать. Проведем эксперимент, который прояснит еще одну из тех позиций, которые я пытаюсь тебе внушить. Мне надо подготовиться, — сказал он, поднимаясь. — Пойду поищу пару стульев. Эти кресла не годятся, они слишком громоздкие.

Он вышел из кабинета, Катрин за ним. Я услышал, как по коридору удаляются их шаги. Мое сознание раздвоилось: одна часть меня, заинтересованная тайнами общения людей, ждала и надеялась, а другая, более приземленная, пребывала в сомнении.

Вдруг мой взгляд скользнул по блокноту. Блокнот... Так соблазнительно было заглянуть туда хоть одним глазком... Шаги удалились и смолкли. Наверное, они ушли в другую комнату. Сейчас или никогда... Быстрее! Я вскочил с места, и паркет скрипнул под моими ногами. Я прислушался... Тишина. Я обошел стол и протянул руку... Шум шагов, голоса... Они возвращаются... Вот черт! Я бросился к креслу, но паркет снова громко закрипел. Могут услышать... Не садиться в кресло, сделать вид, что стоя разглядываю... Что? Библиотеку, книги...

Они вошли. Я сосредоточенно разглядывал полки с книгами.

— Надо их поставить вот так!

Я обернулся. Они ставили два стула друг напротив друга, на расстоянии чуть меньше метра.

— Садись вот сюда, — сказал мне Дюбре, указывая на один из стульев.

Я сел. Он выждал секунду, потом тоже уселся.

— Я бы хотел, — начал он, — чтобы ты рассказал, как себя ощущаешь, сидя вот так, напротив меня.

— Как я себя ощущаю? Хорошо ощущаю, ничего особенного не чувствую...

— Тогда закрой глаза.

Я закрыл, пытаюсь догадаться, что он сейчас сделает.

— Когда ты их откроешь, прислушайся на несколько секунд к своему состоянию и скажи мне, что чувствуешь, изменилось ли твое состояние. Открывай глаза.

Он по-прежнему сидел на стуле, но поменял позу. Теперь его руки упирались в колени, и это бросилось мне в глаза. Мое самочувствие? Да какое-то странное, но описать его трудно.

— Я бы сказал, что все это немного странно.

— Но лучше или хуже, чем раньше?

— А точнее: что вы имеете в виду?

— Вот, к примеру, тыходишь в лифт с незнакомым человеком. Ты же не станешь с ним разговаривать так, как будто он тебе встретился на улице, правда? Ты будешь менее расположен к беседе.

— Конечно...

— Это и есть то, о чем я говорю. Я хочу, чтобы ты оценил, насколько твой внутренний комфорт зависел от смены моей позы.

— Хорошо, так уже понятнее.

— Вот мой вопрос: если бы ты должен был со мной заговорить, ты бы сделал это более или менее охотно после того, как я поменял позу?

— Пожалуй, менее.

— Отлично. Закрой глаза... Вот так... А теперь открой.

Он снова изменил позу. Он упирался локтем в бедро, подперев подбородок ладонью.

— Я ощущаю... как бы это сказать... что за мной наблюдают. И это малопрятно.

— Согласен. Снова закрой глаза... Можешь открыть...

— Теперь гораздо лучше!

Он сидел, немного развалился, положив руки на бедра.

— Давай еще!

Он еще раз двенадцать менял позу, и раза два или три я действительно чувствовал себя намного лучше.

— Катрин, ну как? — обернулся он.

— Все ясно, — отозвалась она, обращаясь ко мне. — Вы говорите, что вам более комфортно, всякий раз, когда Ив принимает ту же позу, что и вы. Когда же положение его тела не совпадает с положением вашего, вы чувствуете себя не так уверенно.

— То есть вы хотите сказать, что я чувствовал себя увереннее, потому что он держался так же, как я?

И я вдруг отдал себе отчет, в какой позе сижу.

— Именно так.

— Чудно! Вот так штука!

— А что, разве не так?

— И так со всеми людьми?

— Да. Ну, точнее сказать, с большинством людей, но не со всеми. Существуют исключения. Не крохоборничай, Катрин! На сегодня хватит, это ничего не меняет...

— А как же это объясняется? — спросил я.

— Это естественное явление, его открыли американские исследователи. Думаю, поначалу они обнаружили, что когда общение приятно обоим собеседникам, то по прошествии времени оба принимают примерно одинаковую позу. В общем, этот феномен в мире довольно известен. Ну, к примеру... двое влюбленных в ресторане почти всегда сидят одинаково: либо оба положат руки на столик, либо подопрут подбородок кулаком, либо держат руки на коленях... Оба наклонятся вперед, или откинутся назад, или примутся безотчетно трогать подставку для ножей...

— Очень удивительно...

— А потом исследователи показали, что этот феномен имеет обратную связь: стоит намеренно синхронизировать свою позу с позой собеседника, как вам обоим становится гораздо легче общаться. И в результате намного улучшается качество общения. Однако чтобы добиться большего, недостаточно просто использовать эту технику: надо иметь искреннее желание соединиться с миром собеседника.

— Очевидно, это очень сложно — и вы уже говорили, что я сопротивляюсь, — но ведь, пока поймаешь у собеседника манеру двигаться и жестикулировать, растеряешь всю естественность поведения.

Он улыбнулся:

— Хочешь, что-то скажу?

— Что?

— У тебя это получается само собой.

— Да нет!

— Уверяю тебя!

— Да ладно! Я же ничего этого не знал еще пять минут назад!

Его улыбка стала шире.

— Как ты будешь держаться, разговаривая с ребенком лет двух-трех?

— Мне нечасто доводится говорить с детьми...

— Ну, вспомни, когда говорил в последний раз.

— Сейчас... дней пятнадцать назад я разговаривал с сыном консьержки. Я еще его попросил рассказать, как прошел день в детском саду...

По мере того как я отвечал Дюбре, я осознавал, что все так и есть. И что самое удивительное, у меня в памяти четко всплыл этот эпизод: чтобы поговорить с маленьким Марко, я присел на корточки, став одного роста с ним, заговорил тоненьким голосом и старался подобрать самые простые и понятные слова, наиболее близкие его детскому словарю. И все произошло *само собой*. Я для этого не делал никаких усилий. Мне действительно очень хотелось услышать, каковы французские детские садики.

— И знаешь, что самое невероятное?

— Что?

— Если удастся на долгое время поддерживать такое качество общения, этот момент становится настолько ценным, что собеседники бессознательно стараются его сохранить. Например, одинаково жестикулируют, а если один меняет позу, другой тут же его копирует, не отдавая себе в этом отчета.

— Вы хотите сказать, что если я в течение долгого времени подстраиваюсь под позу собеседника, а потом вдруг сам поменяю позу, то он начнет подстраиваться под меня?

— Да.

— Чудеса какие-то!

— Но при этом заметь, что желание общаться должно быть искренним.

— Вы говорите невероятные вещи!

То, что я услышал, меня поразило и вдохновило. У меня возникло ощущение, что до настоящего времени я был слеп и глух в вопросах, касавшихся общения с людьми. А теперь я сделал удивительное открытие: оказывается, по ту сторону слов существует масса вещей, о которых мы и не подозреваем, и наши тела тоже отправляют друг другу послания. Дюбре открыл мне новые пути общения...

Мне хотелось побольше об этом узнать, но он ответил, что на сегодня хватит, и проводил меня до дверей. Уже стемнело.

Я попрощался с Катрин, чья личность и роль во всей этой истории были мне пока непонятны. Она, видимо, относилась к категории людей, которым нравится окружать себя завесой тайны и придавать себе загадочность.

Я уже вышел за порог замка и шел по широкой дорожке к калитке, краем глаза наблюдая за Сталиным, когда Дюбре меня окликнул:

— Алан!

Я обернулся.

— Вернись, я забыл дать тебе задание!

Я застыл на месте. Ну вот, увильнуть не удалось...

Я вернулся в замок, прошел за ним через холл, и холодный мрамор гулким эхом повторял наши шаги. Мы вошли в какую-то незнакомую комнату, по убранству напоминавшую помещение старинного английского клуба. Все стены, до самого украшенного лепниной потолка, были уставлены старинными книжными шкафами. Две люстры на двенадцать лампочек распространяли из-под абажуров цвета коньяка теплый, интимный свет, и драгоценные тома на полках выделялись более рельефно. Возле шкафов кое-где виднелись лесенки красного дерева. Паркет в версальском стиле почти полностью покрывали персидские ковры. Повсюду стояли низкие глубокие кресла, обитые темной кожей, и среди них два больших кресла для бриджа. У стены возвышался огромный диван в стиле честерфилд.

Дюбре взял какую-то толстую книгу. Катрин осталась стоять в дверном проеме, внимательно за нами наблюдая.

— Назови мне любое число от нуля до тысячи.

— Число? Зачем?

— Назови, говорю!

— Триста двадцать восемь.

— Триста двадцать восемь... Ага, посмотрим...

Он начал листать книгу, явно ища страницу с тем номером, что я назвал.

— Это здесь. Прекрасно. Теперь назови любое от нуля до двадцати.

— А что это вы делаете?

— Число называй!

— Двенадцать.

Я присмотрелся к книге. Это был словарь, и Дюбре водил по странице пальцем в поисках слова.

— Десять, одиннадцать, двенадцать. «Марионетка». Не так плохо. Тебе бы меньше повезло, если бы ты попал, к примеру, на наречие.

— Может, все-таки объясните, что все это значит?

— Все очень просто. Говоришь, у тебя на работе двое начальников?

— Ну да, непосредственный начальник и его босс, который часто напрямую вмешивается в наши дела.

— Прекрасно. Ты зайдешь к обоим по очереди. Повод для визита и для поддержания разговора найдешь сам. Твоя задача будет состоять в том, чтобы в ходе разговора вынудить обоих дважды произнести слово «марионетка».

— И для чего весь этот бред?

— И вот тебе неременное условие: ты не должен сам произносить это слово или указывать на фото или любой другой предмет, который его представляет.

— А зачем все это нужно?

— Желаю удачи!

Я наконец вышел из замка, задержавшись на крыльце, чтобы посмотреть на звезды. Для Парижа звезды — редкость: небо в ярком городском освещении всегда выглядит мутноватым.

Я был недоволен тем, что мне не разъяснили суть задания. Раньше я ворчал, поскольку от меня требовались немалые усилия, но я, по крайней мере, знал зачем. А тут я ничего не понимал... И потом, меня раздражала манера Дюбре не отвечать на вопросы, просто-напросто их игнорируя! Можно подумать, что, заимев мои обязательства, он не

желал давать себе труд меня убедить. И когда в конце концов кончится эта игра? Конечно, он искренне хочет научить меня кое-чему, помочь продвинуться... Но меня все больше преследовало ощущение, что меня силком тащат по жизни, пусть и с благими намерениями. Да и были ли они, эти благие намерения? Наверняка, занимаясь мной, он преследовал какие-то свои цели. Но какие?

Мне на ум снова пришел блокнот. Несомненно, он целиком посвящен мне и содержит ответы на все мои вопросы... Он буквально кричал мне, что мое положение необычно и ненормально. Я не мог больше закрывать глаза на то, что мной так подробно заинтересовался совершенно незнакомый человек, который постоянно дает советы, что говорить, диктует, как себя вести... И все это только из-за странного соглашения, буквально вырванного у меня при ужасных обстоятельствах. По спине у меня пробежал холодок.

Жаль, что я не смог заглянуть в блокнот за те несколько минут, что Дюбре ходил за стульями. Вот ведь незадача! Я упустил возможность, которая больше может не представиться. Надо обязательно поискать еще возможность получить блокнот в руки. А что, если явиться в замок ночью? В такую жару окна наверняка оставят открытыми...

Внезапно какой-то металлический лязг отвлек меня от этих мыслей. Ко мне с оглушительным лаем бросился Сталин, волоча за собой тяжелую металлическую цепь. Как раз в тот миг, как она натянулась, я отпрыгнул в сторону и понял, что никогда не смогу прийти сюда ночью. Ночью он обретет свободу и будет безраздельно царить в парке.

Катрин устроилась на диване. Дюбре предложил ей «монтекристо»^[7], но она, как обычно, отказалась.

— Ну и как ты его нашла? — спросил Дюбре, взяв машинку для обрезки сигар.

Глаза Катрин медленно скользнули на люстру. Она медлила с ответом, размышляя.

— Думаю, он в порядке, хотя под конец, кажется, немножко занервничал. Сказать по правде, я и сама не поняла смысла твоего последнего задания.

— Заставить начальников произносить слова, взятые наугад?

— Да.

Он чиркнул толстой спичкой и поднес сигару к пламени, слегка покручивая ее в пальцах и медленно двигая взад-вперед. В воздухе поплыли первые завитки дыма, и запах сигары смешался с необычным ароматом «монтекристо». Дюбре опустился в глубокое кресло, и мягкая кожа тихонько заскрипела, когда он клал ногу на ногу.

— Трудность Алана в том, что ему мало просто показать, как поступать, чтобы общение было комфортным. И успеха на службе он таким способом не добьется, как бы ему ни хотелось. Что-то его тормозит во всех его начинаниях.

— Что?

— Он слишком привык подчиняться.

— Тем не менее он активно усваивает науку сопротивления чужой воле.

Это хорошо, но этого недостаточно. Далеко не достаточно. Одно дело уметь сопротивляться, а другое — уметь добиваться. Здесь нужна предварительная подготовка.

— Предварительная подготовка?

— Надо развить в себе убеждение, что ты на это способен.

— То есть ты хочешь сказать, что он не добьется желаемого от своих боссов, даже если станет применять лучшие мировые техники общения?

— Именно так.

— Понимаю.

— Суть дела именно в этом. Если человек в глубине души убежден, что способен влиять на других, он обязательно этого добьется, даже если будет действовать как слон в посудной лавке. У него все получится... Если же этого убеждения нет, то он запнется на первом же препятствии и расценит это как доказательство бесполезности нашей затеи.

Он поднес сигару ко рту.

— И чтобы он открыл в себе эту способность, ты дал ему задание заставить боссов произнести заданное слово?

— Ты все правильно поняла. Я хочу, чтобы он поверил в свою способность влиять на других.

— Интересно...

Катрин вдруг вскинула голову, пораженная неожиданной мыслью.

— Ты ведь не наугад отыскал слово в словаре? Это ты выбрал «марионетку», чтобы Алан подсознательно ощутил себя в роли того, кто дергает за веревочку, ведь так?

Вместо ответа Дюбре продолжал улыбаться.

— Это слишком сильно, Игорь.

Дюбре глубоко затянулся сигарой.

12

Марк Дюнкер, руководитель «Дюнкер Консалтинг», был крепко сбитым человеком. При росте метр восемьдесят два и весе девяносто шесть килограммов он представлял собой тяжеловеса французской службы занятости.

Родился он в деревне, в самом сердце региона Божоле. Односельчане недолюбливали потомственных торговцев мясом Дюнкеров, считая их ремесло неизбежным злом. Денег в семье водилось больше, чем у окрестных скотоводов, и у тех зачастую возникало чувство, что эти деньги заработаны на их горбах, поскольку Дюнкеры не особенно страдали в те тяжелые годы, когда падали цены на говядину.

В школе маленький Марк сторонился местных ребят. Он был горд тем, что он сын самого богатого человека в деревне, но все-таки чувствовал себя изгоем. Но на судьбу не жаловался и не ныл, а наоборот, стал задирой. При малейшем замечании в свой адрес он тут же кидался в драку.

Мать гораздо тяжелее переживала такое положение вещей. Ее муж наслаждался тем, что ему все завидуют, а на нее, наоборот, обрушивались только негативные последствия этой зависти. Ее жизнь в деревенском обществе сводилась к откровенно враждебным взглядам, которые бросали на нее односельчанки, повстречав на улице. Ей было очень тяжело. После многих лет, отравленных горечью и злобой, она сломалась, и, нарушив вековые традиции, семья перебралась в город, подальше от сплетен и пересудов. Дюнкеры осели в Лионе, вынудив главу семейства ежедневно наматывать километры, чтобы добраться до деревни. Марк пережил переезд как капитуляцию и начал презирать отца за то, что тот уехал из деревни.

Радость матери длилась недолго. Она пережила большое разочарование, когда столкнулась с тем, что новые соседи, «белые воротнички», восприняли их как деревенщину. Марк предпочел бы скорее быть изгоем от зависти, чем от презрения, и жестоко страдал от своей изоляции, поклявшись когда-нибудь за нее расквитаться с судьбой.

Он успешно сдал на бакалавра и к двадцати годам получил диплом о высшем экономическом образовании. Два года он работал агентом по рекламе сельскохозяйственной продукции, обнаружив немалую смекалку в ведении коммерческих дел: видимо, сказались гены Дюнкеро́в. Потом подвизался еще в нескольких предприятиях, при каждой смене места неизменно увеличивая свое жалованье. Он постоянно менял сценарий поведения, вводя в заблуждение консультантов службы занятости относительно обширности своих обязанностей на старом месте. Он приписывал себе ответственность, которой официально никогда не имел, но, сказать по правде, зачастую сам на себя возлагал.

Он быстро понял, что консультанты ничего не понимают в собственном ремесле и что их легко надуть. Однажды его очередной работодатель проговорился, сколько он заплатил, принимая его на работу, и Марк не поверил своим ушам. Сумма показалась астрономической, а род деятельности по сути своей напоминал то, чем занимался его отец. С его точки зрения, убедить предприятие, что работник, которого они предоставляют, обладает бесценными качествами, было гораздо легче, чем убедить фермера в достоинствах коровы, тем более что фермер и сам прекрасно разбирался в проблеме.

Шесть месяцев спустя Марк открыл свое дело. Он прошел краткий курс изучения методов вербовки, нанял однокомнатный офис в центре Лиона и повесил вывеску: «Марк Дюнкер, консультации по приему на работу». Он руководствовался тем, что его собственное чутье работало лучше любых методик отбора кандидатов. Он полагался на свой инстинкт, чувствуя людей, понимая, что нужно предприятиям, и сразу разбираясь, кто подойдет на какое место.

Заполучить первых клиентов было нелегко. Без рекомендаций и солидного послужного списка к нему относились настороженно. Когда ему на это указывали, он проявлял неожиданную агрессию. Тогда он пошел на обман, придумывая себе престижных клиентов и зачитывая выдержки из документов, где он якобы отказал им в запросе, мотивируя это тем, что их фирмы мелковаты для его услуг. Этот маневр окупился, и он заключил первые контракты. За ними последовали еще и еще, успех начал притягивать успех.

Новое ремесло пришлось ему как раз впору. Теперь от него зависели те самые заносчивые мелкие буржуа, которые раньше не

желали с ним знаться. Он почувствовал, что его уважают и боятся. Люди кормились из его рук. Ему мало было, что их зависимость от него неуклонно росла, он хотел уже контролировать весь рынок труда в городе.

Однако нового общественного статуса было недостаточно, чтобы излечить его уязвленное самолюбие. Что-то все время толкало его вперед и вынуждало постоянно развивать и совершенствовать свое дело, добиваться все большей власти и авторитета. Он и без того был работяга, а теперь удвоил усилия, чтобы укрепить позиции своего предприятия.

К концу первого года он нанял уже троих консультантов. Это доставило ему некоторое удовлетворение, но успокоения не принесло, и он продолжал ломиться вперед. Шесть месяцев спустя он открыл бюро в Париже, в столице, в городе пышном и надменном... и сразу туда перебрался жить. Офис был переименован в «Дюнкер Консалтинг». Все последующие годы он каждый квартал открывал по меньшей мере по одному бюро в провинциальных городах.

Он измерял свои успехи количеством сотрудников и был одержим его увеличением. Ему и вправду доставляло огромное удовольствие «умножать стадо», как он любил говорить. Его речь вообще изобиловала деревенскими метафорами и невольно выдавала корни, которые он тщательно скрывал. Получалось так, словно его личные достоинства были напрямую связаны с количеством людей, находившихся в его подчинении, а власть — с разрастанием многочисленных стад. Он никогда не упускал возможности упомянуть свои обширные штаты, особенно в разговоре с незнакомыми людьми.

Головокружительный успех предприятия подвигнул его на то, чтобы внедриться за границу, и, когда ему удалось открыть офис в одной из европейских столиц, он почувствовал себя конкистадором.

Еще два года спустя мужское тщеславие потянуло его к новому рубежу, к наивысшему достижению, когда к названию предприятия можно присоединить солидные профессиональные термины: он решил продвинуться на Биржу.

13

В то утро я явился в офис с «Closer» под мышкой, как приходил всю неделю. Косые взгляды, которыми поначалу провожали меня коллеги, постепенно сменились полным безразличием. Я все еще испытывал некоторое смущение, хотя оно и шло на убыль. Должен признать, что мои отношения с окружающими нисколько не изменились. Наверное, мне требовалось еще время, чтобы стать по-настоящему свободным, по определению Дюбре.

Дома я продолжал вести себя как и раньше, не превышая *нормального* уровня шума, что не мешало, однако, мадам Бланшар наносить мне визиты почти ежедневно. Я не старался увильнуть, как прежде, но каждый визит меня все равно бесил. Похоже, она не перестанет меня изводить. Проявив чудеса терпения, я достаточно ясно дал ей понять, что она меня раздражает. Теперь я только чуть приоткрывал дверь, но она подходила к щелке, словно форсируя переправу, и, нахмутив брови, громко призывала меня к порядку своим птичьим голосом.

Я уже вошел в здание и ждал лифта вместе с коллегами из другой службы, когда мне пришла эсэмэска. Я быстро взглянул на экран мобильного: она была от Дюбре.

«Немедленно закури сигарету».

Что за дела? Он требует, чтобы я закурил?

Дверь лифта открылась, и мои коллеги устремились внутрь.

— Не ждите меня, — сказал я им.

Зачем Дюбре велит мне закурить, если я задался целью бросить? Я вышел на улицу и зажег сигарету. Нет, все-таки это у него не старческое... Я курил, рассеянно следя глазами за толпой спешащих на работу прохожих, как вдруг заметил человека, очень похожего на Влади. Он неподвижно стоял в людском потоке. Я наклонился вперед, чтобы его разглядеть, и он быстро отвернулся.

— Влади! Влади!

Но человек исчез из виду.

Мне стало не по себе... Я был почти уверен, что это он. Он что, следил за мной? Но зачем? Может, Дюбре велел ему проверять, как я

соблюдаю соглашение? Чушь какая-то! В конце концов, какое ему дело? А может, у меня есть серьезные основания для беспокойства и мне надо понять, с чего бы вдруг мной так интересуются?..

Я вернулся в холл, и у меня неприятно заняло под ложечкой.

Я прошел по коридору мимо двери кабинета Люка Фостери, моего непосредственного начальника. Он был уже на месте, значит сократил утреннюю пробежку. И что совсем уж необычно, дверь в кабинет открыта. Обычно он предпочитал ее закрывать, чтобы отгородиться от всех. Перемены давались ему нелегко, и, чтобы прийти в себя, он избегал любых контактов.

Открытая дверь предоставляла случай, мимо которого нельзя было пройти. У меня есть задание. Смелее. Из него будет трудно выудить слово, взятое наугад, поскольку в мире вряд ли найдется еще один такой неразговорчивый человек.

Я вошел и поздоровался с ним. Когда я уже был в метре от его бумаг, он поднял на меня глаза, не пошевелив головой ни на йоту. Мы пожали друг другу руки, но это не вызвало у него ни тени улыбки, даже губы не дрогнули.

Я начал разговор, помня о знаменитом секрете Дюбре. Господи, как же трудно заключить в себя мир, который не любишь...

— Акции нынче утром дошли до ста двадцати восьми. За сеанс Биржа набирает две десятых процента, что составляет один процент за неделю.

— Да.

Он явно был в ударе.

Надо его расшевелить, говорить с энтузиазмом, проявить интерес к этой теме. Если он почувствует, что его заботы разделяют, он раскроется передо мной.

— И что особенно удивительно, с начала года акции повысились на четырнадцать процентов, в то время как наши результаты за семестр — на двадцать три. Как-то это не вяжется.

— Не вяжется.

— Ясно, что имеет место недооценка.

— Да.

— Получается, что активность на Бирже не показательна для предприятия.

— Не показательна.

Не срабатывает... но продолжим... Была не была! Только не позволять, чтобы повисло молчание.

— Лучше бы им было отслеживать наши результаты, ведь они неплохие.

Он даже не дал себе труда ответить, зато так на меня посмотрел, словно не мог взять в толк, как мне не лень открывать рот, чтобы сморозить такую нелепость.

Я почувствовал легкую тень стыда. Но только легкую тень. В конце концов, он меня уже и так считает поклонником «Closer», так что я не рискую его разочаровать. Продолжим.

— Есть одно интересное дело. Его надо занести в реестр.

Он нахмурил брови. А я продолжал с удвоенным энтузиазмом:

— Если бы я был торговым посредником, я бы сделал на него ставку.

У него сделался очень удрученный вид, я бы даже сказал скорбный, и он замкнулся в молчании. Ладно, меняем тактику. Начнем задавать ему вопросы.

— А как вы объясните расхождение между нашими результатами и курсом Биржи?

В течение нескольких секунд он не пошевелился. Несомненно, собирал все свои силы и мужество, чтобы ответить деревенскому придурку.

— Причин много. Прежде всего, финансовый рынок больше озабочен будущими перспективами, чем уже достигнутыми результатами.

— Но у нас хорошие результаты, Ларше оглашает их каждый понедельник!

— К тому же Биржа находится под влиянием психологических факторов.

Последние слова он сказал с легким оттенком презрения.

— Психологических факторов?

Он вздохнул. Его явно не устраивала роль преподавателя.

— Страхи, слухи... А еще Фишерман.

— Фишерман?

— Журналист из экономического раздела «Эко», который не верит в наше дальнейшее развитие и без конца это повторяет в своих газетных статьях. Он, несомненно, имеет влияние на инвесторов,

потому что к его мнению вообще прислушиваются. Спрашивается, почему?

— А если его кто-то дергает за ниточки? Если Фишерман — его... как это называется?

— Не вижу, кому это было бы выгодно.

Да ёттткин кот, ты что, не можешь ответить на вопрос?

— А может, у Фишермана есть персональная заинтересованность в том, чтобы тормознуть наше дело?

— Откуда мне знать?

— Но если это не так, то, может быть, есть люди, которые хотят с помощью его газеты подставить нам ножку. Фишерман всего лишь их...

Я сделал вид, что ищу слово, и стал крутить в воздухе рукой, давая понять, что у меня провал в памяти.

— Я не отношусь к последователям теории заговоров.

— Вот досада, ненавижу подбирать слова! Как называют того, кто позволяет собой манипулировать? Еще говорят: «Вот это его...»

— Послушайте, Алан, я нахожусь на работе.

— Ну помогите, пожалуйста, найти слово. Ответьте на вопрос! Если я не вспомню, у меня будет ужасный день...

— Сосредоточьтесь на делах, и все будет хорошо.

— Но у меня это слово просто вертится на языке...

— Ну и выплюньте, только не в моем кабинете.

Я впервые услышал, как он шутит, но мне было не до смеха. Быстрее, надо срочно придумать мотивацию для ответа...

— Подскажите слово, и я немедленно исчезну, обещаю вам...

— Пантен.

Я озадаченно на него посмотрел:

— Нет, не то. Другое слово.

— Слушайте, вы мне надоели.

— Ну, подскажите синоним, пожалуйста.

— Вещь, человек как вещь. Устраивает?

— Нет, и это не то.

— Ну, уж придется довольствоваться этим.

— Дайте другой синоним.

— Я занят, Алан.

— Пожалуйста...

— Всего хорошего, Алан.

Это было сказано безапелляционным тоном, и Люк Фостери снова уткнулся в бумаги, больше на меня не глядя.

Я вышел, испытывая неудовлетворенность. Ну и ладно, зато я бился до конца. Не исключено, что меня подвел чрезмерный энтузиазм. Чтобы «включить в себя его мир», было недостаточно проявить интерес к волнующей его теме, может, надо было подстроиться к его стилю общения. А говорил он всегда серьезно, рационально, точно и строго выражая мысли скупыми словами. Мало того, наверное, надо было еще сделать вид, что я нахожу в этом удовольствие... Удалось мне его расшевелить или нет? Маловероятно. Но ведь почти получилось...

Едва я вошел к себе в кабинет, как прибежала Алиса, поделиться выгодной сделкой с одним из клиентов. Минут через десять я вдруг услышал в коридоре шаги Фостери. Он прошел мимо моей двери, сделал шаг назад и просунул в дверь голову:

— Марионетка!

Лицо его при этом осталось, как всегда, бесстрастным, и он пошел дальше по коридору.

Алиса обернулась ко мне, возмущенная, что шеф обозвал меня таким словом.

А я сиял.

14

С Грегуаром Ларше, пожалуй, придется потруднее. Если Фостери не любил разговоров, лишенных интеллектуального оттенка, то Ларше вообще не выносил, когда его отрывают от работы, ибо каждая секунда его времени должна служить достижению цели.

Это оставляло мне хоть и маленькую, но лазейку. По сути своей манипулятор, он время от времени выслушивал всякий вздор, лишь бы это способствовало усилению мотивации сотрудника. Сияющий радостью работник — это работник продуктивный, а продуктивный работник выгоден.

Мне без труда удалось навести Ларше на разговор о его семействе, а с этой темы мы плавно перешли на тему досуга. Когда же речь зашла о том, куда лучше всего водить детей, марионетки появились на горизонте, как самая естественная в мире вещь.

До чего же все-таки занятно манипулировать манипулятором!

За день я получил пять эсэмэсок от Дюбре, и в каждой он требовал, чтобы я вышел на улицу покурить. Смисла этих указаний я не понял.

День я закончил в кабинете Алисы, и она снова с увлечением делилась со мной своими соображениями о нарушениях общественных функций. К нам заявился Тома, ненавязчиво размахивая перед нашими носами «BlackBerry» последней модели, который только что приобрел. А меня вдруг одолело непреодолимое желание.

— Вчера у меня был впечатляющий клиент. Шикарный тип!

— Да ну?

Всякий раз, когда в его присутствии заходил разговор о чьей-то удаче, улыбка испуганно застывала на его лице, словно везение другого угрожало его репутации.

— Бывший финансовый директор. Лощеный!.. Невероятно классный!

Алиса смотрела на меня с удивлением.

— Он такую ручку достал, чтобы что-то записать!.. Просто шик! Угадайте какую?

— «Монблан»? — вскинулся Тома.

У него самого была такая ручка. И не мечтай, голубок.

— Мимо! Поднимай выше!

— Сдаюсь, — промямлил он с кислой улыбкой.

— «Дюпон»! С золотым пером! Представляете? Настоящий «Дюпон»!

Для пущей убедительности я вытаращил глаза. Улыбка на его лице завяла.

По лицу Алисы я догадался, что она поняла мою игру.

— Настоящий «Дюпон»? — воскликнула она, сделав вид, что не верит своим ушам.

— Настоящий.

— Ого! Вот это мужик!..

— Да уж... Такого не часто встретишь...

— Победитель в чистом виде! На мой взгляд, у него не будет проблем, он найдет себе суперместо!

Интересно, как далеко я зайду, пока Тома не поймет, что его разыгрывают?

— Уверен, что девчонки падают штабелями.

— Это точно.

Ладно, это уж слишком грубо... Но вид у Тома был все такой же огорченный. Он был настолько убежден, что любая ценная вещь вокруг должна принадлежать ему, что не почувствовал подвоха в наших словах. Они слишком соответствовали его взглядам на жизнь.

Одарив нас улыбкой, он удалился. Мы подождали, пока он отойдет подальше, и от души расхохотались.

Я отправился домой уже около восьми часов. Выйдя на улицу, я по привычке огляделся вокруг. Похоже, меня никто не подкарауливал. Уже спустившись в метро, мне пришлось снова выйти на улицу: Дюбре потребовал, чтобы я выкурил сигарету. Его скрупулезная точность начинала уже надоедать... Я снова огляделся. В этот поздний час пешеходов в деловом квартале было мало, и я не заметил ничего подозрительного.

Тремя минутами позже я снова вошел в метро, решив опробовать синхронизацию жестов, которую до поры до времени отложил. Мне хотелось начать проникновение в миры других людей, стараясь приноровиться к их образу мыслей, воспринимая их заботы и ценности.

К станции подошел поезд, скрежет колес напоминал скрип мела по доске. Дремавший на скамейке клошар пробурчал что-то невразумительное, распространяя вокруг сильный запах алкоголя. Вагоны проплывали перед моими глазами, потом резко тормозили, выплевывали пассажиров и снова уезжали, трясая оставшихся внутри. Но люди привыкли и не обращали внимания на тряску. Я вошел в вагон. Дюбре говорил, что я смогу наладить контакт с людьми совершенно другой культуры и обычаев. Оглядев немногочисленных пассажиров, я остановился на высоком негре в черной кожаной куртке, надетой поверх спортивного костюма. Куртка была распахнута на груди с таким расчетом, чтобы были видны мощные мускулы. Я уселся напротив него и попытался максимально скопировать его расслабленную позу. Встретиться с ним глазами не удалось, ибо его взгляд блуждал где-то далеко. Дабы легче войти в его мир, я сделал усилие, чтобы почувствовать его состояние, но это оказалось нелегко: меня стеснял строгий костюм... Я распустил узел галстука, потом представил себе, что одет так же, как он, и у меня на шее болтается такая же массивная золотая цепочка. Ощущение было забавное. Он сразу поменял позу, я тоже. Надо было не терять контакта...

Я не сводил с него глаз. Спустя несколько секунд он скрестил руки на груди. Я за ним. Интересно, сколько времени потребуется, чтобы установить связь настолько, чтобы другой тоже стал повторять твои движения? Меня захватил эксперимент... Он вытянул ноги. Я выждал секунду и сделал то же самое. У меня не было привычки развлекаться в метро, но это было так занятно... К тому же мне никогда в голову не приходило ставить себя на место такого отличного от меня человека, вести себя как он и смотреть, что из этого выйдет. Он положил руки на бедра. И я положил. Он смотрел перед собой, но, несмотря на то что я сидел прямо напротив, у меня не было уверенности, что он меня видит. Лицо его застыло в неподвижности, и мне никак не удавалось придать своему лицу то же выражение. Так мы просидели несколько мгновений в совершенно одинаковых позах. Его взгляд был непроницаем, но мне казалось, что нас уже что-то сближает. Несомненно, он должен меня чувствовать на одной волне с собой. Он выпрямился на сиденье, я тоже. Тогда он наклонился вперед, на этот раз глядя мне в глаза и явно стремясь войти в контакт, и я почувствовал, что он намерен выразить себя. У меня получилось, мне

удалось установить связь с чужим человеком, не сказав ему ни слова, и он мне открылся. О торжество власти жеста над бессознательным! О превосходство тела над словом! Это удивительно, неслыханно! Он мрачно на меня поглядел и сказал с резким африканским акцентом:

— И долго ты так будешь пялиться?

15

В то утро я явился на еженедельное собрание в беззаботном настроении, не ведая о том, что мне предстоит пережить худшие в жизни часы, зато эти часы станут отправной точкой для самых благодатных перемен. Такова жизнь. Хоть и редко, но так случается, что самые тяжелые минуты таят в себе скрытое предназначение нас возвысить. Ангелы рядятся в колдунов и преподносят нам волшебные дары, тщательно запрятанные в мерзейших упаковках.

И поскольку дело обычно касается болезни, неудач или каких-нибудь житейских неурядиц, то люди не выказывают желаний ни получить такой «подарок», ни его распаковать, чтобы открылось скрытое в нем послание. А может, надо просто набраться мужества и проявить волю? И бросить то, что не важно? Не требует ли от меня жизнь прислушаться к собственным желаниям и скрытым ожиданиям? Решиться наконец дать ход тем талантам, которыми она меня наделила? И отказаться от того, что не соответствует моим ценностям? Чему должна меня научить такая ситуация?

Когда нам выпадает испытание, мы зачастую встречаем его с гневом и отчаянием, возмущаясь несправедливостью происходящего. Но гнев делает нас глухими, а отчаяние слепыми. И мы упускаем возможность подняться и вырасти. И удары и поражения начинают сыпаться на нас со всех сторон. Это не означает, что судьба на нас ополчилась, это означает, что жизнь снова и снова пытается пробиться к нам со своим посланием.

Зал был набит битком. Осталось всего одно свободное место рядом с Алисой. Она наверняка заняла его для меня. Нас было намного больше, чем на еженедельных собраниях. Раз в месяц назначалось общее собрание всего департамента службы занятости, не только нашего подразделения. Я бросил «Клозе» на столик и спокойно уселся на место. В конце концов, не так уж неприятно являться последним: все тебя ждут.

— Посмотри на Тома, — шепнула мне на ухо Алиса.

Я нашел его глазами.

— А что такое?

— Посмотри получше.

Я наклонился вперед, чтобы разглядеть, но ничего не заметил, кроме обычного надутого и отстраненного вида. И тут я увидел. И не поверил своим глазам. Она лежала на столике чуть поодаль, но всем было ясно, что она принадлежит ему. Новая сияющая авторучка. «Дюпон». Алиса рядом со мной зажала рот и нос ладошкой, чтобы не расхохотаться.

— Приветствую всех.

Мощный, раскатистый голос заставил меня вздрогнуть. На собрание был приглашен Марк Дюнкер, наш президент, он же генеральный директор. Я не заметил, как он вошел. В зале наступила тишина.

— Я не хочу надолго вмешиваться в ваш распорядок дня, — сказал он, — но я бы хотел, чтобы вы ознакомились с новым оценочным тестом, который я привез из одного из австрийских предприятий. Мы открываем в Австрии наше восемнадцатое бюро. Мне известно, что в вашем распоряжении уже около десяти тестов, но этот отличается от остальных, и я хочу его вам представить лично.

Нас разбирало любопытство: что он там еще откопал?

— Мы все хорошо знаем, — продолжал он, — что гораздо труднее определить характер кандидата, чем его квалификацию. Все вы специалисты в той области, куда производите набор, и умеете задавать нужные вопросы, чтобы выяснить, обладает ли кандидат нужными навыками. А вот действительно ли он может все, что декларирует, выяснить трудно. Я уже не говорю о том, что девяносто процентов кандидатов в числе своих недостатков называют перфекционизм и постоянное переутомление. За воображаемыми достоинствами и призрачными недостатками бывает трудно разглядеть истинный облик кандидата и его реальные способности. Тест-вопросник поможет оценить, обладает ли кандидат главной чертой характера, необходимой для большинства ответственных постов, а в особенности для руководящих. Я говорю о вере в себя. Эту черту чрезвычайно трудно выявить на собеседовании. Я знаю людей, прошедших все этапы собеседований и показавших себя весьма уверенными в себе, но как только они оказывались на предприятии, то пасовали перед первым же, кто над ними подтрунивал. Можно строить из себя супермена на

собеседовании и чувствовать себя не в своей тарелке, оказавшись лицом к лицу с группой, которой тебе предстоит руководить.

— Все, что ты говоришь, верно, но, как правило, те, кто не уверен в себе, держатся неуверенно и на собеседовании.

По аудитории прошел шепот. Это высказался один из молодых консультантов, только что пришедших в фирму. Конечно, все консультанты между собой называли друг друга на «ты», однако наш патрон никогда не опускался до такой фамильярности. Но был порядочным лицемером. Другое дело Марк Дюнкер: тот требовал уважения от подчиненных.

— Мы с вами вроде бы коров вместе не пасли, месье.

В подобных обстоятельствах он всегда отпускал такие реплики. Я наклонился к Алисе:

— Он знает, что говорит...

Она фыркнула. Фостери одарил нас ледяным взглядом.

Не дав себе труда ответить на реплику консультанта, Дюнкер продолжал:

— Тест, который я предлагаю вам, призван расставлять людей по местам, ибо для него требуются по крайней мере три человека. Но это необязательно должны быть консультанты. Вы вольны пригласить кого угодно, — добавил он с ухмылкой.

У нас разыгралось любопытство. Мы задались вопросом, что бы все это значило. А он продолжал:

— Тест основан на том положении, что истинная уверенность в себе не зависит от мнения окружающих. Это свойство личности, укорененное в человеке. Оно обычно связано с непобедимой верой в личность, в ее ценность и возможности, и никакие критические высказывания со стороны не в состоянии его поколебать. Напротив, необоснованная или наигранная уверенность в себе не выстоит в условиях враждебной среды, и человек утратит изрядную часть возможностей... Но я слишком долго говорю. Наглядная демонстрация лучше любых разговоров. Мне нужен доброволец...

С едва уловимой усмешкой на губах он обвел взглядом зал. Все глаза сразу же либо опустились в пол, либо с отсутствующим видом уставились в пространство.

— Идеальным был бы кто-нибудь из подразделения бухгалтеров, поскольку мне нужен человек, владеющий математикой.

Половина аудитории расслабилась, половина еще больше напряглась. Мы чувствовали себя как в тисках. Он выдержал долгую паузу, и мне почудилось, что в его глазах мелькнуло садистское удовлетворение.

— Кто вызовется?

Ясное дело, никто из присутствующих не вызвался, не зная, что его ждет.

— Ну что ж, значит, придется выбирать самому.

Думаю, так поступали нацисты, заставляя всю деревню отвечать за то, в чем обвиняли кого-либо из жителей.

— Так-так...

Я принял по возможности отсутствующий вид и полностью сосредоточился на обложке моего «Клозе». А что, у Анджелины Джоли действительно настолько испорчена грудь, что она не в состоянии кормить ребенка?

Трогательный сюжет... В зале стояла такая тишина, что слышно было, как муха пролетит. Атмосфера сгущалась. Я почувствовал, как тяжелый взгляд Дюнкера скользнул в моем направлении.

— Месье Гринмор.

Значит, жребий выпал мне... Сердце тревожно стукнуло. Не спасовать! Не дать слабины... По всей видимости, он заставит меня при всех пройти этот дурацкий тест. Мстит, что ли? Ларше, конечно, доложил о стычке на прошлом собрании. Может, хочет ввести меня в рамки, поставить на место и отбить охоту возражать? Спокойно... Не сдаваться, не доставлять ему удовольствие своей капитуляцией.

— Прошу вас, Алан.

Надо же, назвал меня по имени... Хочет задобрить, не иначе... Усыпить бдительность... А мы ее удвоим... Я встал и подошел к нему. Все взгляды устремились на меня. Дурные предчувствия аудитории, несколько секунд назад почти осязаемые, уступили место любопытству. Для людей это был театр. А может, Колизей... Я взглянул на Дюнкера. *Ave Caesar, morituri te salutant*^[8]. Нет, не обладаю я душой гладиатора.

Он указал мне на стул в двух метрах от себя, повернутый так, что я сидел лицом к группе. Я уселся, стараясь казаться безразличным и уверенным в себе. Не так-то это легко...

— Вот как мы поступим, — сказал он, адресуясь к группе. — Прежде всего, надо объяснить кандидату, что все происходящее — игра и все, что мы будем ему говорить, никакого отношения к реальности не имеет. Так нужно для теста. Предупредить необходимо, поскольку тест не должен вызывать недовольства. Пресса уже нападала на нас за это...

Интересно, что мне предстоит? Надеюсь, это будет не очень печально... Не сдаваться любой ценой...

— Моя задача — задавать месье Гринмору несложные примеры устного счета, — продолжал Дюнкер.

Устного счета? Ладно, я ожидал худшего. Как-нибудь выпутаюсь.

— А вы в это время будете критиковать его, стараться вывести из себя, словом — говорить любые гадости, какие только придут в голову. Я знаю, что многие из вас и вовсе незнакомы с Аланом Гринмором. Это значения не имеет.

И повторяю еще раз: не старайтесь говорить правду, старайтесь его максимально вывести из равновесия.

Что означает весь этот бред? А не окажусь ли я выставленным на публичное линчевание?

— Мне этот тест неинтересен, — возразил я.

— Это и очевидно: кандидата, по-настоящему уверенного в себе, неоправданными обвинениями не смутишь.

Я понял, что Дюнкер видит во мне идеальный объект для оценочных манипуляций. Видимо, почувствовал, что меня легко вывести из равновесия, и потому уверен в успехе демонстрации. Он собирается поразить всех за мой счет. Ни в коем случае не принимать в этом участия... Я ничего не выгадываю, но ничего и не теряю. Быстро, любым способом отказаться...

— Господин Дюнкер, это тестирование трудновыполнимо при приеме на работу. И оно не очень... этично.

— Там, где со всей очевидностью выявляется надувательство, чувство меры значения не имеет. В конце концов, кандидат волен соглашаться или не соглашаться.

— Конечно, никто соглашаться не будет.

— Месье Гринмор, вы ведь консультант, не так ли?

Терпеть не могу, когда задают вопросы с заранее известным ответом, намеренно заставляя вас подтверждать сказанное.

Я ограничился тем, что посмотрел ему прямо в глаза.

— Вам должно быть известно, что кандидаты пойдут на что угодно, лишь бы получить должность повыше.

Хватит, больше я не выдержу. У него на все есть ответы. Быстро. Надо найти что-то другое... Или сказать правду.

— У меня нет ни малейшего желания принимать участие в этой затее, — сказал я, поднимаясь.

По залу пробежал шепоток. Я был горд, что нашел в себе мужество отказать. Несколько недель тому назад я бы не смог.

Я уже сделал несколько шагов к своему месту, как он меня остановил:

— А известно ли вам, месье Гринмор, определение тяжкого преступления во французском законодательстве?

Я остановился, не поворачиваясь и все время оставаясь к нему спиной, и ничего не ответил. В зале повисло тяжелое молчание. Я сглотнул.

— Тяжким преступлением считается, когда служащий наносит вред своему нанимателю. Ваш отказ препятствует демонстрации теста коллективу, собранному специально ради этого, а следовательно, наносит мне вред. Ведь ваше намерение не таково, господин Гринмор?

У меня возникло впечатление, что мое тело превратилось в бетонный блок, привинченный к полу. В голове было пусто.

— Решайтесь, Гринмор.

А у меня есть выбор? Все это ужасно... В конце концов, не надо было отказываться с первого раза. И не оказался бы в таком унижительном положении. Теперь у меня один выход: пройти этот идиотский тест. Надо себя пересилить. Наступить на собственную гордость. Давай, давай же... Я сделал нечеловеческое усилие и... вернулся. И тут же ощутил тяжесть направленных на меня взглядов. Не глядя на Дюнкера, я сел на стул и стал смотреть в пол. По телу прошла горячая волна, в ушах звенело. Надо себя преодолеть. Забыть стыд. Собраться с мыслями. Восстановить энергию. Направить ее в нужное русло. Глубоко дышать. Вот так... Дышать... Успокоиться.

Он выждал долгую паузу и начал перебирать задания по устному счету.

— Девятью двенадцать?

Не торопиться с ответом. Я ему не ученик.

- Сто восемь.
- Четырнадцать плюс семнадцать?
- Тридцать один.
- Двадцать три минус восемь?

Я старался не отвечать слишком быстро. Надо было собраться с силами. Это необходимо. Цзен.

— Пятнадцать.

Он широким жестом обвел аудиторию, призывая начать критику. Я старался избегать взглядов. Послышались смешки, кашель и... ни единого слова. Дюнкер рывком вскочил.

— Ну, теперь вы! Вы должны высказать все плохое о месье Гринморе, что придет вам в голову.

Ага, я снова стал «месье».

— Будьте спокойны, — обратился он к аудитории. — Напоминаю, что вы не должны пытаться сказать правду. Всем известно, что Алан обладает только достоинствами. Это всего лишь игра, так нужно для тестирования. Давайте!

Ну вот, я уже опять Алан, иными словами — его приятель. И у меня одни сплошные достоинства. Вот манипулятор... Негодяй ничтожный...

— Ты плохой!

Первое ружье выстрелило.

— Восемью девять?

— Семьдесят два.

— Сорок семь на два?

— Девяносто четыре.

— Давайте, давайте, — подталкивал он группу, увлеченно жестикулируя.

Он бранился, как генерал, выгоняющий солдат из траншеи под огонь неприятеля.

— Ты не умеешь считать!

Выстрел номер два.

— Тридцать восемь разделить на два?

Я помедлил, чтобы отдышаться и сбить бешеный ритм, который он задал.

— Давайте, давайте!

Можно было подумать, что он подхлестывает команду, толкающую заглохший автомобиль: надо, чтобы он достиг определенной скорости, иначе не заведется.

— Ты плохой!

Критика оставляла меня равнодушным: уж очень неестественно она звучала. Мои коллеги чувствовали себя еще более неловко, чем я...

— Тринадцать на четыре?

— Пятьдесят два.

— Дилетант!

— Тридцать семь плюс двадцать восемь?

— Увалень!

— Шестьдесят пять.

— Шевелитесь, давайте, давайте! — крикнул Дюнкер.

— Нерасторопный!

— Девятнадцать на три?

— Вечно нога за ногу!

— Еле двигаешься!

— Пятьдесят семь.

— Полный нуль в бухгалтерии!

На лице Дюнкера нарисовалась довольная улыбка.

— Шестьдесят четыре минус восемнадцать?

— Противный!

— Считать не умеешь!

— Плохой!

Стрельба пошла со всех сторон.

Надо сосредоточиться на вопросах Дюнкера. Забыть об остальных. Не слушать их.

— Сорок шесть.

— Посредственность!

— Слабак!

— Ты до двух считаешь целый час!

— Копуша!

Машина заработала в перегрузочном режиме. Все наперебой мне что-то кричали. Дюнкер выиграл.

— Двадцать три плюс восемнадцать?

— Да ни за что не сосчитаешь!

Не слушать. Представить себе цифры зрительно. Ничего, кроме цифр. Двадцать три, восемнадцать.

— Все равно не сможешь!

— Больно копаешься!

Приглушенный смех в зале...

— Эй, замедленная съемка!

— Бестолочь!

— Считать не умеешь!

— Нуль в математике!

— У тебя никаких шансов! Пропало дело!

— Все, тю-тю!

Они настолько вошли в раж, что стали как сумасшедшие.

— Двадцать три плюс восемнадцать? — повторил Дюнкер.

— Сорок... нет...

Он снова ухмыльнулся.

— Запутался!

— Считать не умеешь!

— Сорок один.

— Двенадцать плюс четырнадцать?

— Ничего у тебя не выйдет!

— Ты даже на это не способен!

— Вот жалость-то!

Двенадцать плюс четырнадцать. Двенадцать. Четырнадцать.

— Двадцать четыре... Двадцать шесть!

— Восемью девять?

— Ты скверный!

— Шестьдесят два... Восемью девять, семьдесят два!

— Не знаешь таблицу умножения, да ты хуже всех!

Я растерялся. Почва ушла из-под ног. Сосредоточиться, отрезать все отрицательные эмоции.

— Четырежды семь?

— Ничтожество!

— Ничего у тебя не выйдет!

— Ты не знаешь!

— Провалился!

— Четырежды семь? — повторил Дюнкер.

— Бестолочь!

- Двадцать... четыре.
- Ну, полный провал!
- Полный нуль!
- Провал по всем статьям!
- Жирное пятно на твою репутацию!
- Трижды два?
- Ах, ах, ах! Да ему не сосчитать!
- Да он ничего не умеет!
- Пустой балласт!
- Трижды два!

Смех, улюлюканье...

- Два плюс два?
- Он не знает таблицу на два!
- Полное ничтожество!
- Тупица!
- Два плюс два? — в эйфории повторял Дюнкер.
- Да он никуда не годится!

Дюнкер резко всех оборвал и рывком встал с места:

- О'кей, достаточно. Хватит!
- Руки-крюки!
- Стоп, достаточно, хватит!

Я был измотан, опустошен и чувствовал себя очень скверно. Дюнкер это быстро понял и внезапно стал очень серьезен. Ситуация явно вышла из-под контроля, он за это отвечал и понимал, на какой риск пошел.

— Тест окончен, — сказал он. — Мы зашли немного дальше, чем нужно... На практике это пользы не приносит... Но зато мы имели дело с сильной личностью... Он смог себе позволить... разве не так? Предлагаю приветствовать Алана аплодисментами за мужество. Испытание ему выпало нелегкое!

Группа, резко выведенная из транса, со смущенным видом зааплодировала. Я увидел полные слез глаза Алисы.

— Bravo, мой друг! Ты круто с этим справился, — сказал Дюнкер, хлопнув меня по спине, когда я выходил из зала.

16

Я, не останавливаясь, вышел из офиса, поскольку не считал возможным оставаться до конца рабочего дня. Упрекнуть меня никто не отважился. Я повернул по тротуару налево и принялся вышагивать по каменным плитам куда глаза глядят. Надо было снять стресс.

Тяжелый эксперимент меня порядком вымотал, и я был очень зол на Дюнкера. Ну как я теперь буду смотреть в глаза коллегам? Эта скотина публично меня унизил. Но он за это заплатит. Дорого заплатит, очень дорого.

Он у меня еще пожалеет, что так обращается с людьми.

Парадоксально, но тот факт, что тест определил у меня недостаток веры в себя, укрепил мое положение. Такое тестирование являлось нарушением, и ответственность лежала на Дюнкере. Несомненно, я мог причинить ему немало неприятностей в плане юридическом, и он это прекрасно знал. Я становился почти неприкосновенен...

Получив очередную эсэмэску от Дюбре, я выкурил положенную сигарету. Он, конечно же, поможет мне отомстить за себя. Вот только бы он не приказывал мне поминутно выкуривать по сигарете. Курить приятно в режиме полной свободы, но по принуждению...

Я шел по парижским улицам, вынашивая планы мести, а по небу неслись темные, грозные облака. В жарком, наэлектризованном воздухе чувствовалось приближение грозы. От быстрого шага на лбу у меня выступил пот. Интересно, это от усталости или от гнева? Я бы мог, конечно, подать жалобу и добиться для себя определенных выгод. А что потом? Как продолжать работать в таких условиях? Атмосфера делается невыносимой. Мои коллеги теперь не осмелятся появляться в компании со мной... Как долго я выдержу? Напрасный труд...

Постепенно гнев сменился горечью, а потом наступило изнеможение. Силы покинули меня. Я не чувствовал себя таким раздавленным с того самого дня, как меня бросила Одри. Как падающая звезда, она появилась в моей жизни, чтобы я познал радость, а потом закатилась в ночи. Если бы она только объяснила мне причину своего решения, высказала бы какие-то упреки, обиды... Я бы смог согласиться и выругать себя или счесть их несправедливыми, и

тогда мне было бы легче расстаться с ней... Но она ушла неожиданно, ничего не объяснив, и это не давало мне перевернуть страницу, навсегда распрощаться с воспоминаниями. Я все еще остро ощущал ее отсутствие. Когда мысли мои возвращались к ней, сердце щемило. Когда я вспоминал ее улыбку, грусть охватывала меня. С ней вместе исчезла часть меня самого. Тело мое тосковало, душа осиротела...

Начал накрапывать мелкий, унылый дождик. Я все шел и шел, но уже не так стремительно. Домой идти не хотелось. Я повернул от Лувра по улице Риволи к опустевшему Тюильрийскому саду: дождь прогнал всех гуляющих. На утоптанную землю под деревьями падали листья, вода просачивалась сквозь кроны крупными каплями, и деревья неохотно отпускали влагу, напоив ее своим тонким ароматом. Я присел на пенек под деревом. Как иногда несправедлива жизнь! Несомненно, недостаток веры в себя, от которого я теперь страдаю, коренится в детстве. Но я-то за него ответа не несу! Сам по себе этот недостаток приносит немало бед, он к тому же притягивает ко мне людей необычных и загадочных, и я, словно в наказание, неизбежно становлюсь их жертвой. Жизнь не щадит страдальцев, она карает их вдвойне.

Я долго просидел в саду, погрузившись в атмосферу этого островка живой природы, и он постепенно оттянул на себя все мои мысли.

Я встал и инстинктивно направился к дому Дюбре. Только он сейчас был способен вернуть мне душевные силы.

Дождь стекал у меня по щекам, по шее, и мне казалось, что он смывает с меня все, что я пережил, и уносит с собой мой позор.

К концу дня я добрался до особняка Дюбре. Окна были закрыты, и дом казался необитаемым. Я сразу понял, что Дюбре в доме нет. От него обычно исходила такая энергия, что я чувствовал его присутствие, даже не видя его, словно мощная аура просвечивала сквозь стены.

Я позвонил в видеофон.

Привратник ответил, что месье нет дома, а когда он вернется — неизвестно.

— А Катрин?

— Она никогда не появляется в его отсутствие, месье.

Я немного пошатался по кварталу, придумывая всяческие предлоги, чтобы не идти домой, потом перекусил в каком-то бистро. Не застав Дюбре дома, я был разочарован. Мне не давала покоя одна

мысль: а что, если он тоже одна из странных личностей, притянутых моим изъяном? В конце концов, мы познакомились при более чем необычных обстоятельствах, когда моя незащищенность и уязвимость раскрылись полностью... Все это в который раз навело меня на мысли о том, что побудило Дюбре проявить ко мне интерес и помогать мне. Зачем ему это надо? Очень хотелось бы узнать, но как? У меня не было способов это установить.

И тут мне на ум пришел блокнот. В блокноте содержится хотя бы часть ответа, в этом сомневаться не приходилось. Но как его добыть, не привлекая внимания чертова пса? Должно же быть хоть какое-то средство... Я расплатился по счету, купил «Эко», выудив его из пачки журналов у кассы, и вернулся к замку, на этот раз зайдя с фасада. Устроившись на скамейке на другой стороне улицы, я раскрыл журнал. От решетки ворот меня отделяло четыре ряда деревьев. Отсюда можно было наблюдать за замком, не рискуя, что меня обнаружат. Мне надо было проверить одно соображение... Время от времени поглядывая в сторону замка, я просматривал новости крупных и средних компаний, любой ценой стремившихся увеличить свою долю на Бирже. Других целей у них не было. Время тянулось невероятно медленно. Около половины десятого зажегся свет в вестибюле, а следом за ним — во всех соседних комнатах. Окно кабинета Дюбре выходило в парк, и мне его видно не было. Я вглядывался очень внимательно, но никого не увидел. Снова углубившись в журнал, я краем глаза косился на окна. Еще с полчаса на улице будет довольно светло, а потом, с журналом в руках, я перестану вызывать доверие. Надо придумать что-нибудь другое. Взгляд мой упал на статью журналиста Фишермана, в которой в очередной раз высказывались сомнения по поводу стратегии «Дюнкер Консалтинг». «Дирекции не хватает зоркости», — утверждал он. Хотя это и было грустно, я с удовольствием прочел разгромную статью о своем предприятии...

Ждать пришлось довольно долго. На улице быстро темнело. Машины проезжали все реже и реже. В напоенном влагой воздухе разливался аромат лип. Я растянулся на скамейке, положив журнал под голову, и не сводил с замка глаз. В этом месте было удивительно тихо, если не считать временами долетавшего с улицы приглушенного шума автомобильных моторов.

Ровно в десять раздался звук, который я сразу узнал: щелкнул электронный замок калитки. Я взгляделся, но никого не заметил, хотя был уверен, что слышал щелчок.

Вдруг входная дверь открылась. Я насторожился. Мне очень хотелось подойти поближе, но так меня могли заметить. Лучше было не двигаться с места. Сначала ничего не было видно, потом на крыльцо вышли четверо. Они закрыли за собой дверь, прошли сквозь сад и вышли через маленькую калитку с электронным замком, который кто-то открыл из дома. Это расходились по домам слуги. Они перекинулись несколькими словами и пошли каждый в свою сторону. Один из них направлялся прямо ко мне. Неужели заметил? Да нет, маловероятно... Я решил не шевелиться. Если он до меня дойдет, я закрою глаза и притворюсь, что сплю. В конце концов, я же приходил и спрашивал Дюбре, а потом долго ждал на скамейке и случайно заснул. А если он уже вернулся, то я вполне мог его прозевать, пока обедал... Я прикрыл глаза, не теряя слугу из виду. Он дошел до тротуара, свернул налево и остановился на автобусной остановке. Я выдохнул и снова принялся терпеливо ждать, растянувшись на скамейке. В двадцать два тринадцать слуга сел в автобус. От неподвижного лежания тело затекло и онемело. Ни в доме, ни в саду не наблюдалось никакого движения. Тело уже просто судорогой свело, я не выдержал и сел. В эту же секунду в саду зажегся яркий свет. Я снова растянулся на скамье, и бока опять заныли. Дверь распахнулась, и на пороге появился Дюбре. Сталин залаял и запрыгал от радости. Хозяин подошел к нему, и пес изо всех сил закрутил обрубок хвоста. Дюбре наклонился, и Сталин радостно запрыгал вокруг него: его спустили с цепи. Было ровно двадцать два тридцать.

Пес встал на задние лапы, и хозяин ласково обнял его за шею. Еще несколько минут они играли, потом Дюбре погасил свет в саду и вошел в дом. Сад погрузился в темноту. Пес принялся носиться по саду с другой стороны замка.

Я встал, морщась от боли, и подошел к автобусной остановке. Тот автобус, что пришел в десять тринадцать, должен был прийти в десять десять. Значит, он опоздал на три минуты. Таким образом, с выхода прислуги и до лая собаки прошло семнадцать минут. Хватит ли их, чтобы проникнуть в дом? Может, и хватит. Но вдруг в доме остались еще слуги? И как попасть в сад? В общем-то, в замок войти несложно,

потому что в это время года окна всегда открыты, но как незамеченным пробраться в кабинет хозяина? Пока все это казалось очень рискованным. Надо собрать еще информацию.

Я направился к метро и поехал домой. Не прошло и пяти минут, как появилась мадам Бланшар. Почему она позволяет себе вламываться к своим постояльцам в такой поздний час? Я вроде бы не шумел...

Не знаю, что на меня подействовало, может, утренняя обида на Дюнкера, но я впервые позволил себе высказать мадам Бланшар все, что я думаю. Она поначалу удивилась, но это не сбilo ее с толку, и она снова принялась втолковывать мне свои взгляды на жизнь. Вот уж действительно, эта тетка жуткая вредина, а главное — ничем ее не прошибешь.

17

Дюбре от души хохотал и никак не мог остановиться. Катрин, обычно сдержанная, тоже схватилась за бока. Я рассказывал им о своей неудачной попытке синхронизации жестов с негром в метро.

— Не вижу ничего смешного. Он запросто мог меня поколотить из-за вас.

Он ничего не ответил, потому что помирал со смеху.

— Это мне бы следовало посмеяться над вами! Ваша затея не прошла!

Между двумя приступами смеха он повторил фразу, имитируя африканский акцент:

— И долго ты так будешь пялиться? Так и сказал?

И оба снова залились смехом, причем таким заразительным, что я не удержался и тоже принялся хохотать.

Мы сидели на террасе особняка, выходящей в парк, в глубоких и удобных креслах из тикового дерева. Погода была прекрасная, много лучше, чем накануне. Вечернее солнце окрашивало темным золотом резной камень здания. Стены уже начали отдавать накопленное за день тепло и источать тонкий аромат вьющихся роз.

Я наслаждался отдыхом, поскольку очень устал предыдущей ночью: раза три меня будили и заставляли выкурить сигарету...

Я налил себе апельсинового сока, с трудом подняв тяжелый графин, в котором плавали кусочки льда. Мы только что славно пообедали. Стол был великолепно сервирован, на обед подали легкие кушанья тайской кухни, приготовленные замковым поваром. Самыми удивительными были пирамиды пряностей, высившиеся в центре стола на серебряных блюдах.

— На самом деле, — сказал Дюбре, сразу посерьезнев, — ты совершил две ошибки, которые и объясняют твою неудачу. Во-первых, пользуясь способом синхронизации и принаравливаясь к чьей-то позе, надо выждать время, чтобы это получилось незаметно и чтобы никому не пришло в голову, что ты его передразниваешь. Во-вторых, и это главное, ты подошел к делу формально, с технической точки зрения. Но это что угодно, только не техника! Это прежде всего особое

состояние сознания, философия открытия другого существа. У тебя все получится только при одном условии: ты должен сильно захотеть войти в мир другого человека, прожить кусок его жизни изнутри, оказавшись на его месте и посмотрев на мир его глазами. Если твое желание искренне, то синхронизация станет для тебя магическим действием, поможет установить контакт и добиться такого качества взаимоотношений, что другому захочется их сохранить. И он, со своей стороны, тоже начнет налаживать контакт и бессознательно повторять твои движения. Но это не может быть конечной целью, это результат.

— Да, но признайте, что для того, кто хочет поэкспериментировать, это вещь совершенно невероятная!

— Конечно.

— Но у меня была и более или менее удачная попытка: я попытался войти в контакт с моим менеджером, синхронизируясь с его образом мыслей. Это Люк Фостери, человек холодный, рассудочный и очень немногословный...

— Ты сделал хороший выбор.

— Почему вы так решили?

— Выбрать для установления контакта человека абсолютно отличного от тебя — самое интересное. Это наивысший кайф... Знаешь, что сказал по этому поводу Пруст?

— Марсель Пруст, французский писатель? Нет, не помню.

Дюбре стал цитировать по памяти:

— Настоящее путешествие, настоящий источник сил и бодрости — это не стремление к новым пейзажам, а стремление получить новые глаза, чтобы видеть мир другими глазами. И не просто другими глазами, а сотнями других глаз... Погрузиться в сотню миров, увиденных сотнями других глаз...

Катрин в знак одобрения склонила голову.

На край стола спланировала какая-то птица, явно привлеченная содержимым блюда, где мы оставили закуску. Было бы интересно взглянуть на мир глазами птицы. Есть ли у животных понятие личности, которое заставляет их в сходных ситуациях вести себя по-разному?

Дюбре взял маленькое канапе с лососем, и птица улетела.

— Не так-то просто влезть в шкуру человека, мир которого тебе противен.

С Фостери мне это было очень тяжело. Я не настолько, как он, увлечен цифрами, изменением результатов и курсом акций на Бирже. Я постарался проявить интерес к его увлечениям, но без должной уверенности... и без должной искренности. Во всяком случае, я не почувствовал, что он тоже настраивается на мою волну.

— Я понимаю, что цифры тебя не интересуют, но суть не в том, чтобы изобразить интерес к делам или вкусам другого человека. Нет. Главное — заинтересоваться им самим настолько, чтобы почувствовать удовольствие, которое он находит в цифрах. Это совершенно разные вещи... Когда ты подстраиваешься к его движениям, к его системе ценностей, разделяешь с ним заботы, делай это со стремлением влезть в его шкуру и жить его жизнью изнутри.

— Хорошо. Значит, вы хотите сказать, что мне не надо интересоваться цифрами, а надо почувствовать себя свободно в шкуре человека, интересующегося цифрами, сказав себе: «Так, а как это, что чувствует человек, который интересуется цифрами?» Получается, что так?

— Именно так! И самое интересное — экспериментировать с теми, чьи интересы для тебя абсолютно новы... И когда вы окажетесь в одной фазе, тогда и наступит чудо взаимопонимания.

Я протянул руку и взял канапе. Нежный кусочек лосося с пряным запахом на кусочке хлеба без корочки, окруженный масляным кружевом, а сверху — миниатюрная спаржинка, сбрызнутая лимонным соком. Эдакое тающее во рту наслаждение...

— Однако возможности метода не безграничны. И далеко не со всеми эксперимент получается.

— Да. Как, к примеру, в твоём случае.

— Но если надо искренне заинтересоваться другим человеком, чтобы все получилось, то тогда эксперимент почти невозможен с врагами.

— Наоборот, это лучший способ одолеть врага! *Я обнимаю соперника, но только затем, чтобы его придушить.*

— Когда кого-то ненавидишь или кто-то причиняет тебе боль, не возникает ни малейшего желания влезть в его шкуру, чтобы почувствовать то, что чувствует он.

— Ты прав, но иногда это единственный способ понять, почему человек так себя ведет по отношению к тебе. Оставаясь на своем

месте, человек продолжает страдать и отвергать другого. Ситуация при этом не меняется, и ты бессилён на неё повлиять. В то время как, поставив себя на место врага, ты сможешь понять причину его поведения. Если это жестокий человек, посмотри на ситуацию глазами жестокого человека и поймешь, что его толкает к жестокости. Это единственная надежда заставить его остановиться. Отталкивая человека, ты его не изменишь.

— Ну уж...

— Отталкивая человека или его идеи, ты вынуждаешь его замкнуться и окопаться на своих позициях. Почему его должно интересовать твоё мнение, если ты с порога отметаешь его точку зрения?

— Это не лишено смысла...

— Если же ты сделаешь усилие, подчас тебе неприятное, чтобы посмотреть на вещи его глазами, ты сможешь понять, почему он думает именно так и поступает именно так. А когда он почувствует, что его поняли и не осуждают, он, может быть, тоже прислушается к твоей позиции и изменит свою.

— Но не всегда же это получается.

— Конечно. Но если пятиться задом, вообще никуда не придешь.

— Я понимаю, что вы хотите сказать.

— По сути дела, чем больше ты стремишься убедить человека, тем большее сопротивление ты у него вызываешь. И чем больше ты хочешь, чтобы он изменил позицию, тем меньше шансов, что он ее изменит. Физики давно это знают...

— Физики? Какое отношение физики имеют к межчеловеческим контактам?

— Это закон динамики. Еще Исаак Ньютон доказал, что действие равно противодействию.

— Да, что-то такое припоминаю...

— То же самое и в человеческих отношениях: пытаешься кого-либо переубедить, ты посылаешь ему сильный энергетический толчок, который он тут же перенаправляет тебе и тоже тебя отпихивает. Ты отталкиваешь его — он отталкивает тебя.

— Хорошо, ну а где же выход? Если верно то, что вы говорите, то чем больше хочешь убедить, тем меньшего достигнешь? Тогда что же нужно делать?

— Не надо отталкивать, надо притягивать...

— Гм... А конкретнее, что это даст?

— Оттолкнуть — значит исходить из своей точки зрения и пытаться навязать ее другому. Притянуть — значит исходить из точки зрения другого и постепенно подтягивать его к себе. Как видишь, мы не вышли за рамки философии синхронизации. Здесь мы тоже входим в мир другого человека, чтобы дать ему возможность измениться. И отправная точка везде одна: искать другого там, где он есть.

— Оттолкнешь ты — оттолкнут тебя...

Я вполголоса повторял формулу Дюбре, припоминая те случаи, когда я безуспешно пытался кого-то переубедить.

— Верно также и обратное: когда ты хочешь избавиться от чьей-то навязчивости, то чем больше будешь отталкивать, тем настойчивее будет становиться надоеда.

Это мне напомнило мадам Бланшар: чем больше я бунтовал против ее попреков и вмешательства в мою личную жизнь, тем больше она в нее лезла. В последний раз, когда я на нее накричал и захлопнул дверь у нее перед носом, она ее распахнула и принялась меня попрекать с удвоенной силой.

Я рассказал эту сцену Дюбре. Он молча, внимательно меня выслушал, и глаза его блеснули. Ему в голову явно пришла какая-то мысль, и он был ею горд...

— Вы что-то придумали?

— Вот что тебе надо сделать...

И он изложил свою идею.

Я почувствовал, что бледнею. И чем дальше он углублялся в объяснения, тем более авторитарно требовал от меня сделать то, что он велел. Видимо, чувствовал, что придется преодолевать мое отвращение ко всяческим инструкциям. То, что он от меня требовал, было абсолютно не-при-ем-ле-мо. Я всегда ему подчинялся и обычно выполнял все его указания, но на этот раз он требовал невозможного, и я почувствовал, что не смогу.

— Нет, стоп. Вы же сами знаете, что я никогда этого не сделаю.

Я быстро взглянул на Катрин, ища у нее поддержки. Но она была смущена еще больше моего.

— И ты знаешь, что выбора у тебя нет.

— Вы противоречите собственным принципам: чем больше я сопротивляюсь, тем настойчивее вы пытаетесь меня заставить силой.

— Правильно.

— А это вас не смущает, не дискредитирует? Поступай так, как я велю на словах, а не так, как я сам поступаю...

— У меня есть на то свой резон.

— Какой?

— Я обладаю властью, мой друг. Властью. Так чего мне смущаться?

Он произнес это с довольным видом, улыбнувшись и поднеся ко рту бокал с белым вином. Вино было прекрасно охлаждено, и стенки бокала запотели. Я снова налил себе апельсинового сока. В конце концов, я сам рассказал ему о проблемах с хозяйкой. Я толкнул его на преступление, а теперь упрекаю за то, что он предложил выход из положения. Может, я перебираю с мазохизмом?..

Ветви огромного, могучего кедра были абсолютно неподвижны, словно затаили дыхание. Стоял теплый вечер. Гигантские платаны защищали нас своими кронами. Я небрежно скользнул глазами в сторону Катрин и вдруг замер на месте. Он был там, у нее на коленях. Она поддерживала его одной рукой, а в другой у нее был карандаш. Блокнот...

Видимо, она поймала мой взгляд или бессознательно его почувствовала, потому что накрыла блокнот рукой, словно загораживая от меня.

И тут мне пришла одна мысль. А что, если просто попросить его посмотреть? Ведь я же могу и не догадываться, что там, в нем. Вдруг они согласятся? Может, я волнуюсь на пустом месте...

Я принял отсутствующий вид.

— Я вижу на обложке свое имя. Можно мне взглянуть? — сказал я Катрин, протянув руку к блокноту. — Я от природы очень любопытный...

Она напряглась и поискала взгляд Дюбре.

— Конечно нет! — безапелляционно заявил тот.

Я настаивал. Сейчас или никогда. Только не сдаваться.

— Если то, что там написано, касается меня, вполне естественно, что я прочту...

— Разве кинорежиссер показывает зрителям сценарий во время съемок фильма?

— Я не зритель, я исполнитель главной роли, и мне кажется...

— Справедливо! Актер всегда играет лучше, когда ему в последний момент объясняют суть сцены, в которой он занят. Он тогда более непосредствен.

— Что касается меня, то я играю лучше, когда могу подготовиться заранее.

— Сценарий твоей жизни не написан наперед, Алан.

Его слова повисли в воздухе. Катрин смотрела в пол.

Этот двусмысленный ответ мне не понравился. Что он означал? Что никто не может знать свою судьбу наперед? Или что он, Ив Дюбре, был способен написать сценарий *моей* жизни? От этой мысли у меня по спине прошел холодок.

Я инстинктивно поднял глаза на фасад необычного особняка. Окно кабинета на втором этаже было распахнуто настежь. Снизу, по всей ширине здания, шел лепной карниз. На углу до самой земли спускался каменный дождевой желоб. По нему легко было забраться на карниз, а оттуда — в окно кабинета...

Я взял еще одно канапе с лососиной.

— Кстати, по поводу власти и взаимоотношений насилия. Я пережил ужасное унижение в офисе...

И я рассказал ему о вчерашнем собрании и Марке Дюнкере с его тестом на устный счет. Он выслушал меня очень внимательно. Я опасался нарваться еще на какое-нибудь трудное задание, но был готов на все, только бы наказать своего директора. К тому же мне не хватало творческого запала Дюбре, более того — его гения.

— Я хочу расквитаться.

— Но на кого ты так разозлился в этой истории?

— По-моему, это очевидно...

— Нет, ты ответь!

— А как, по-вашему?

— Это я задал тебе вопрос.

— На Дюнкера, конечно!

Он медленно наклонился ко мне, глядя мне в глаза своим пронзительным взглядом. Такой взгляд мог бы загипнотизировать и усмирить самого гиперактивного человека.

— Алан, на кого ты реально разозлился?

Я почувствовал, что попал в западню, и теперь мне придется отказаться от легкого ответа, который сам напрашивался. Придется обратиться внутрь меня, прислушавшись к собственным ощущениям. На кого же я, в самом деле, мог разозлиться, если не на самого Дюнкера? Дюбре продолжал молча сверлить меня глазами. И глаза его были... зеркалом *моей* души. Я различил в нем ответ, вполне очевидный, и прошептал:

— На себя. Я понимаю... Поддаться и уступить явному давлению... Да еще к тому же не выдержать испытания этим чертовым тестом...

В саду воцарилось давящее молчание. Это было правдой: я злился на самого себя за то, что позволил поставить себя в такое унижительное положение. Но это не мешало мне сердиться и на Дюнкера, потому что он был причиной моих бед. И я был зол на него смертельно.

— Все равно, это он во всем виноват, ведь все началось с него. Я хочу любыми средствами отомстить за себя. Это не дает мне покоя...

— Ах, отомстить, отомстить! Я в течение десятилетий только и думал о тех, кто когда-то перебежал мне дорогу! О, сколько раз я мстил за себя! Сколько раз я торжествовал, видя страдания своих врагов! Сколько раз я ликовал, заставив их заплатить за сделанные пакости! А потом, в один прекрасный день, я понял, что все это суета, что месть ничего не дает и что я только нанес вред самому себе.

— Самому себе?

— Видишь ли, когда ты вынашиваешь план мести, ты ощущаешь огромную энергию, но энергия эта отрицательная, разрушительная. Она тянет нас вниз, не дает расти... И есть еще одно...

— Что?

— Ведь мы хотим отомстить тому, кто сделал нам зло. И мы стараемся ответить ему тем же. И подстраиваемся под него, понимаешь?

— Понимаю.

— Но тогда в выигрыше остается он: ему удалось навязать нам свою модель, хотя специально он этого не добивался. Он просто позволил нам себя догнать.

Об этом я никогда не думал. Такие соображения вызывали тревогу. Выходит, если я поквитаюсь с Дюнкером, о чем я давно мечтаю, то это будет означать, что он имеет на меня влияние? Вот ужас! И я сам, не говоря худого слова, ему в этом подыграл...

— Знаешь, — снова заговорил Дюбре, — если бы все не старались друг другу отомстить, на земле было бы гораздо меньше войн. Возьмем хотя бы палестино-израильский конфликт. Пока обитатели обоих лагерей будут стремиться поквитаться за родственников, убитых неприятелем, война будет продолжаться, ежедневно порождая новые жертвы... за которые снова будут мстить. И это никогда не кончится... Страдающим людям надо помочь оплакать не своих убитых, а свое чувство мести. Тогда появится шанс прекратить драку.

Странно, даже нелепо было заклинять войны отсюда, из тихой гавани замкового парка, с его чистыми дорожками, вековыми деревьями и завораживающей тишиной, которая заставляла позабыть о городском шуме.

Ведь свои беды мы воспринимаем совсем в другой пропорции, чем чужие, и это очевидно... Замирение на Ближнем Востоке представлялось мне само собой разумеющимся, а вот прощать Дюнкера в мои планы не входило...

— Вы говорите, что пытаться кому-то отомстить — это нанести вред себе самому. Но у меня такое чувство, что держать гнев в себе гораздо вреднее!

— Гнев порождает в тебе энергию, некую силу, которую вполне можно направить в русло твоих интересов, а месть не дает ничего, она — чувство разрушительное.

— Все это очень мило, но что я должен сделать конкретно?

— Прежде всего, выразить сердечную боль, либо высказав этому типу все, что ты о нем думаешь, либо сделать это символически.

— Как это, символически?

— Ну, можешь, к примеру, написать ему письмо, выговориться в этом письме, а потом утопить письмо в Сене или сжечь.

У меня возникло ощущение, что от меня что-то ускользнуло...

— Зачем?

— Чтобы очиститься от накопившейся ненависти, которая причиняет тебе вред. Надо, чтобы она ушла, понимаешь? Это позволит тебе перейти ко второй фазе. Пока ты находишься в состоянии гнева и

твой разум затуманен жаждой реванша, это мешает тебе действовать. Ты перебираешь и пережевываешь свои обиды, а вперед не продвигаешься ни на шаг. Тебе мешают эмоции, и от них надо избавиться. И символическое деяние в этом помогает.

— А что за вторая фаза?

— Вторая фаза состоит в том, чтобы использовать энергию гнева; к примеру, совершить что-то такое, на что ты раньше никогда бы не отважился. Что-нибудь творческое, созидательное, что служило бы твоим интересам.

Передо мной сразу же возник весьма честолюбивый образ: я мечтал изменить ситуацию в бюро, мне хотелось самому стать определяющей силой, вместо того чтобы каждый раз плакаться в жилетку Алисе.

Вот я встречу Марка Дюнкера собственной персоной. Его вчерашняя выходка заставит его быть со мной особенно деликатным. И я этим воспользуюсь: теперь он остережется сбрасывать со счетов мои идеи и заставит себя к ним прислушаться, я это точно знал. Я поделюсь своими выкладками и попытаюсь добиться, чтобы он пробовал реализовать мои планы. В конце концов, что я теряю?

Но тут мой энтузиазм несколько померк: с какой это стати Дюнкер станет прислушиваться к человеку, у которого плохо с чувством уверенности в себе? Учитывая его непереносимый профессионализм, он теперь должен меня глубоко презирать...

Я поделился своим проектом и сомнениями с Дюбре.

— Так оно и есть, уверенность в себе многократно облегчает достижение любой цели и любых результатов...

Я сглотнул:

— Вы обещали поработать со мной в этом направлении...

Несколько мгновений он молча смотрел на меня, потом взял бокал на хрустальной ножке, почти неестественной прозрачности, и начал медленно наклонять его над пирамидкой из шафрана. Я не сводил глаз с граненого хрусталя, в котором вода просто светилась.

— Мы все рождаемся с одинаковым потенциалом уверенности в себе, — сказал он. — А потом начинаем воспринимать комментарии наших родителей, нянь, преподавателей...

Капля воды отделилась и упала на вершину пирамидки, и в ней, как под лупой, увеличились частички драгоценной пряности. Капля

казалась живой и пробила себе дорогу по пирамидке, быстро скатившись к подножию.

— Если, по несчастью, — продолжал он, — они видят все в дурном свете, без конца ругая и упрекая нас, заостря наше внимание на недостатках, просчетах и упущениях, у нас развивается привычка себя недооценивать и комплекс неполноценности.

Дюбре снова медленно наклонил бокал, и вторая капля скатилась на ту же пирамидку. Третья капля пошла по следу двух первых уже гораздо скорее. Прошло несколько секунд — и обозначился желобок, по которому следующие капли катились все свободнее, а желобок делался все глубже.

— И все кончается тем, что малейшая бестактность выбивает нас из колеи, малейшая неудача заставляет усомниться в себе, а малейшая критика приводит к тому, что мы путаемся и теряем все аргументы. Мозг привыкает все оценивать со знаком минус, и нейронные связи крепнут с каждым шагом.

Я был как раз тому живым примером. Все, что он говорил, эхом отдавалось во мне. Это я был в жизни жертвой, оба отца меня бросили, мать постоянно на меня давила, потому что считала, что я недостаточно хорош. Даже став взрослым, я продолжал расплачиваться за детство, которого себе не выбирал. Родителей уже не было рядом, а я все еще находился во власти дурных последствий их воспитания. Я и без того был подавлен, но когда понял, что эта подавленность только усугубляет неуверенность в себе, и вовсе сник...

— А есть хоть какое-то средство выйти из этого ада? — спросил я.

— Радикального средства нет. Выйти из этого состояния сложно, нужны немалые усилия...

Он склонил голову набок и, дождавшись, пока из бокала выкатится еще одна капля, легонько на нее подул, чтобы пустить по новому пути. Капля проделала новый желобок в пирамидке.

— А самое главное, — снова заговорил он, — надо себя все время заставлять делать над собой усилие. Наш разум слишком привязан к привычному образу мыслей, даже если он причиняет нам страдания.

Он отправил по пирамидке новую каплю, и она покатила по проторенному желобку.

— А вот что необходимо, — произнес он, — так это...

Он снова подул, и следующие капли с явной неохотой стали пробивать себе желобки. Потом он перестал дуть, но капли уже сами катились по новым желобкам.

— Это обзавестись новым образом мыслей. Почаще думай о хорошем, о том, что вызывает в тебе положительные эмоции. Надо, чтобы установились, укрепились и стали преобладающими новые нейронные связи. Для этого нужно время.

Я не сводил глаз с красивой оранжевой пирамидки, на которой были прочерчены два желобка.

— Упразднить прежний образ мыслей невозможно, — сказал Дюбре. — Зато возможно добавить к нему новые позиции и сделать так, что они станут неколебимыми. Знаешь, людей ведь нельзя изменить, можно только указать им путь, а потом вызвать острое желание идти по этому пути.

А я спрашивал себя, какой же глубины должен быть желобок моей неуверенности в себе...

Получится ли у меня когда-нибудь прочертить желобок уверенности, спокойного отношения к любым критическим высказываниям? Смогу ли я развить в себе ту внутреннюю силу, которая делает нас неуязвимыми? Ведь преследователи всегда выбирают жертвой самого слабого...

— Вы что-нибудь можете мне предложить, чтобы справиться с этой проблемой?

Он поставил на столик бокал с водой, налил себе еще белого вина, откинулся на спинку кресла и отпил глоток.

— Во-первых, хочу тебе сообщить, что собираюсь дать тебе задание, которое ты должен выполнять ежедневно в течение... ста дней.

— Ста дней!

Меня пугало не время, а перспектива в течение ста дней находиться под неусыпным контролем Дюбре.

— Ста дней. Я же тебе уже объяснял, что за два дня новый образ мыслей не обретешь. Даже если ты будешь выполнять мое задание, к примеру, восемь дней, ты ничего не достигнешь. Абсолютно ничего. Надо настроиться на долгое усилие.

— А что надо будет делать?

— Задание очень простое, но для тебя непривычное. Каждый вечер ты будешь посвящать минуты две тому, чтобы вспомнить прошедший день и найти в нем хотя бы три момента, которыми ты мог бы гордиться.

— Я неспособен совершить сразу столько славных дел за день.

— Речь идет не о славных делах. Это могут быть скромные поступки, и необязательно совершённые в офисе. Может, ты переведешь слепого через улицу, когда сам очень торопишься. Или заметишь, что продавец обсчитался не в свою пользу, и вернешь ему лишние деньги. Или скажешь кому-нибудь все, что думаешь о нем хорошего. Не важно, какие обстоятельства и какие условия заставят тебя собой гордиться. Да и необязательно совершать какие-то поступки. Ты можешь остаться доволен тем, как отреагировал, что почувствовал... К примеру, остался спокоен в ситуации, когда обычно нервничаешь...

— Понимаю...

Я был немного разочарован. Я ожидал, что он даст мне какое-нибудь более значительное и мудреное задание.

— И вы действительно думаете, что это поможет мне обрести уверенность в себе? Ведь это же так просто...

— О! Сразу видно, что ты не американец! Французских корней не спрячешь... У француза все идеи должны быть замысловаты, иначе его заподозрят в наивности. Наверное, именно потому в этой стране все так и усложнено. Здесь обожают умничать!

Это напомнило мне, что он говорит с акцентом, происхождение которого мне угадать не удалось.

— Нет, правда, нет такого средства, которое помогло бы тебе за пару дней обрести уверенность в себе. Отнесись к моему заданию как к маленькому комочку снега, который я столкну вниз с горки. Понаблюдай за ним: он будет расти, расти и под конец достигнет размеров, которые, может быть, и запустят механизм положительных перемен в твоей жизни.

Я был убежден в одном: уверенность в себе станет для меня ключом к внутреннему равновесию во многих областях. Если его развить, это откроет мне новые горизонты.

— Это задание, — продолжил Дюбре, — приучит тебя день за днем отдавать себе отчет в том, что ты сделал хорошего и чего достиг. И ты

постепенно переориентируешь внимание на те свои качества и достоинства, которые сделают из тебя успешного человека. Ощущение собственной значимости будет расти и перерастет в уверенность в себе. И уже никакие нападки или упреки не смогут вывести тебя из равновесия. Все это не будет тебя трогать. И вот тогда ты сможешь позволить себе роскошь простить врага и даже ему посочувствовать.

Я был далек от того, чтобы сочувствовать Марку Дюнкеру. Это, несомненно, означало, что мне предстоит долгий путь.

Дюбре встал с места:

— Пойдем, я тебя провожу. Уже поздно.

Я попрощался с Катрин, которая посмотрела на меня как на подопытного кролика, и пошел следом за ним. Мы шли по саду вдоль замка, которому закатное солнце придавало загадочный вид.

— Можно себе представить, как трудно содержать в порядке дом и такой большой парк. Наверное, у вас много слуг.

— Да, действительно непросто.

— Но я бы не чувствовал себя дома, если бы вокруг все время сновали посторонние люди. Они здесь находятся и днем, и ночью?

— Нет, они уходят около десяти вечера. По ночам я в доме один.

Мы проходили возле огромного кедра, который нижними ветвями, как руками в длинных мохнатых рукавах, касался земли. В теплом вечернем воздухе разливался запах смолы.

Мы молча дошли до высокой черной решетки, охранявшей волнующую тишину этого места.

Сталин лежал спокойно, но не сводил с меня глаз, видимо выбирая момент для броска. И тут я вдруг заметил, что за ним стояла не одна, а четыре собачьих конуры.

— У вас четыре собаки?

— Нет, все четыре будки занимает один Сталин. Каждый день он выбирает себе для ночлега новую конуру, и никто не знает, где он будет спать. У него ярко выраженная паранойя...

В свете уличных фонарей, проникавшем сквозь парк, его лицо выглядело бледным.

— Мне бы хотелось узнать еще одну вещь, — сказал я, прерывая молчание.

— Да?

— Вы занимаетесь мной, и я вам за это признателен. Но мне хочется быть... свободным. Когда вы освободите меня от обязательств?

— Свободу надо завоевать!

— Скажите когда. Я хочу знать сроки платежа.

— Узнаешь, когда будешь готов.

— Перестаньте играть в кошки-мышки. Я должен наконец узнать.

В конце концов, я главное лицо, причастное к этому делу.

— К этому делу ты не причастен, ты в нем замешан.

— Вы опять жонглируете словами. Причастен, замешан... это ведь одно и то же.

— Вовсе не одно и то же.

— Вот те раз! И в чем же, по-вашему, разница?

— Это как омлет со свиным салом.

— Опять играете словами?

— В омлете со свиным салом курица причастна, а свинья замешана.

18

Месье,

я пишу к вам, чтобы поделиться чувством досады после эксперимента, который вы организовали в присутствии всех членов департамента службы занятости. При всем уважении к занимаемой вами должности, я счел себя обязанным сообщить вам о том, какие чувства я испытываю после эксперимента: вы мне отвратительны вы жирный дурак жирный дурак жирный дурак я вас ненавижу мне блевать хочется от таких идиотов как вы ничтожный тупой негодяй говенный мерзавец.

Благодарю вас за внимание и прошу вас, месье, принять мои уверения во всяческом почтении.

Алан Гринмор

19

Девять часов вечера. С письмом в руке я толкнул дверь своего дома. Вечерний воздух был напоен ароматом цветущих лип. Я спустился с крыльца и прошел мимо Этьена. Он сидел, привалясь к стене, и с просветленным видом смотрел в небо.

— Какой сегодня чудный вечер.

— Вечер как вечер, мой мальчик.

Я подошел к бортику тротуара и выбросил письмо в первую попавшуюся урну. «Ну вот, от одного платежа я свободен».

Я пошел к метро, спокойно топая по парижской мостовой. Монмартр выгодно расположен на холме, и на Монмартре всегда возникает ощущение, что ты в Париже, но в то же время за пределами города. Ты не ощущаешь, что город тебя поглотил, ты в стороне от грязи и шума огромного мегаполиса, границы которого невозможно охватить глазом. Нет, на Монмартре отовсюду видно небо, и дышится легко. Монмартр — это деревня, и когда, пройдя по какой-нибудь извилистой улочке, ты вдруг внизу видишь город, он кажется таким далеким, что чувствуешь себя ближе к облакам, чем к парижской суете.

К дому Дюбре я подошел в девять сорок и занял свой наблюдательный пункт на скамейке. Я уже третий вечер подряд сидел в засаде перед особняком и наконец отказался от того, чтобы лечь на скамейку, зато на всякий случай надвигал бейсболку на самые брови. Издали меня в ней точно не узнают.

Только я уселся, как увидел на улице длинный «мерседес» владельца особняка. Он остановился у решетки, и из него быстро вышел Влади. Обойдя машину, он распахнул заднюю дверцу и помог выйти молодой женщине. За ней следом, поддерживая ее за талию, появился Дюбре. Она была черненькая, под короткой стрижкой угадывался очаровательный затылок. Короткая юбочка и ноги от ушей. Высоченные каблукы подчеркивали в высшей степени женственную походку... но что это? Или я ошибаюсь, или ее слегка пошатывает? Она повисла на шее у Дюбре, и громкий визгливый смех выдал, какое количество бокалов она выпила нынче вечером...

Они подошли к особняку, поднялись на крыльцо и исчезли внутри. В окнах зажегся свет.

Минут десять ничего не происходило, потом я услышал знакомый щелчок электронного замка. Двадцать два ноль одна. Я не сводил глаз с крыльца, ожидая, когда выйдут слуги. Они появились ровно через пятьдесят пять секунд. Спустя еще двадцать секунд, точно, как по расписанию, произошел ритуал расставания на тротуаре, с обменом несколькими словами и пожатием рук, после чего все разошлись. Тот, что уезжал на автобусе, перешел улицу к остановке. Автобус пришел в двадцать два ноль девять, на минуту раньше, чем по расписанию. Приближался главный момент: когда Дюбре спустит Сталина с цепи? Я сложил пальцы крестом: только бы он не отходил от привычного графика!

Мой взгляд перебежал с двери на наручные часы, и с каждой минутой нарастали страх и надежда. Прошло восемнадцать минут, и в холле зажегся свет. Сердце у меня сжалось. Напрягшись, я ждал, когда откроется дверь, не спуская с нее глаз. Никого. Потом зажглось еще одно окно, на этот раз в библиотеке, и я перевел дыхание. Десять двадцать одна. Уже двенадцать минут, как ушел автобус. Я ждал. Никого. Десять двадцать четыре. Снова никого. Двадцать восемь. Никого. Десять тридцать. Меня вдруг охватило противоположное желание: пусть Дюбре появится как можно скорее... От того, насколько точно он соблюдет время выгула Сталина, зависело мое спокойствие на сегодняшний день. В десять тридцать одну дверь распахнулась, и я вздохнул с облегчением. Уже третий день подряд Дюбре спускал собаку с цепи в одно и то же время, с точностью до минуты. Эта привычка уже укоренилась. Завтра я не смогу в этом лишней раз убедиться, потому что сегодня пятница, а на выходных все может поменяться. Надо придерживаться расписания будних дней.

Я дождался конца процедуры и отправился к метро. Шел я молча, глядя в землю и погружившись в свои мысли. Тут коротко звякнул мобильник.

Эсэмэска. Это был он. Даже в такой милой компании он обо мне не забывал... Я взял предписанную сигарету и на ходу закурил. Лучше было бы, конечно, глотнуть свежего вечернего воздуха с влажным запахом деревьев. Мне уже начинало надоедать, что кто-то приказывает мне курить, когда курить совсем не хочется.

Я стал думать о том, как прошел день. Чем я могу сегодня гордиться? Ну-ка, ну-ка... Для начала, мне хватило смелости уйти из офиса в шесть часов. Раньше я считал себя обязанным сидеть, как все, до семи, даже если мне было нечего делать. Дальше... что там у нас дальше? Ага, я уступил в метро место беременной женщине. Наконец, я был горд оттого, что решил положить конец расспросам по поводу блокнота Дюбре. В понедельник вечером, ровно через семьдесят два часа, я узнаю, что там написано.

20

Следующая ночь прошла беспокойно: меня четыре раза будили и приказывали выкурить сигарету. Хуже всего было просыпаться в пять утра. Полусонный, дрожа от холода, я курил возле окна, чтобы дым не проник в комнату. Запах дыма теперь вызывал у меня отвращение. Дюбре заставлял меня выкуривать по сигарете по крайней мере раз тринадцать в день, и это становилось невыносимо. За столом я стал замечать, что очень быстро ем, боясь, что меня оторвут от еды и заставят курить. Всякий раз, когда телефон возвещал об эсэмэске с нарядом вне очереди и мне надо было лезть в карман за проклятой пачкой, я боролся с тошнотой.

Поскольку была суббота, я поспал подольше, нагоняя упущенное ночью время, и позавтракал около одиннадцати. Приняв душ, я сварил себе кофе с купленными накануне венскими булочками, которые поставил разогреться в микроволновку. По комнате поплыл запах выпечки, и у меня разыгрался аппетит.

Я всегда любил субботу. Ведь она — единственный выходной, за которым идет еще один, воскресенье. Но сегодня был день особенный. Я нервничал. Страх прятался где-то глубоко, и как только я думал о том, что его вызывает, он начинал шевелиться и противно щекотал в животе. Сегодня я намеревался осуществить план, намеченный Дюбре в отношении мадам Бланшар. Надо сделать, что нужно, — и отойти в сторону, а через час можно будет вообще об этом забыть. Но пока мне предстояло собрать все свое мужество...

Я с тоской жевал рогалики, и только тепло, разливавшееся по горлу от горячего кофе, немного расслабляло и утешало. Я выпил кофе до последней капли, чтобы оттянуть роковой момент.

Босиком прошлепал я к портативному магнитофону, намереваясь выдернуть шнур наушников, включенных постоянно, но передумал. Не хотелось давать повода для жалоб. Можно было, конечно, обойтись и без музыки, но мне было необходимо себя разогреть, довести до кондиции. Нужна была пьеса такая... абсолютно сумасшедшая. Ну-ка посмотрим, что можно поставить... Нет, это не пойдет, это тоже не годится... Вот: старый басист «Sex Pistols» исполняет «My Way».

Фрэнк Синатра, подредактированный тяжелыми рокерами. Я надел свои объемистые наушники, в которых чувствуешь себя отрезанным от всех звуков внешнего мира. Низкий голос Сида Вишеса откуда-то издали зашел первый куплет. Я прибавил звука и пустился в пляс, держа провод от наушников в руке, как певцы держат микрофон. Вдруг неистово вступили электрогитары. Я принялся отбивать ритм босыми ногами, изо всех сил топая по полу. Голос певца звучал так, словно он выблевывал песню. Забыть о мадам Бланшар. Еще прибавить звук. Еще. Отпустить себя. Закрывать глаза. Погрузиться в музыку. Музыка заполняет мое тело, всего меня. Отбивать ритм, вибрировать вместе с ней, танцевать. Погрузиться. Освободиться от всего. Трястись и прыгать, прочувствовать все до конца...

Это продолжалось, несомненно, несколько минут, и я вдруг понял, что ударные не держат ритм. Глухие удары шли откуда-то со стороны, и, несмотря на некое подобие трансa, в котором я пребывал, я догадался откуда...

Я снял наушники и оказался в ошеломляющей тишине комнаты. В ушах гудело от грохота тяжелого рока.

Удары в дверь послышались с новой силой. Она уже не стучала, она дубасила.

— Месье Гринмор!

Момент был самый подходящий.

Как там говорил Дюбре? *Оттолкни — и тебя оттолкнут... Но бывает и наоборот: чем больше хочешь избавиться, тем настырнее к тебе пристают.*

— Месье Гринмор! Откройте!

Я застыл в сомнении... А вдруг Дюбре ошибся?

Удары зазвучали с удвоенной силой. Ну как можно быть такой вредной? Я всего пять или шесть раз подпрыгнул. Ничего такого страшного у нее слышно не было. Она специально хочет испортить мне жизнь! Вот ведьма!

Я сильно разозлился, и злость подтолкнула меня к действию. Быстро скинув пуловер и футболку, я остался в одних джинсах, голый по пояс и босой.

— Месье Гринмор, я знаю, что вы здесь!

Я сделал шаг к двери... и остановился. Сердце колотилось все сильнее.

Ну, давай!

Я скинул джинсы и бросил их на полу возле двери. Нет, Дюбре точно спятил.

— Откройте дверь!

Голос звучал властно и злобно. Я сделал еще несколько шагов, отделявших меня от этой чертовой двери. Меня охватил жуткий страх.

И тем не менее...

Затаив дыхание, я сбросил плавки и откинул их подальше. Вот ужас-то, появиться в голом виде в такой ситуации...

— Я знаю, что вы меня слышите, месье Гринмор!

Смелее!

Я протянул руку к дверной ручке. Никогда бы не поверил, что способен на такие подвиги... Нет, я явно не в себе...

Три последних удара раздались, когда я уже опускал ручку. У меня было такое ощущение, что я привел в действие собственную гильотину. Я потянул дверь на себя, и струя холодного воздуха обдала мне яйца, напомнив, что я совсем голый. Ну что ж, казнь так казнь.

Я широко распахнул дверь:

— Мадам Бланшар! Какая радость видеть вас!

Видимо, такого шока она в жизни не испытывала. Вся в черном, с седыми, забранными в шиньон волосами, она согнулась, как аркбутан, возле двери, чтобы легче было по ней молотить. Когда же дверь распахнулась, она сразу потеряла равновесие. Поначалу отпрянув, она застыла с вытаращенными глазами и разинутым ртом, а лицо медленно заливала густая краска.

— Заходите, мадам Бланшар, вы желанная гостья!

Она словно окаменела, разглядывая в упор мою наготу, не в силах издать ни звука. Конечно, это было жестоко: предстать голышом перед престарелой соседкой, но ее реакция подействовала ободряюще, и меня охватило чувство опасной игры.

— Заходите, пропустим по стаканчику!

— Я... я... нет... я не... ме... ме... месье... но... я...

Так она и стояла, как статуя, с багровым лицом, бормоча нечто несвязное и не сводя глаз с моего члена. Чтобы прийти в себя, ей понадобилось несколько минут, и наконец, хрипло извиняясь, она удалилась восвояси.

Больше она никогда не приходила и не жаловалась на шум.

21

Воскресенье, шесть утра. Звонок выдернул меня из глубокого сна. Нет ничего хуже, когда ты так хорошо разоспался, а тебя будят. На меня навалилась страшная усталость. Уже третья эсэмэска за ночь... Пощадите! Я больше не могу! У меня больше нет сил вставать. Я полежал немного, силясь разлепить глаза и не заснуть. Вся эта затея — сплошной кошмар!

Встать сейчас с постели — хуже смертной казни. Сон сковал меня. Я не могу курить каждый час днём и ночью. Это просто Голгофа какая-то. Раздосадованный, я повернул голову и взглянул на ночной столик.

Нет большей гадости, чем эта красно-белая пачка. Она так мерзко воняет...

Я протянул руку, порылся в пачке и вытащил сигарету. Встать и подойти к окну не было сил. Черт с ним, с дымом. Заверну окурок и пепел в носовой платок, чтобы, засыпая снова, не чувствовать мерзкого запаха остывшего табака.

Я достал коробок спичек. У меня очень красивый коробок, с Эйфелевой башней. Первая спичка сломалась пополам в моих занемевших пальцах. Вторая с треском загорелась, распространяя характерный запах. Это был единственный миг радости перед отбыванием наряда вне очереди. Спичка поднесена к сигарете, огонек коснулся ее кончика... Я потянул дым в себя, чтобы ее раскурить. Нёбо, гортань и язык как огнем обожгло. Табак оказался терпким и крепким. *Слишком* крепким. Я постарался скорее выдохнуть ядовитый дым. Но противное ощущение вязкости во рту осталось. Фу, какая гадость!

Я затянулся во второй раз. Дым обжег трахею, за ней жаром вспыхнули легкие. Я закашлялся, и сухой кашель только усилил противный привкус на языке. Мне захотелось плакать. Я так больше не могу, это выше моих сил. Хватит. Пощадите...

Я растерянно огляделся, ища глазами, что могло бы облегчить мои страдания, и взгляд мой упал на мобильник. Вот он, вестник всей этой мерзости, проклятых эсэмэсок от Дюбре... Дюбре! Я нервно протянул

руку и схватил мобильник. Быстро пробежавшись по кнопкам, перелистал журнал входящих сообщений... Глаза слезились, и я с трудом различал буквы. Наконец номер, с которого посылали эсэмэски, нашелся. Несколько секунд поколебавшись, я нажал на зеленую кнопку, поднес телефон к уху и с бьющимся сердцем стал ждать. Два гудка, три... Трубку сняли.

— Здравствуйте.

Голос Дюбре.

— Это я, Алан.

— Знаю.

— Я... я больше не могу. Перестаньте все время посылать мне эсэмэски. Я сдаюсь.

Молчание. Он не отвечает.

— Умоляю вас. Дайте мне передышку. Я не могу столько курить, слышите? Я видеть не могу ваши сигареты. Позвольте мне не курить...

Снова молчание. Он хоть понимает, что со мной творится?

— Умоляю вас...

Он наконец произнес очень спокойно:

— Хорошо. Если ты сам этого хочешь, я разрешаю тебе бросить курить.

Я не успел даже спасибо сказать, как он отсоединился.

У меня вырвался вздох облегчения, я был счастлив. Теперь можно было дышать полной грудью, и воздух казался мне сладким и легким. И я улыбался ангелам, один, в шесть утра, лежа в постели. И сердце мое наполнилось радостью, когда я загасил последнюю в жизни сигарету прямо о журнальный столик.

22

Дюбре начал с того, что отказался помогать мне подготовиться к назначенной встрече с Марком Дюнкером.

— Я понятия не имею о твоём офисе, так что ты хочешь, чтобы я посоветовал ему сказать? — заметил он.

Однако, уступив моим настойчивым просьбам, все-таки дал несколько подсказок.

— А в чем трудность? — спросил он.

— Дюнкер — человек неупорядоченный и злобный, он всегда готов тебя несправедливо упрекнуть. Если его о чем-то спрашивают или буквально пальцем тычут в недочеты, он нападает, только бы его не призвали к ответу...

— Понятно... А как вы, ты и твои коллеги, реагируете на упреки?

— Сопrotивляемся, доказываем, что это все неправда и его нападки несправедливы.

— То есть вы пытаетесь оправдываться?

— Конечно.

— Ну, тогда вы получаете ишаки!

— Не понял...

— Никогда нельзя оправдываться, если к тебе кто-то несправедлив, иначе тебе сразу сядут на шею.

— Так-то оно так, но что вы предлагаете взамен?

Он хитро на меня взглянул:

— Подвергнуть его пытке.

— Очень смешно.

— Я вовсе не шучу.

— Вы забываете одну маленькую деталь...

— Какую?

— Я не хочу потерять работу.

— А ты поступай, как инквизиторы в Средние века. Как они говорили, когда применяли к кому-нибудь пытку?

— Не знаю...

— *Он был подвергнут допросу с пристрастием.*

— Допросу с пристрастием?

— Да.

— А при чем тут мой шеф?

— Он тебя несправедливо отчитывает, а ты подвергни его допросу, засыпь вопросами...

— А конкретнее?..

— Вместо того чтобы оправдываться, назадавай ему кучу вопросов, и пусть оправдывается он! И не отставай от него. Это он, а не ты должен доказать, что его упреки обоснованны. Проще говоря, пусть он побудет ишаком...

— Понятно...

— Припри его к стенке. Спрашивай, на каком основании он так говорит, и не давай ему прятаться за общими словами. Копай под него, требуй точных данных, фактов. И если он действительно непорядочен, ему придется пережить скверные моменты. И знаешь еще что?

— Что?

— Самое пикантное — это то, что тебе вовсе не надо проявлять никакой агрессии. Если подойти умеючи, ты сможешь поставить его на колени мягко, вежливо, полным почтения голосом.

— Недурно...

— И если все сделаешь правильно, то есть шанс, что он оставит тебя в покое.

Я запросил встречу с Марком Дюнкером через секретаря. Факт редчайший, но секретарем у него служил мужчина, весьма благовоспитанный молодой англичанин по имени Эндрю. Когда его приняли к нам на работу, все просто ахнули. Дюнкер был настоящий мачо, и все ожидали, что он выберет какую-нибудь нимфетку в мини-юбке и при декольте, которая будет ему во всем подчиняться и ни под каким видом не даст забыть, что он альфа-самец.

Но выбор, несомненно, был не случаен: я подозревал, что Дюнкер комплексует по поводу своего крестьянского происхождения и недостатка воспитания. Секретарь-англичанин, которого он повсюду за собой таскал, компенсировал этот дефект имиджа своей элегантностью и изысканной вежливостью. Но вершиной его достоинств был отточенный слог и настоящий британский акцент. Словом, он, как ее величество королева Британии, облагораживал одним своим

присутствием, а мелкие недостатки только дополняли картину и прибавляли ей очарования.

В то утро я намеренно явился с пятиминутным опозданием, чтобы дать понять Дюнкеру, что не так уж ему и предан. Меня встретил Эндрю.

— Я должен вам сообщить, — сказал он со своим густым, хоть ножом режь, акцентом, — что господин Дюнкер еще не готов вас принять.

Нормально... Он ответил на мое опоздание еще большим опозданием. Во Франции время — инструмент власти.

Эндрю пригласил меня сесть на диванчик, обитый красной кожей, который резко выделялся на фоне белоснежной стены. Огромная комната напоминала зал ожидания, где томились посетители. У другой стены стоял стол англичанина, тоже обитый красной кожей, в цвет дивана. На столе царил идеальный порядок, каждый листочек на своем месте.

— Хотите кофе?

Я удивился, настолько вопрос не соответствовал облику англичанина, словно только что вышедшего из Букингемского дворца. Такой скорее должен бы предложить чай в китайском фарфоровом сервизе.

— Нет, спасибо... Хотя, пожалуй, да, я бы выпил кофе...

Эндрю молча кивнул и направился в угол комнаты, где стоял новехонький кофейный автомат из нержавеющей стали. Автомат зафыркал, и из него струйкой полился кофе. Одна капля имела неосторожность запачкать сверкающий металл. Эндрю тут же схватил салфетку и с проворностью ящерицы, языком хватающей комара на лету, убрал предательскую каплю. Металл снова обрел свой первозданный вид.

Он бережно поставил передо мной на низкий столик красную чашку, скорее претенциозную, чем красивую.

— Прошу вас, — сказал он и отошел.

— Спасибо.

Эндрю вернулся к своему столу и углубился в чтение какого-то документа. Он сидел очень прямо, высоко держа голову, так что только глаза смотрели вниз, на листок бумаги, отчего ему приходилось прикрывать веки. Время от времени он делал какие-то заметки на

полях документа ручкой с черным стержнем, потом положил листок точно на место, перпендикулярно краю стола.

Прошло несколько долгих минут. Тут дверь, отделявшая нас от кабинета Дюнкера, резко распахнулась, словно ее плечом пытался вышибить какой-нибудь начетчик, и президент ввалился в комнату, по инерции проскочив до середины.

— Кто писал этот отчет? — рявкнул он.

— Алиса, господин президент, — ответил Эндрю, не моргнув глазом.

Вторжение шефа не вызвало никакого выражения на его бесстрастном лице.

Прямо Джеймс Бонд, у которого ни одна волосинка не выбьется из прически, хоть все вокруг взлети на воздух.

— Но это, в конце концов, недопустимо! Она наделала кучу ошибок, которые все вместе перевесят ее задницу! Скажите ей, чтобы она перечитывала отчеты, прежде чем посылать мне!

Он швырнул документ секретарю, и листки рассыпались по столу. Эндрю быстро их сложил, и стол снова обрел безупречный вид.

Я сглотнул.

Дюнкер повернулся ко мне и неожиданно спокойно, с улыбкой, протянул руку:

— Добрый день, Алан.

И я вошел за ним в святая святых. Посреди просторной комнаты высился огромный треугольный письменный стол, одним из углов направленный на посетителя. Он уселся за стол и указал мне на кресло напротив, весьма изысканного дизайна, но до того неудобное...

Окно было открыто, однако звуки с улицы доносились приглушенно, словно им не позволялось долетать до последнего этажа офисного здания. Над крышами виднелся кончик обелиска на площади Согласия и в отдалении — вершина Триумфальной арки. До окна долетал легкий ветерок. Воздушная струя была прохладной, но начисто лишенной запахов. Какой-то мертвый ветер.

— Прекрасный вид, правда? — сказал он, заметив, что я смотрю в окно.

— Да, красиво. Но жаль, что на улице Оперы нет деревьев, — отозвался я, чтобы растопить лед. — Сюда доносился бы запах зелени...

— Это единственная улица в Париже, где нет деревьев. И знаете почему?

— Нет.

— Когда Осман ее проектировал по заказу Наполеона Третьего, он поддался уговорам архитектора, строившего здание Оперы. Тому хотелось, чтобы ничто не нарушало перспективу и не загораживало его творение, начиная с дворца Тюильри. Пространство должно быть открытым.

В кабинет влетела муха и завертелась вокруг нас.

— Вы хотели меня видеть, — сказал Дюнкер.

— Да, спасибо, что не отказались меня принять.

— Я вас слушаю. Чем могу служить?

— Я хотел бы поделиться с вами некоторыми соображениями, которые могли бы существенно улучшить работу офиса.

Он едва заметно приподнял брови:

— Улучшить?

Я разработал стратегию убеждения шефа, и состояла она в том, чтобы проникнуть и встроиться в его мир с помощью понятий «эффективность» и «рентабельность». Эти слова без конца слетали у него с языка. Ими были продиктованы все его решения. Я должен попытаться доказать ему, что мои соображения соответствуют его интересам.

— Да, существенно улучшить, на благо всех нас и во имя увеличения рентабельности офиса.

— Двое редко желают одного и того же, — заметил он, напустив на себя заинтересованно-насмешливый вид.

Сильно сказано.

— Ну, разве что скромный служащий захочет работать лучше...

Муха приземлилась на его стол, и он смахнул ее рукой.

— Если вы не ощущаете себя хорошо среди нас, Алан...

— Я этого не говорил.

— Не раздражайтесь.

— Я не раздражаюсь, — ответил я, стараясь казаться как можно спокойнее, хотя мне и хотелось вышвырнуть его в окно.

А если он попытается нарочно истолковать мои предложения вкривь и вкось, чтобы сбить меня с толку?

Не спеши с ответом. Помучай его вопросами. Вопросами.

— Впрочем, — снова начал я, — какова связь между моим мнением, что служащий может хотеть работать лучше, и вашей гипотезой, что мне здесь плохо?

Три секунды молчания.

— Мне кажется, это ясно. Разве нет?

— Нет. А что вы имеете в виду? — спросил я, изо всех сил стараясь принять любезный тон.

— Видите ли, внешние причины не объясняют скверных результатов.

— Но мои...

Не оправдывайся. Задавай вопросы. Спокойно...

— А у кого скверные результаты? — снова начал я.

На его лице появилось раздражение. Муха уселась на авторучку. Он опять ее согнал и сменил тему разговора.

— Ну хорошо, каковы же ваши соображения по поводу того, что именно можно улучшить?

Кажется, я одержал первую победу.

— Прежде всего, я полагаю, надо взять еще одну ассистентку, в помощь Ванессе. Она очень перегружена и, соответственно, находится в состоянии непрерывного стресса. Эта вторая ассистентка могла бы также печатать вместо нас наши отчеты. Я подсчитал, что консультанты тратят около двадцати процентов своего времени на заполнение отчетов о собеседованиях. Учитывая нашу среднюю зарплату, это нерентабельно для предприятия. Если бы у нас была вторая ассистентка, она бы стенографировала во время собеседования все, что нужно для отчета, а потом перепечатывала бы. А освободившееся время мы, консультанты, использовали бы для той части работы, которую можем выполнить только мы.

— Нет, каждый консультант обязан печатать отчеты сам, таково правило.

— Именно это правило я и ставлю под сомнение...

— При хорошей организации это много времени не занимает.

— Но логичнее было бы поручить эту работу тому, у кого ниже зарплата. А консультантам лучше бы заниматься делами, более рентабельными для предприятия.

— Как раз если принять еще одну помощницу, рентабельность резко упадет.

— Напротив, я...

Не спорить. Задавать вопросы.

— А что же может к этому привести?

— Придется увеличить зарплату обслуживающего персонала.

— Но когда консультанты освободят себе время от заполнения бумаг, у них сразу повысятся показатели. В конечном итоге предприятие выиграет.

— Я не думаю, что от этого сильно повысятся показатели.

— А что вас заставляет так думать?

— Всем известно, что чем меньше нагружаешь работника, тем меньше он делает.

Задавай вопросы. Вежливо и мягко...

— Всем известно? А кто эти все?

Несколько секунд он искал нужные слова, и глаза его забегали вправо-влево.

— Во всяком случае, я это знаю.

— А откуда вы это знаете?

Муха села ему на нос. Он согнал ее уже не на шутку раздраженным жестом.

— Я знаю, как это бывает!

— А вам уже приходилось экспериментировать?

— Да... то есть нет... Но я и без того знаю!

Чтобы у него не было ни малейшего повода упрекнуть меня в агрессивности, я напустил на себя донельзя простодушный вид: ну просто деревенский дурачок...

— Как же вы можете знать, если... не пытались экспериментировать?

Мне показалось, что у него на лбу блеснули капли пота, а может, это был плод моего воображения. Но в любом случае приемлемого ответа он не нашел.

— То есть, иными словами, если у вас много работы, то вы опустите руки и станете выполнять не все?

— Я — другое дело! — взорвался он, но быстро взял себя в руки. — Слушайте, Алан, я начинаю думать, что вы порядочный наглец!

Ну наконец-то! Я выдержал паузу.

— Наглец? — сказал я, поудобнее устраиваясь в кресле. — Вы же сами на днях показали всем, что у меня отсутствует уверенность в себе...

Он застыл на месте. На солнце набежало облако, и в кабинете стало чуть темнее. Где-то далеко завывала сирена «скорой помощи».

Он перевел дыхание:

— Послушайте, Гринмор, давайте вернемся к нашим баранам. По поводу вашего предложения реорганизации: пусть сначала отдел покажет результаты, а потом будем думать о новой помощнице!

— Да, конечно, конечно, — сказал я с самым что ни на есть вдохновенным видом. — А что, если именно появление новой помощницы заставит нас показать хорошие результаты?

Он снисходительно-высокомерно на меня взглянул:

— Вы видите проблему в мелкой перспективе. А я смотрю на нее стратегически, с позиции развития предприятия. И эта позиция не позволяет мне раздувать штаты... Вы не располагаете всей информацией, чтобы судить... вы не понимаете...

— Мне действительно трудно понять стратегию предприятия, поскольку простых служащих не посвящают в ее тонкости. Но знаете, я всегда полагаюсь на здравый смысл. И мне кажется, что любое предприятие нуждается в средствах для развития. Разве это не само собой разумеется?

— Вы забываете одну вещь, Алан. Очень важную вещь. Мы вошли на Биржу. И рынок не спускает с нас глаз. Мы не можем заниматься непонятно чем.

— Нанять человека для развития предприятия — это заниматься непонятно чем?

Муха вертелась вокруг нас. Дюнкер схватил со стола стакан, выплеснул воду в цветочный горшок и принялся разглядывать стакан.

— Рынок способен сделать прогноз на будущее, только анализируя результаты сегодняшнего дня. Инвесторы сразу же поинтересуются, действительно ли новый человек будет способствовать продвижению предприятия. С возрастанием штата снижается курс акций, это происходит автоматически. За нами пристально наблюдают.

И он показал мне вырезку из газеты. На ней красовался портрет журналиста Фишермана, злого демона Дюнкера, и статья касалась

нашей биржевой активности: «Определенный потенциал есть, но требуются значительные усилия».

Муха села на стол. Быстрым и ловким движением Дюнкер перевернул стакан, и муха оказалась в плену. По его лицу пробежала легкая садистская усмешка.

— У меня такое впечатление, что мы просто рабы курса акций. Ну, откатимся мы немного назад... Как на нас повлияет слабое повышение или понижение? Разве нам не наплевать?

— Вы так говорите, потому что у вас нет акций!

— Но для тех, у кого они есть, и для вас в том числе, важен ведь конечный результат. Если предприятие будет развиваться, курс акций так или иначе пойдет вверх...

— Да, но мы даже на короткое время не можем себе позволить держать акции, которые падают.

— Почему?

— Из-за риска предложения публичной покупки акций. Вы должны это знать, у вас ведь экономическое образование? Только высокий курс акций защитит нас от посягательства других предприятий их перекупить. А докупать дополнительные акции, чтобы не потерять контроля над компанией, слишком дорого. Вот почему для нас жизненно важно иметь постоянно растущий биржевой курс, причем растущий быстрее, чем у наших конкурентов.

— Но если это связано с такими рисками, зачем было размещать акции на Бирже?

— Чтобы быстрее развиваться. Как вам известно, когда предприятие входит в Биржу, оно получает деньги от всех, кто выразит желание стать акционерами. За счет этого финансируются проекты.

— Да, но если потом кто-нибудь примет здравые решения, позволяющие продвинуться в развитии, он получит результат, противоположный тому, на что рассчитывал, поскольку надо придерживаться политики роста курса...

— Это будет вынужденная антикризисная политика...

— Но мы не вольны поступать свободно! Фостери сказал, что мы не смогли открыть офис в Брюсселе, потому что прошлогодние прибыли пошли на дивиденды акционерам, а урезать результаты будущего года не хотелось.

— Да, но это другое дело. К курсу акций это не относится. Это требование наших акционеров.

— Почему? Ведь если осуществить определенные затраты на развитие, то мы получим прибыль не только в этом году, но и в следующем!

— У нас есть две группы крупных акционеров, которые требуют, чтобы не менее двенадцати процентов годовой прибыли им выплачивали в виде дивидендов. Это нормально: дивиденды суть вознаграждение акционерам. Они вложили деньги и должны их получать.

— Но если эти требования мешают росту их же предприятия, неужели им не подождать год-другой?

— Наши трудности их не интересуют. Они вкладывались не на длительную перспективу. Им надо, чтобы деньги возвращались быстро, и это их право.

— Но если нам в очередной раз придется принимать решения, невыгодные для нас самих, то...

— Да вот так, у нас нет выбора, настоящие хозяева — это акционеры.

— Поскольку их цель — вложиться на короткий срок и как можно быстрее получить прибыль, то им должно быть абсолютно наплевать, какова будет дальнейшая судьба предприятия.

— Это входит в условия игры.

— Игры? Но это не игра, это реальность! Здесь работают реальные, живые люди! Их жизнь и жизнь их семей зависит от успешности предприятия. И вы называете это игрой?

— А что вы хотите, чтобы я вам сказал!

— То есть в конечном итоге мы рабы не только курса акций, но и абсурдных требований акционеров, которые не прекратятся... А у вас не возникает впечатления, что все это — абсурд? Я решительно не вижу никакой выгоды в том, чтобы войти на Биржу. Вы могли бы развивать предприятие и без этого, если бы не приходилось реинвестировать из прошедшего года в будущий.

— Да, но не так быстро.

Быстро, быстрее... Я никогда не разделял этой одержимости скоростью. Почему все надо делать быстро? Кому это нужно? Вечно спешащие люди — уже мертвецы...

— Если откатываешься со своих позиций, зачем спешить?

— Надо снова занять доминирующее положение, чтобы его не заняли конкуренты.

— А иначе?

— Иначе будет трудно отвоевать у них пространство на рынке и улучшить свои показатели.

— Но ведь если мы будем развиваться спокойно и неспешно и повысим качество своих предложений, у нас появятся новые клиенты, ведь так?

Молчание. А может, Дюнкер сам уже задал себе этот вопрос?

— Да, но очень не сразу.

— Ну... а в чем проблема? Не понимаю, что мешает нам взять паузу, добиваясь хорошей прибыли?

Он поднял глаза к потолку.

— Кстати, о времени... Вот сейчас вы его у меня отнимаете. Делать мне больше нечего, кроме как философствовать...

И он принялся раскладывать по стопкам бумаги на столе, больше не глядя в мою сторону.

— Мне кажется, — сказал я, подбирая слова, — что всегда полезно немного отойти назад, чтобы... задать себе несколько вопросов по поводу смысла того, чем мы занимаемся.

— Смысла?

— Ну да, для чего все это и что это даст...

Муха кружилась под стеклянным колпаком.

— Не надо искать смысла там, где его нет. Вы сами-то верите, что жизнь имеет какой-то смысл? Выпутываются всегда самые сильные и хитрые, вот и все. У них и власть, и деньги. А тот, у кого есть власть и деньги, имеет в этой жизни все, что пожелает. Все очень просто, Гринмор. А все остальное — интеллектуальная мастурбация.

Я глядел на него в изумлении. Как можно хотя бы на секунду решить, что твоя жизнь состоялась, потому что у тебя есть власть и деньги? И до такой степени надо себя обманывать, чтобы быть счастливым только потому, что сидишь за рулем «порше»?

— Мой бедный Алан, вам никогда не узнать, до какой степени прекрасно могущество!

Перед таким утверждением я себя почувствовал просто инопланетянином... Это становилось забавным. В конце концов, разве

Дюбре не призывал меня влезать в шкуру людей, мне абсолютно противоположных, чтобы изнутри познать их мир?

— Значит, занимаясь вот этим всем... вы ощущаете себя... могущественным?

— Да.

— А если вы перестанете этим заниматься, вы почувствуете себя...

Дюнкер побагровел. А на меня вдруг напал смех. Я вспомнил фильм о бизнесмене, который из кожи вон вылезал на работе, чтобы компенсировать недостаточность по сексуальной части.

— Ну ладно, — сказал он, — что касается ассистентки, я говорю «нет».

Есть еще вопросы?

Я изложил ему еще несколько соображений, но успеха они не возымели.

Это меня не удивило, особенно теперь, когда я понимал, что им движет, и знал его «правила игры».

Тем не менее я задал ему еще один вопрос, на этот раз с просьбой объяснить.

— Я заметил в прессе много объявлений, которые опубликовало наше предприятие.

— Да, так оно и есть, — удовлетворенно хмыкнул он.

— Но на данный момент мне не поручали никого нанимать... Как такое может быть?

— Не беспокойтесь, это нормально.

— Как это, нормально?

— Поверьте, вы ничего не потеряете по сравнению с вашими коллегами. Задания будут распределены всем поровну. А теперь, Алан, я должен вас покинуть, у меня много работы.

И он подкрепил свои слова жестом, махнув рукой в сторону стопки бумаг на столе. Я не двинулся с места.

— Но в таком случае почему я не получаю больше заданий? В чем логика?

— Ах, Алан, во все-то вам надо вникнуть... Вы должны понимать, что в организации нашего типа всегда есть такие решения, о которых не следует кричать на каждом перекрестке. В данном случае, если опубликовано объявление, то это вовсе не означает, что за ним есть конкретное рабочее место...

— Вы хотите сказать, что мы публикуем... фальшивые объявления? Ложные приглашения на работу?

— Фальшивые, ложные... все это громкие слова!

— Но зачем все это?

— Нет, Гринмор, вы решительно не умеете мыслить стратегически! Я вам битый час объясняю, что для нас жизненно важно, чтобы наши акции поднимались в цене день ото дня. Надо бы вам знать, что рынок реагирует не только на реальные результаты. Существует еще и психологический фактор, представьте себе. На инвесторов действует благотворно, если они видят в газетах объявления о приглашениях на работу через «Дюнкер Консалтинг».

Однако я все еще не утратил иллюзий:

— Но ведь это непорядочно!

— Надо уметь отделяться от толпы.

— Вы публикуете фальшивые объявления специально для того, чтобы поддержать имидж и поднять курс акций? А... как же кандидаты?

— Строго говоря, для них ничего не меняется.

— Но они тратят время, чтобы выслать свои резюме, составить письма с мотивацией...

Вместо ответа он вздохнул.

— Не говоря уже о том, что чем чаще они получают отзывы о своей непригодности, тем больше теряют уверенность в себе!

Он закатил глаза к потолку:

— Алан, вам что, не терпится пополнить армию безработных?

Я застыл, пораженный тем, что услышал. Мне никак не удавалось понять, как можно до такой степени плевать на других людей, даже если они тебе и незнакомы... Встав со стула, я повернулся на каблуках и пошел к выходу. Зачем тянуть дальше? Ни к чему тут больше оставаться. Решения Дюнкера продиктованы логикой, в которой нет места искреннему желанию что-то изменить к лучшему.

Я сделал два шага и остановился. Как можно довольствоваться таким бессмысленным и бесчувственным взглядом на мир? Для меня это было настолько непостижимо, что я просто обязан был очиститься от всего и уйти с легким сердцем.

Дюнкер сидел с недовольным видом и не поднял глаз от стопки досье.

— Господин Дюнкер, и что, вот это все действительно делает вас счастливым?

На его лице появилось какое-то странное выражение, но он ничего не ответил, уставившись в бумаги. Мое время истекло. Может быть, ему впервые в жизни задали такой вопрос. Я посмотрел на него с любопытством и жалостью и снова направился к выходу по мягкому ковру, приглушавшему мои шаги. Дойдя до двери, я обернулся, чтобы закрыть ее за собой. Он по-прежнему пристально изучал документы и, наверное, уже забыл о моем существовании. Но взгляд у него был какой-то странно застывший, углубленный в себя. Потом он потянулся рукой к стакану и приподнял его.

Муха вылетела прочь и умчалась в окно.

23

В тот же вечер я сел на автобус и поехал в замок. Меня обуревали противоречивые чувства: с одной стороны, острое желание наконец заглянуть в загадочный блокнот, который, я был убежден, поможет мне разобраться в намерениях Дюбре. С другой стороны — страх. Мне было страшно забраться среди ночи в такое место, которое и днем-то производило сильное впечатление, и страшно, что меня застигнут на месте преступления...

Несмотря на поздний час, в автобусе было много народу. Рядом со мной сидела маленькая старушка, а напротив — здоровенный усач. Я поставил в ногах пластиковый пакет с купленной накануне бараньей ногой. Запах, поначалу еле уловимый, сразу заполнил пространство, и кончилось тем, что в автобусе невыносимо запахло сырым мясом. Старушка стала бросать на меня косые взгляды, а потом демонстративно отвернулась. Усач удивленно вытаращил глаза, и в его взгляде читалось явное отвращение. Я собрался пересесть на другое место, но вовремя спохватился: баранья ножка была сегодня моим «Closer». Не надо реагировать на косые взгляды. Удивительная штука жизнь: она совершенно неожиданно предоставляет нам возможности для роста.

И я остался на месте, стараясь расслабиться и не поддаваться охватившему меня стыду. В конце концов, никому не запрещается ездить в автобусе в компании бараньей ножки...

Я был до чрезвычайности горд своим решением, тем более что трижды в день мне предписано собой гордиться. Ладно, посмотрим, что я смогу еще прибавить сегодня к своим подвигам. Встречу с Дюнкером — несомненно! Правда, я ничего не добился, но мне хватило мужества ему противостоять и не оправдываться. У меня даже возникло впечатление, что тактика вопросов, предложенная Дюбре, немного расшевелила Дюнкера. Мне было чем гордиться.

Усач тем временем с подозрением вглядывался в мой пакет, видимо пытаясь угадать, что там такое. Может, он заподозрил, что я везу через весь Париж расчлененный труп...

Я вышел за остановку до замка, намереваясь пройти последнюю сотню метров пешком. Автобус отъехал, шум мотора затих, и квартал погрузился в тишину и покой. Теплый воздух был напоен легким запахом деревьев, которые словно дожидались ночи, чтобы отдать свой аромат. Я шел, сосредоточившись на предстоящей задаче, еще раз прокручивая в мозгу свой план, минуту за минутой. Двадцать один тридцать восемь. Первый шаг операции намечен через двадцать две минуты. Я надел темный спортивный костюм, который не стеснял бы движений и помогал оставаться незамеченным в темноте.

По мере того как я приближался к особняку, во мне нарастало дурное предчувствие, открывая путь сомнениям. Так ли уж мне надо прочесть то, что написано в блокноте? А что, если меня сразу схватят? Может, это чистое безумие: идти на такой риск? Страхи наперебой нашептывали мне, каждый свое: Дюбре что-то от меня скрывает, это ясно. Иначе зачем ему напускать столько тумана? Ведь он по натуре человек прямой и решительный. Почему бы сразу не ответить на мои вопросы? Мне надо все знать ради спокойствия душевного. И ради безопасности...

Я прибыл на место в двадцать один сорок семь, за тридцать минут до решающего момента, и устроился на скамейке на другой стороне улицы, положив пакет рядом. Квартал был пустынен. В середине лета его обитатели, наверное, разъехались на отдых. Я старался дышать глубоко, чтобы успокоиться.

Фасад особняка тонул в темноте. Тусклый свет уличного фонаря придавал ему мрачный вид. Замок с привидениями. Только окна большой гостиной, выходящие на одну из боковых сторон дома, были освещены.

В девять пятьдесят две я поднялся со скамейки. Под ложечкой противно засосало, когда я наискосок переходил улицу, давая себе фору во времени. Мне надо было держаться поближе к двери, но так, чтобы никто не решил, что я сижу в засаде, если меня случайно увидят соседи.

Девять пятьдесят восемь. Больше медлить нельзя. Пройдя вдоль решетки сада, я остановился, сделав вид, что завязываю шнурок, и посмотрел назад. Десять ровно. Никого. Я принялся отсчитывать секунды, и тут раздался щелчок электронного замка. Сердце мое забилось сильнее, я ускорил шаг, оглядываясь и проверяя, нет ли еще

кого на улице. Прошло меньше двух секунд — и я оказался перед черной дверью. Я достал из кармана маленький металлический прямоугольник, который раздобыл накануне в хозяйственном магазине, и прислушался. Никого. Я толкнул дверь, и она открылась. Нагнувшись, я сунул прямоугольник под дверной наличник. Пришлось повозиться, прежде чем он ровно встал на край. После этого я отпустил дверь и со сжавшимся сердцем наблюдал, как она закрывается. Дверь стукнула по прямоугольнику, и этот звук отдаленно напомнил мне клацанье замка. Я еще раз толкнул дверь, и, к моему огромному облегчению, она открылась. Прямоугольника хватило, чтобы не дать ей закрыться до конца. Я оставил в покое дверь, отошел на несколько шагов, удостоверился, что улица пуста, и снова перешел на другую сторону. Не успел я сесть на свою скамейку, как с крыльца послышались голоса: из дома выходили слуги. Они вышли на улицу и, кажется, ничего не заметили. Отлично. Распрощавшись, как обычно, они разошлись в разные стороны, и один из них направился к автобусной остановке. Десять ноль шесть. Пока все идет безупречно. Автобус будет через четыре минуты.

И тут на противоположной стороне улицы появилась дама с собачкой на поводке. Издалека было заметно, как огонек ее сигареты чертит дуги в темноте. За ней следом бежал пекинес, пыхтя и то и дело останавливаясь, что-то вынюхивая и подметая землю длинной шерсткой. Женщина затянулась сигаретой, отчего огонек стал ярче, и терпеливо ждала, пока песик закончит наслаждаться очередным запахом.

Десять ноль девять. С секунды на секунду должен был прийти автобус, но дама с собачкой мешала мне войти в калитку. Ничего не поделаешь... И надо же было, чтобы единственная оставшаяся в квартале обительница вышла на прогулку именно в том месте, где я нуждался в одиночестве...

Она находилась как раз напротив решетки сада. Время от времени она нетерпеливо поглядывала на застрявшего возле очередной собачьей метки песика и дергала за поводок. Издали казалось, что она тащит за собой швабру. Пекинес не собирался слушаться хозяйку, упирался всеми лапами, выгибался дугой и не желал сходить с места. Хозяйка сдавалась и снова затыгивалась сигаретой.

Десять одиннадцать. Автобус опаздывал. Слуга все еще ждал на остановке. Я тоже выжидал. Даже если автобус придет, еще добрых минут пять уйдет на то, чтобы дама с собачкой освободила дорогу. У меня совсем не оставалось времени. Видимо, миссию придется перенести...

Я уже начал думать о том, что завтра баранья ножка будет вонять еще больше, но тут послышался шум мотора. В тот момент, когда автобус подошел к остановке, чудеса продолжились. Дама взяла песика на руки и побежала к автобусу. Голова пекинеса болталась, как у тех пластиковых собачек, что модно было наклеивать в шестидесятые годы на заднее стекло автомобилей. Дама успела вскочить, двери закрылись, и автобус уехал.

Я был поражен... У меня вдруг появился выбор, но действовать надо было немедленно. Было десять тринадцать. Дюбре выпустит своего громилу через семнадцать минут. Время еще есть. Вперед.

Я рывком поднялся и перешел улицу. Напрягши все чувства, я замер перед дверью и легонько нажал. Дверь поддалась, как и раньше, и я скользнул внутрь. Сталин тут же вскочил и с лаем бросился в мою сторону. Я отпрыгнул в зону недосягаемости собачьих клыков и сунул руку в пластиковый мешок. Пальцы скользили по холодному куску мяса, и мне никак не удавалось его зацепить. Наконец я нащупал кость, ухватился за нее и вытащил баранью ногу из мешка, размахивая ею, как дубиной. Согнувшись, я застыл в позе покорности, протянув вперед руку с куском мяса. Сталин сразу перестал лаять, и зубы его вцепились в угощение. Я начал тихо говорить ему какие-то ласковые, успокаивающие слова. Бьюсь об заклад, что он принял бы этот подарок, даже если бы и видел меня впервые. Собаки тоже склонны к коррупции. Я быстро свернул пакет, сунул его в карман и вытер руки о штаны.

Трудно пройти вдоль дома без риска, что меня кто-нибудь увидит на фоне освещенных окон. Пришлось быстрым шагом пробираться в обход, за кустами.

Когда я, запыхавшись, обошел дом с другой стороны, меня ждал неприятный сюрприз: все окна второго этажа были закрыты, несмотря на жару и на то, что в комнатах наверняка стояла духота. Только в нижнем этаже, на уровне сада, виднелось несколько открытых окон, скорее всего, в гостиной.

Дело начинало становиться все более рискованным. Десять девятнадцать. Время пока есть, еще больше одиннадцати минут.

Я выбрался из-за кустов и, перебежав лужайку, крадучись подобрался к дому. Сердце отчаянно колотилось. Из дома слышалась музыка... Дюбре слушал фортепиано, Первую сонату Рахманинова, причем на полной громкости. Удача вернулась ко мне.

Я перевел дух и со все еще колотящимся сердцем скользнул в дом.

В воздухе реял опьяняющий аромат женщины... Дьявольски притягательный... Хозяин дома был в этот вечер не один...

Громкие звуки фортепиано долетали до отделанного мрамором холла, где я оказался. Большие люстры были погашены, но в подвесках играли лучи льющегося откуда-то мягкого света. От приоткрытой двери в гостиную по мраморному полу, как луч прожектора, шла длинная световая полоса, освещающая только определенную зону, как при киносъемке.

Путь к лестнице лежал через эту полосу, и меня могли заметить... Что же мне теперь, оказавшись у самой цели и потратив столько сил, отступить?

И тут произошло нечто удивительное: прозвучала фальшивая нота, и за ней ругательство на незнакомом языке. Ругнулся Дюбре. Прошло секунды две, и музыка зазвучала снова. Так это была не запись, это он играл? Вот так неожиданность!

Но запах духов...

Возможно, у него сидела гостья, которая могла меня заметить... Хотя если он играл для женщины, она, скорее всего, смотрела на него. Единственная слушательница должна была глаз не сводить с пианиста. Стоило рискнуть...

И я пошел на риск, не раздумывая, повинувшись инстинкту, находясь во власти колдовского аромата... сгорая от желания увидеть ту, которая его источала.

Со сжавшимся сердцем, я на цыпочках крался к лестнице, и каждый шаг приближал меня к опасному и чарующему открытию. Волнующая, потрясающая музыка Рахманинова заполняла пространство, проникая в самую глубину моей сущности. Сантиметр за сантиметром, мне постепенно открывался вид гостиной, и сердце билось все чаще, в такт дьявольским аккордам, которые извлекали из клавиатуры сильные руки пианиста.

Гостиная, с ее высоким лепным потолком, несмотря на огромные размеры, производила впечатление комнаты теплой и уютной. На паркете с версальским узором лежал разноцветный персидский ковер. У стен высились покрытые патиной времени большие книжные шкафы, где стояли книги в темных кожаных переплетах.

Я потихоньку продвигался, и вдруг моему взору открылась потрясающая картина. В гостиной все было несоразмерно огромное: диваны, обитые красным бархатом, канапе, глубокие и мягкие, как кровати, столики с резными выгнутыми ножками, высокие барочные зеркала, импозантные полотна знаменитых художников, где лица персонажей выступали, как из тьмы времен... По углам длинного черного стола высились стулья с двухметровыми, богато украшенными спинками. Две большие хрустальные люстры были погашены, но повсюду — на столиках, на столах, на всех выступах — стояли огромные, бесстыдно торчащие вверх свечи. Их неверное пламя играло на черном лаке столиков и... фортепиано. Фортепиано...

Дюбре, в темном костюме, сидел спиной ко мне, и руки его бегали по клавишам. Соната Рахманинова... А перед ним, на просторном ложе, покрытом черной тканью, лежала, уютно устроившись на боку, длинноволосая белокурая женщина... Абсолютно голая. Приподнявшись на локте, она подперла голову ладонью и рассеянно смотрела на пианиста. Я не мог глаз отвести от этой бесконечной грации и застыл, сраженный красотой, утонченностью и бесконечной женственностью незнакомки...

Время остановилось, и, наверное, прошла целая минута, прежде чем я осознал, что ее глаза повернулись ко мне и она молча меня разглядывает. Я понял ситуацию и сразу весь подобрался, в ужасе, что меня обнаружили, и в то же время взбудораженный и очарованный этими неотрывно смотревшими на меня глазами. Я застыл, не в состоянии двинуться с места.

Я так старался, чтобы меня не заметили, одевался в черное, крался на цыпочках, и вдруг оказался под пристальным взглядом, — на меня никто никогда так не смотрел. У этой женщины был взгляд сфинкса. Ни малейшего смущения собственной наготой, присутствием незнакомца мужчины, наоборот — она глядела на меня с апломбом и вызовом.

Я бы все, что угодно, отдал за то, чтобы вдохнуть аромат ее кожи... И по мере того как пальцы Дюбре бегали по клавишам, затопляя дом волнами мощных звуков, во мне росла уверенность, что она меня не выдаст. Хотя и казалось, что она вся целиком здесь, в настоящий момент и в своем собственном теле, я почему-то чувствовал, что она полностью отстранена от всего, что происходит и может произойти.

Отчаянно борясь с собой, я стал медленно отступать назад, и она, видимо расценив это как свое поражение, отвела глаза.

Я молча, все еще в полном смятении, поднялся по ступеням длинной лестницы, а образ незнакомки все стоял у меня перед глазами. Постепенно приходя в себя, я бегло взглянул на часы: десять двадцать четыре! Сталина спустят с цепи через шесть минут... Скорее!

Я проскочил полутемный коридор так быстро, как только позволяла необходимость двигаться бесшумно. Бледные тени подсвечников с угасшими свечами ложились на стены и ковры, придавая им мрачноватый оттенок.

Еще одна неверная нота, короткое ругательство — и музыка зазвучала снова. Быстрее, в кабинет! Я толкнул дверь и заскочил внутрь. Сердце сжалось.

Я сразу увидел блокнот. Он лежал рядом с ножом для разрезания бумаги, чье лезвие угрожающе упиралось в посетителя. С бьющимся сердцем я бросился к столу. Осталось четыре минуты... Это чистое безумие... Скорее!

Схватив блокнот, я подскочил к окну и в слабом свете луны открыл его в середине, наугад. Музыка Рахманинова, сопровождавшая меня от самого вестибюля, только усилила мой ужас. Блокнот походил на интимный рукописный дневник, каждый параграф начинался с даты, подчеркнутой карандашом. Иногда подчеркивание было особенно жирно. Я быстро пробежал его глазами, выхватывая куски то здесь, то там, разочарованный тем, что не могу прочесть все.

21 июля. Алан обвиняет других в том, что они посягают на его свободу, и не понимает, что он сам позволяет собой командовать... Он подставляет шею, поскольку считает себя обязанным соответствовать ожиданиям других, чтобы не быть изгоем. Он хочет добровольного порабощения, ибо в его натуре присутствует раб...

Когда Алан находится во власти неодолимого желания быть как все, не отклоняться от нормы, в его сознании доминируют сомнения.

Каждый параграф был снабжен комментариями обо мне и моей личности. Словно я какая-нибудь подопытная тварь под лупой исследователя. Я стал листать блокнот назад, и сердце у меня сжалось.

16 июля. Алан неожиданно вышел из такси, не доехав до конца, и хлопнул дверцей. Это говорит о том, что задание он выполнил.

Значит, за мной все это время следили... Мои догадки подтвердились... Но тогда... От этой мысли по спине прошла дрожь: а что, если он знает, что я нахожусь здесь?

Я быстро просматривал страницы... И вдруг понял, что фортепиано больше не играет. Особняк погрузился в гнетущую тишину.

Напоследок я перескочил сразу десять-двенадцать страниц, возвращаясь назад во времени.

Когда мои глаза увидели текст, сердце замерло и кровь застыла в жилах.

Я впервые встретился с Ивом Дюбре в тот день, когда собирался покончить с собой, прыгнув с Эйфелевой башни. Эту дату я никогда не забуду: она связана с болью, тоской и стыдом. *27 июня.*

Однако параграф, который я открыл, был датирован *11 июня!*

24

Я стоял, окаменев, с блокнотом в руке, и вдруг услышал у себя за спиной какое-то движение. Я обернулся: ручка двери медленно поворачивалась.

Бросив блокнот на столе, я быстро спрятался за штору, в страхе, что все пропало и меня обнаружили. Ткань была плотной, но сквозь переплетения нитей вполне можно было разглядеть, что происходит в комнате. Дверь приоткрылась, и в щель, пристально вглядываясь в полумрак, просунулось чье-то лицо.

Та самая женщина. У меня снова сжалось сердце. То, что она высмотрела в комнате, видимо, соответствовало ее ожиданиям, потому что она решительно толкнула дверь и вошла. Как была, голышом, утопая в мягком ковре маленькими, изящными ступнями, она шла прямо на меня. Я затаил дыхание.

Но она остановилась у стола, и я вздохнул наполовину облегченно, наполовину разочарованно. Глаза ее поблескивали в полутьме, она явно что-то искала. Я стоял менее чем в полуметре от нее. Она наклонилась над столом, протянув руку к блокноту, и груди ее слегка качнулись.

Ее запах будоражил, пробуждал чувственность, я умирал от желания. Мне было достаточно протянуть руку, чтобы коснуться ее кожи, и достаточно наклониться, чтобы прижаться к ней губами...

Она отодвинула блокнот, потянулась к стоявшей на столе квадратной коробке и достала оттуда огромную сигару.

Оставив коробку открытой, незнакомка, к великому моему облегчению, повернула к двери, зажав в тонких пальцах предназначенную для хозяина дома сигару.

Прежде чем пошевелиться, я отсчитал двадцать секунд. Десять двадцать девять. А что, если Дюбре захочет выпустить пса, пока дама отправилась за сигарой? Что же делать? Испытывать судьбу дальше или остаться в особняке на ночь и выйти рано утром, когда собаку опять привяжут?

Снова раздались звуки фортепиано... Я вздохнул с облегчением. Скорей, не терять ни минуты... Уходить прямо через окно. Я открыл

окно, подтянулся и вылез наружу. В сравнении с духотой кабинета воздух показался мне очень свежим. Я находился на первом этаже, но у меня под ногами был потолок вестибюля, и я оказался на карнизе четырехметровой высоты. Я медленно шел по карнизу, перекрещивая руки, как канатоходец или лунатик, стараясь изгнать из памяти неприятное воспоминание. Мне пришлось дойти таким манером до угла, а там можно было уже съехать вниз по водосточной трубе. Двигаясь быстрыми перебежками, я обошел сад кругом и возле собачьих будок вздохнул с облегчением: Сталин все еще грыз баранью кость. Увидев, что я вылезаю из кустов, он моментально вскочил и наострил уши. Я ласково позвал пса по имени, стараясь нейтрализовать его агрессивность, чтобы он не переполошил весь квартал. Он злобно зарычал, раздувая брыли и обнажив острые клыки, потом снова занялся костью, но глаз с меня не сводил. Неблагодарный.

В особняке зажегся свет. Быстрее! Я ринулся к калитке, потянул ее и... она оказалась закрытой, язычок плотно вдвинут в замок. Мой металлический прямоугольник валялся на земле перед дверью. Входя, я неосторожно отпустил дверь, поскольку сразу занялся собакой...

Я оказался в ловушке, как крыса. Меня вот-вот обнаружат, это вопрос нескольких секунд. Тревога и бессильная ярость охватили меня. Других выходов нет! Сад окружен оградой больше трех метров высотой, с острыми пиками по верхней кромке. И ни дерева, ни какой-нибудь стенки возле решетки, чтобы можно было использовать ее как подставку, ничего... Я перевел взгляд на Сталина. Он поднял голову, не выпуская из зубов баранью кость, и грозные клыки на миг сверкнули в темноте... А за ним виднелись четыре собачьих будки, выстроившихся в аккуратный ряд как раз вдоль забора...

Я сглотнул...

Дюбре говорил, что в мире бизнеса охотники никогда не выбирают дичь наугад. А в мире собак? Нападет на меня Сталин или нет? Ведь при первой встрече я его сильно испугался... Как он посмотрит, если я пойду на штурм его будок совершенно спокойно, без паники и даже... доверительно? *У меня нет другого выхода...*

Внутри меня зазвучал слабый голос, он еле слышно шептал, что я должен пойти на этот риск. Конечно, металлический прямоугольник выскочил из двери совершенно случайно, но еще Эйнштейн говорил, что случай — это бог, который путешествует инкогнито... У меня было

такое чувство, что жизнь посылает мне испытание, чтобы дать шанс измениться, и что если я не воспользуюсь выпавшим мне случаем, я навсегда останусь в плену собственных страхов...

Мои страхи... Сталин приводил меня в ужас. Интересно, сильно ли он разозлится, когда поймет, что я от него хочу? И что вызывает у меня страх — его агрессивность или бросок сам по себе? Хватит ли у меня мужества победить страх, обуздать его и выйти ему навстречу? Говорят, смелый умирает один раз, а трус — тысячи, от страха.

Я глубоко втянул в себя ласковый вечерний воздух и медленно его выдохнул. Потом еще и еще раз, опустив плечи и убирая все мышечные зажимы. С каждым вдохом я все больше расслаблялся и успокаивался. И наступил момент, когда я почувствовал, что пульс действительно замедлился.

Сталин — друг, чудный пес... Я чувствую себя прекрасно, я верю в себя... И я верю в симпатягу-пса... Я его люблю, и он тоже меня любит... Все идет отлично...

Я потихоньку стал продвигаться по направлению к первой будке, ровно дыша и все больше успокаиваясь... Все идет хорошо...

Я шел, не обращая внимания на пса, целиком сосредоточившись на цвете его будки, на теплом вечере, на мирном спокойствии сада...

Ни разу не взглянул я на Сталина, хотя боковым зрением и заметил, что он следит за мной глазами. Я старался думать о незначительных окружающих деталях и не утратить ощущения доверия и спокойствия. И когда я спокойно поставил ногу на крышу будки, милейший пес даже не поднял головы. Я перелез через решетку, спрыгнул с обратной стороны и скрылся в ночи.

25

Больше месяца я позволял незнакомым людям управлять своей жизнью. Я считал для себя делом чести соблюдать соглашение. На что я надеялся? Что Дюбре, как обещал, сделает из меня свободного, раскованного человека? Но как можно стать свободным, подчиняясь чужой воле? Я не желал замечать этот парадокс, не желал в него верить, ослепленный эгоцентрическим удовольствием от самого факта, что мной интересуются. А теперь я обнаружил, что сама наша встреча была не случайна. У этих людей были какие-то скрытые мотивы, о которых я не знал. Я бы еще понял, если бы Дюбре начал интересоваться моей судьбой после того, как снял меня с Эйфелевой башни: спасти чужую жизнь — все равно что грызть арахис. Вас непреодолимо тянет продолжать начатое дело. Но как объяснить то, что он начал составлять обо мне отчеты еще до нашего знакомства? Это несоответствие стало для меня источником тревоги, которая уже не отпускала. Я начал плохо спать по ночам, а днем стал беспокойным и рассеянным, меня мучило предчувствие, что должно случиться что-то еще.

У меня в голове постоянно звучали условия соглашения, как их сформулировал Дюбре: «Ты должен соблюдать договор, иначе тебе не жить».

И я молча, слепо ему подчинился. Эти слова вдруг всплыли в памяти, возвращаясь в глубины сознания, как бумеранг.

Моя жизнь была полностью в руках этого человека.

Поэтому он за мной и следил повсюду.

Но в таких условиях невозможно жить. Где бы ты ни находился: в метро, в супермаркете или на террасе кафе, разглядывая спешащих парижан, у тебя где-то в дальнем закоулке мозга будет биться мысль, что за тобой следят.

В первые же дни это вынудило меня изменить привычки: в метро я теперь выскакивал из вагона в последний момент, перед самым закрытием дверей, а из кинотеатра выходил через аварийный выход. Но все эти уловки не освобождали сознания, наоборот, только усиливали тревогу, и я решил от них отказаться.

От Дюбре не было никаких вестей, и это, вместо того чтобы вселить в меня уверенность, только подхлестывало воображение и удваивало вопросы. Узнал ли он о моем вторжении? Следили за мной в тот день или нет? Выдала или не выдала меня та голая девица? И как быть с соглашением, которое связывает меня с Дюбре? Отпустит он меня на свободу или только усилит давление? Я чувствовал, что он не из тех, кто легко сдается...

В воскресенье я весь день бродил по Парижу, стараясь забыть о безвыходном положении, в котором оказался. Я бесцельно кружил по улочкам округа Марэ, где средневековые дома так покосились, что невольно задаешься вопросом, каким святым духом они до сих пор держатся и не рухнули. Немного постоял под аркадой Вогезской площади, где раздавались звуки саксофона уличного джазиста. Потом сделал небольшой круг по улице Розье и зашел в настоящую еврейскую кондитерскую, сохранившую прелесть прошедших веков. Запах пирогов, только что вынутых из старинных печей, вызывал желание купить все сразу. Я вышел из кондитерской с еще теплым яблочным штруделем, который вдруг решил себе подарить, и не спеша двинулся дальше по мощеным улочкам, разглядывая симпатичных прохожих.

К вечеру я вернулся в свой квартал, совсем без сил, но довольный проведенным днем. Усталость от долгого пешего похода была приятной.

Проходя перекресток двух маленьких пустынных улочек, я вздрогнул: мне на плечо легла чья-то рука. Я обернулся. Надо мной нависла высокая, массивная фигура Влади.

— Идите за мной, — спокойно сказал он, ничего не объясняя.

— Зачем? — быстро спросил я, оглядываясь вокруг и удостоверившись, что мы одни.

Он не дал себе труда ответить и указал рукой на «мерседес», стоящий у тротуара. Тело его при этом осталось неподвижным, как скала.

Пуститься наутек у меня не было сил, кричать тоже не имело смысла.

— Но скажите: зачем?

— Приказ господина Дюбре.

Лаконичнее не скажешь... Я знал, что больше ничего из него не вытяну.

Он распахнул дверцу. Я не двинулся с места. Он стоял неподвижно, спокойно глядя мне в глаза, и в его взгляде не было никакой агрессии. Я нехотя забрался в машину. Дверца с сухим стуком захлопнулась. Я был в салоне один. Десять секунд спустя мы тронулись.

Едва я уселся на удобное сиденье, как мой страх сменился полным упадком сил. Я подчинился покорно и безропотно. Так пойманный полицией беглец, оказавшись в привычном фургоне, испытывает почти облегчение. Я зевнул.

Влади включил радио. Из громкоговорителя раздалась какая-то пискливая опереточная ария. «Мерседес» ехал по пустынным улицам, обитатели которых предпочитали летом Лазурный Берег или пляжи Атлантического океана. Мы миновали бульвар Клиши, тоже печально безлюдный. Редкие автомобили, несомненно, развозили по домам супружеские пары после воскресной прогулки. На светофоре загорелся красный. Рядом остановилось такси с пассажиром на заднем сиденье. Он, похоже, был занят витриной секс-шопа с манящими огнями. Влади снова тронулся с места и опустил стекло. В салон ворвался теплый ночной воздух, смешиваясь со звуками арии. Мы миновали перекресток и теперь ехали вдоль бульвара. Толпа туристов вывалила из автобуса возле «Мулен Руж».

«Мерседес» доехал до площади Клиши, но, вместо того чтобы повернуть к бульвару Батиньоль, в направлении особняка Дюбре, неожиданно свернул налево и взял направление на юг по улице Амстердам.

— Куда вы меня везете?

Ответа не последовало. Слышался только хрипловатый голос Фреда Астера в записи времен «Let yourself go».

— Скажите, куда мы едем, или я выпрыгну!

Никакой реакции. Я почувствовал недоброе.

Машина снова остановилась на светофоре. Я напрягся, готовясь выпрыгнуть, и дернул ручку двери. Она была заблокирована!

— Я поставлю защиту для детей, вы не выпадать ночью шоссе.

— Как это, ночью на шоссе?

— Мой совет спать. Машина всю ночь.

Я инстинктивно подобрался, меня охватила паника. Что значит весь этот бред? Надо поскорее отсюда сматываться!

Мы въехали на улицу Мадлен, потом повернули на улицу Руайяль. Ни одного полицейского, некому даже подать сигнал в окно. Окно... Ну да, оконное стекло! Я же могу выпрыгнуть в окно... В окне Влади стекло было опущено, и оттуда веяло ветерком. Вряд ли он успеет мне помешать, если я быстро открою свое. Я ждал, положив палец на кнопку. Мы выезжали на площадь Согласия. Влади повернул голову к фонтану Четырех рек, где баловались подростки, с визгом окатывая друг друга водой. Понимая, что разыгрываю последнюю карту, я нажал на кнопку, и стекло поползло вниз. Влади не реагировал. Я затаил дыхание. Возле Обелиска, перед поворотом на Елисейские Поля, автомобиль остановился.

Я попытался нырнуть в окно.

Меня крепко схватили за лодыжку и потащили назад. Я кричал, цеплялся за дверцу, пытаюсь зафиксировать торс снаружи, и отчаянными жестами старался привлечь внимание людей в стоявших рядом машинах. Но все пассажиры, как идиоты, уставились на освещенные Елисейские Поля и смотрели в другую сторону. Я лягался, кричал, молотил по кузову. Напрасно.

Влади удалось-таки втащить меня внутрь, при этом он чуть не оторвал мне ухо.

— Успокойтесь, да успокойтесь же, — говорил он.

Нет ничего хуже, чем такие увещевания, особенно из уст человека, у которого пульс не чаще двадцати пяти ударов, а ваш собственный зашкаливает за двести.

Я продолжал отбиваться, даже пару раз ударил Влади. Но потом, когда он силой втащил меня обратно, сдался и перестал сопротивляться. Дальше все замелькало очень быстро: Сена, Национальная ассамблея, бульвар Сен-Жермен, Люксембургский сад... А еще десять минут спустя огромный черный «мерседес», как хищная птица, понесся в ночи по южной автостраде.

26

Меня разбудили какие-то толчки. Я открыл глаза и рывком сел, не понимая, где нахожусь. «Мерседес» медленно полз по каменистой, очень ухабистой дороге. Влади даже не притормаживал перед кочками и выбоинами, и камни поблескивали в свете пляшущих фар.

Я изо всех сил пытался не заснуть, но долгий путь по ухабистой дороге меня доконал.

Во рту было сухо.

— Где мы? — с трудом выговорил я.

— Скоро приедем.

Автомобиль поднялся по сухому склону. Впереди не было видно никакого жилья. Только силуэты худосочных, скрюченных деревьев выделялись на фоне булыжника и пучков сухой травы. У меня возникло ощущение, что меня везут на каторгу.

Машина остановилась на площадке возле подножия холма. Дальше путь был усыпан камнями, свалившимися со щербатого дувала. Влади заглушил мотор, и все погрузилось в тишину. Какое-то время он сидел неподвижно, словно изучая местность вокруг, потом вышел. В открытую дверцу ворвался горячий воздух. У меня забилось сердце. Интересно, что нам надо в таком месте?

Он сделал несколько резких движений, разминая спину. Огромный, в темном костюме, он походил на какое-то ночное чудовище. Моя дверца открылась, и я вздрогнул.

— Выходите, пожалуйста.

Я вылез. Все тело болело. Его «пожалуйста» меня немного успокоило, но, когда я увидел, куда мы приехали, тревога возросла вдвое. Перед нами возвышались величественные и мрачные руины заброшенного замка. Полуразрушенные стены, освещенные снизу нашими фарами, тускло выделялись на черном небе. Зубчатая средневековая башня чудом держалась, не падая, на хрупком фундаменте с дырами от вылетевших камней. Мертвую тишину нарушали только мрачные крики ночных птиц.

— Пойдемте, — сказал Влади.

И мы пошли, лавируя среди разбросанных повсюду камней и кочек с сухой травой. Колючий кустарник цеплялся за одежду, не давая идти.

Настал мой последний час. Ясное дело, он собирается меня ликвидировать. Место безлюдное, никто ничего не увидит и не услышит. Не знаю, что меня пугало больше: мысль о скорой смерти или это жуткое место, достойное фильма ужасов.

Мы прошли несколько метров, и Влади обернулся:

— Поднимите руки.

— Что?

— Я вам говорю, поднимите руки, пожалуйста.

Этот гад хочет меня убить, как собаку, и еще при этом имеет наглость изысканно выражаться! В висках у меня застучало.

Я поднял руки.

Он подошел ко мне и обыскал, ощупав с головы до ног. Потом заставил вывернуть карманы и все из них вытащить. Он забрал бумажник со всеми документами, кошелек, чековую книжку, билетики метро, сунул все это в большой черный пакет и аккуратно застегнул пакет на молнию. Теперь уже никто не сможет опознать мой труп, а поскольку у меня нет семьи, то никто не заявит о моей пропаже. Видно, мне придется кончить свои дни в общей могиле.

Он огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что поблизости никого нет, и сунул руку в карман.

Я тоже бросил последний взгляд, чтобы унести с собой в небытие образ этого мира, но пейзаж был такой мрачный, что я предпочел закрыть глаза. Я изо всех сил старался забыть, что сейчас умру, и сосредоточил все внимание на том, что происходит внутри меня. Я вслушивался в свое дыхание, в биение сердца, ощущал мускулы, представлял себя со стороны, пытался охватить внутренним взором свое сознание... Снова пережить свою жизнь...

— Возьмите это...

Я приоткрыл веки. Он мне что-то протягивал. Во всяком случае, мне вроде бы не предлагали расстаться с жизнью...

— Держите же!

Я наклонился, чтобы в полутьме разглядеть, что он мне протягивает. Это была монета... Монета в один евро...

— Что это... что это такое... И что мне с этим делать?..

В этот момент какой-то гортанный писк заставил меня вздрогнуть. С башни, шурша крыльями, сорвалась стая летучих мышей.

А Влади невозмутимо продолжил:

— Возьмите, пожалуйста. Вы иметь на это право... Вот и все.

— Но я... я не понимаю...

— Месье Дюбре велел вам отдать генератор смелости наедине. Строго наедине. Это все. Евро... Месье Дюбре ждет вас сегодня в семь часов к обеду.

Вы быть вовремя. Месье Дюбре не любить опоздание обедать.

Завершив свою миссию, он повернулся ко мне спиной.

С меня свалился тяжкий груз. Внутри была пустота, ноги дрожали. Я поверить не мог... Если бы у меня были силы, я бросился бы ему на шею.

— Подождите!

Но он не обернулся, залез в машину и развернулся на площадке, подняв тучу пыли, которая вспыхнула в лучах фар. Черный «мерседес» умчался прочь, раскачиваясь во все стороны на ухабах. В воздухе снова повисла гнетущая тишина. Вокруг было темно — хоть глаз выколи. Я обернулся к замку и вздрогнул. В неверном свете заходящей луны он выглядел еще страшнее.

Только звезды, поблескивая в вышине, вносили в общую картину некоторое успокоение. От этого места веяло чем-то недобрым, и дело было не в том, что старые замки вообще вызывают тоскливое чувство. Я совершенно определенно знал, что эти развалины несут в себе мрачный заряд минувших страданий. Здесь происходили какие-то ужасные события, и камни хранят их следы. Я готов был поклясться.

Я устремился вниз по склону: хотелось скорее покинуть это место. Несколько раз я чуть не вывихнул ногу и, совсем запыхавшись, подбежал к последним жилым постройкам какого-то селения. Серые каменные дома были крыты круглой черепицей. Я замедлил бег, понемногу приходя в себя.

Ужасно захотелось есть. Не хватало еще об этом думать... Я не ел со вчерашнего утра, надеясь забежать домой пообедать. Жаль, что не забежал...

Я вошел в старую, еще спящую деревню. До восхода солнца делать тут было абсолютно нечего. Я уселся на каменную скамью и погладил руками ее шершавое сиденье, стараясь представить себе обитателей

этих домов, мирно спящих на грубых простынях, впитавших в себя запах солнца. И оттого что я жив и снова нахожусь среди людей, меня охватило счастье.

День наконец занялся, и вместе с ним проснулись восхитительные запахи раннего утра. Передо мной медленно открывался вид, от красоты которого захватывало дух. Деревня нависала над пропастью на обрывистом склоне горы, покрытом деревьями и зелеными травянистыми террасами. Передо мной лежала долина, а напротив, в нескольких сотнях метров, высилась еще одна гора, гораздо выше той, на которой я стоял. На ее склоне виднелась деревня со старыми домами из серого камня. И повсюду сквозь деревья, кусты и колючки просвечивал двухслойный сине-зеленый камень.

Встало солнце, озарив необычную красоту этого места и разбудив острый аромат зонтичных сосен, под которыми я расположился.

Я оглядел деревню. Надо было как можно скорее собрать информацию, необходимую для того, чтобы вернуться. По склону горы сбегала всего одна главная улица. Я сразу подпал под очарование этого места, с его характерными домиками, с его возвращающим к истоку покоем, который особенно остро ощущался после парижской суеты. По дороге мне не попалось ни души, хотя из открытых окон то здесь, то там слышались голоса с гортанным горским выговором.

За крутым поворотом я увидел кафе, располагавшееся в первом, если считать с долины, или в последнем, если считать со склона, доме. С его террасы открывался головокружительный вид, двери были широко распахнуты. Я вошел.

За столиками, покрытыми пластиком, сидело человек десять. При моем появлении разговоры сразу стихли. Усатый бармен лет пятидесяти вытирал за стойкой стаканы. Я прошел по залу, бросив короткое «здравствуйте», которое осталось без ответа. Все сразу погрузились в свои мысли, склонившись над бокалами.

Дойдя до стойки, я поздоровался с барменом, который ограничился тем, что поднял голову.

— Будьте добры, могу я попросить стакан воды?

— Чего? — громко спросил он, обведя взглядом зал.

Я обернулся и успел заметить насмешливые улыбки на лицах посетителей.

— Стакан воды. У меня с собой нет денег... А я умираю от жажды...

Он ничего не ответил, но достал с полки стакан, наполнил его водой из-под крана и со стуком поставил на стойку.

Я отпил несколько глотков. Тишина начинала давить, надо было растопить лед.

— Хорошая погода сегодня, правда?

Ответа не последовало. Я продолжал:

— Я думаю, очень жарко не будет...

Он насмешливо взглянул на меня, не отрываясь от протирки стаканов.

— Вы сами-то откуда будете?

Чудо! Он заговорил...

— Я... я оттуда, из замка... сверху. Я сегодня утром спустился.

Он обвел глазами остальных посетителей.

— Послушай, малыш, думаешь, ты нездешний, так поэтому тебе можно нас дурачить? Здесь все знают, что там никто не живет.

— Нет... Но... меня привезли в замок ночью, а утром я спустился, я это хотел сказать. Я не шучу.

— Ты ведь из Парижа, а?

— Ну да, можно так сказать.

— Из Парижа или нет, какая разница, если можно так сказать.

Он говорил по-местному, нараспев, поэтому невозможно было определить, раздражен он или нет.

— А этот замок... он очень старый?

— Замок... — произнес он, еще больше растягивая слова, — замок принадлежал... маркизу де Саду.

— Маркизу де Саду?!!

Я не смог сдержать дрожи.

— Да.

— А... где мы?

— В каком смысле, где?

— Ну... где мы находимся?

— Слушай, парень, скажи-ка, что ты еще пил, кроме воды, а?

— Да... ну, в общем... это сложная история... Так где же я нахожусь?

Он хитро улыбнулся и обвел глазами зал:

— Лично я нахожусь в Лакосте, в Любероне, а ты, наверное, на другой планете, малыш...

По залу пробежал смешок. Бармен был очень доволен собой.

— Люберон... Но ведь это в Провансе?

— Ну вот, когда хочешь, так все понимаешь!

Значит, Прованс... Это не меньше восьмисот или девятисот километров от столицы...

— А где ближайший вокзал?

Он снова оглядел зал.

— Ближайший вокзал вон там, в Бонньё, — сказал он, показывая на деревню на другом склоне горы.

Я был спасен. Час-другой пешком — и дело сделано.

— А вы знаете, когда ближайший поезд на Париж?

Зал взорвался хохотом. Бармен торжествовал.

— А что тут смешного? Он что, уже ушел?

Он посмотрел на часы. В зале снова засмеялись.

— Но ведь еще очень рано, — сказал я, — наверное, будут еще поезда. Когда уходит последний?

— Последний поезд ушел... в тысяча девятьсот тридцать восьмом.

Снова взрыв хохота. Я сглотнул. Бармен смаковал свой успех, и по этому случаю налил всем по стаканчику за счет заведения. Посетители вернулись к своим разговорам.

— Слушай, малыш, я и тебя тоже угощаю.

Он поставил передо мной на стойку рюмку белого вина:

— Твое здоровье!

Мы чокнулись. Я не стал ему говорить, что не пью натошак: с меня на сегодня хватило насмешек.

— Видишь ли, вокзал в Бонньё закрылся семьдесят лет назад. Все поезда на Париж теперь ходят от Авиньона. Ближе не найдешь, парень.

— А до Авиньона... далеко?

Он отпил глоток и вытер усы тыльной стороной ладони:

— Сорок три километра.

Немало...

— А автобусы туда ходят?

— По будням ходят, но не по воскресеньям, малыш. По воскресеньям тут, кроме меня, никто не работает.

Он поднес свой бокал ко рту. У него был забавный акцент, он растягивал все «е» и вставлял их даже там, где их не было.

— А... вы не знаете, кто бы мог меня туда отвезти?

— Сегодня? Знаешь, сегодня все сидят по домам, очень жарко. Выходят разве что в церковь. Ты до завтра можешь подождать?

— Нет. Мне непременно надо быть в Париже сегодня вечером.

— Ох уж эти парижане, вечно им некогда, даже по воскресеньям!

Я решил, что лучше будет ретироваться, и вышел, попрощавшись со всей компанией и на этот раз получив ответное приветствие.

«На Авиньон — налево и вниз», — сказал бармен, и я пошел в этом направлении ловить попутку...

Узкая дорога спускалась по склону холма в долину, петляя среди благоухающих кустарников.

Я оказался в Провансе! Прованс... Я уже давно о нем слышал, но он оказался гораздо красивее, чем я себе представлял. Мне виделась прекрасная, но иссушенная земля, а передо мной, насколько хватало глаз, расстилались ковры пышной зелени неслыханного богатства и разнообразия. Дубы, сосны с красноватыми стволами, сверкающими на солнце, кедры, буки... Прямо к небу взлетали голубоватые кроны кипарисов, а внизу теснились цветы чертополоха, дрока, густые заросли розмарина и еще каких-то цветущих кустарников, один ярче другого. Я с изумлением находил все новые и новые растения, и все они словно соревновались в яркой, кричащей красоте.

Солнце, все еще низкое, уже изрядно припекало, и жара будила и усиливала запахи, окружившие меня в этом раю.

У подножия холма дорога запетляла по долине среди рощ и фруктовых садов. Я шагал уже больше часа, а мне не попало ни одной машины. С попутками мне явно не везло... В желудке было пусто, чуть побаливала голова. Становилось действительно очень жарко. Надолго меня не хватит...

Прошло еще минут двадцать, и я услышал шум мотора. Сзади из-за поворота неспешно выехал маленький серый фургончик. Он был старенький, из тех ситроеновских малолитражек, которые я еще в детстве видел на картинках книг о Франции. Я бросился ему наперерез, раскинув руки. Взвизгнули тормоза, фургончик чихнул и остановился. На дороге сразу опустилась тишина. Из машины вышел водитель, маленький, начавший полнеть человек с седыми волосами

и красным лицом. Он был явно раздражен, что его остановили, и в гневе напустился на меня:

— Разве так можно? Что вы себе думаете, черт возьми! У меня не такие тормоза, как у «феррари», я же мог вас задавить! И кто потом чинил бы мне машину, я вас спрашиваю? Давно мне не попадались такие безбашенные...

— Мне очень жаль... Послушайте, мне во что бы то ни стало надо попасть в Авиньон. Я уже часа два иду по жаре и со вчерашнего вечера ничего не ел. Я больше не могу... Вы, случайно, не в этом направлении едете?

— Авиньон? Нет, я точно не еду в Авиньон. Что я там забыл, в Авиньоне?

— Ну, может, место, куда вы едете, ближе к Авиньону?

— Вообще-то, я еду в Пюивер... Это в том направлении, но я буду все время останавливаться, у меня дела...

— Это ничего! Главное — что вы меня немного подбросите. А потом я найду еще попутку...

Я видел, что он готов согласиться.

— Ну, если хотите... Только садитесь назад, у меня спереди все занято пакетами, и я не собираюсь их ворошить ради вас. Я вас в первый раз вижу...

— Супер!

Пассажирское место и вправду было загромождено. Мы обошли машину сзади, и он открыл двустворчатую дверь фургона.

— Залезайте и садитесь, — сказал он, указывая мне на два деревянных ящика, занимавших все пространство.

Едва я оказался внутри, как он захлопнул дверцы, и я очутился в полной темноте. Я кое-как, на ощупь, разместился на ящиках.

Водитель дважды пытался завестись, наконец мотор прочихался, и фургончик побежал по дороге, на ходу весь трясясь. Вокруг меня сильно запахло дизельным выхлопом.

Ну и натерпелся я! Моя импровизированная скамейка была странным образом наклонена, и при каждом повороте, ускорении или тормозе я норовил упасть. В темноте я старался нащупать бок ящика, чтобы за него зацепиться, но цепляться было не за что. Тогда я оседлал ящик и уселся на него верхом, взяв его в шенкеля и пытаюсь держать равновесие. Это было до того комично, что меня одолел сумасшедший

смех, и я никак не мог остановиться, трясясь всем телом и нюхая запах солярки. Наверное, первый раз в жизни я так хохотал в компании с самим собой...

Фургон остановился. Мотор затих, и я услышал, как хлопнула водительская дверца. И тишина, ни звука. Он что, забыл, что я тут сижу?

— Эй! Эй!

Никакого ответа.

Вдруг я услышал глухое жужжание. Странно, но шло оно откуда-то из-под машины... Снаружи послышались голоса. Когда сидишь в темноте, все звуки кажутся громче, чем на самом деле. Жужжание усилилось, и... оно исходило из ящика, на котором я сидел... Не может быть... о господи... Пчелы! Пчелиный улей!

Я резко вскочил и ударился головой в потолок. В этот момент передняя дверца снова стукнула, мотор чихнул, и фургон рванул с места. Меня бросило на заднюю дверцу, и я упал, зажатый между нею и ульем с пчелами.

Должно быть, мы съехали на проселок, потому что машину затрясло во всех направлениях. Она нещадно скрипела. Самое лучшее, что я мог сделать, — это оставаться в той же позе. Забота у меня была одна: чтобы меня не атаковали попутчики, сидевшие в ящике. Интересно, могут они выбраться оттуда или нет?

Мы снова остановились, и машину сильно тряхнуло. Снова стукнула передняя дверца. Я ждал. Двустворчатую дверь разом распахнули, и я вывалился на землю, прямо под ноги своему спасителю.

— Я сразу заметил, что от тебя пахнет вином. Не ел-то не ел, а выпить чуток не забыл, а?

Я поднял на него ослепшие от яркого света глаза:

— Это не то, что вы думаете...

— Я думаю то, что вижу, как святой Фома... скорее, то, что чую носом.

Я поднялся, усиленно моргая, чтобы привыкнуть к яркому свету. Мне открылся пейзаж ослепительной красоты. У наших ног простирались поля лаванды, синими волнами омывая подножия фруктовых деревьев, растущих по краям ложбины, где мы стояли, и уходя дальше вверх по склону. Аромат, исходивший от этой красы, был

такой, что я почти забыл, в каком щекотливом положении оказался. Но самым удивительным был оглушительный хор цикад. Такого я себе и представить не мог. В жарком воздухе, напоенном ароматами цветов, раздавался такой грохот, словно все цикады Прованса назначили тут свидание друг другу, чтобы меня приветствовать.

— Эй, отойди, у меня тут дело!

Он нырнул в кузов и вытащил оттуда один из ульев:

— Давай помогай, возьмем каждый по одному.

Я взял свой и понес его на вытянутых руках.

— Ставь вон там, — сказал он, указав место среди цветов.

— Так вы производите лавандовый мед?

— Черт возьми, ну ясное дело, не «Нутеллу»...

— Занятно... мне и в голову не приходило, что ульи снимают с места и переносят туда, где цветет лаванда.

— А ты что думал? Что им достаточно дать карту Мишлен и проинструктировать, чтоб не садились на другие цветы?

С этими словами он повернул обратно:

— А теперь давай выкладывай, чего это тебе так приспичило в Авиньон?

— Ну... это сложно объяснить. Скажем так, я принял вызов. У меня отобрали документы и деньги, и я должен любыми средствами добраться до Парижа. Чтобы пройти испытание, мне надо быть в Париже не позднее сегодняшнего вечера.

— Испытание? Это что, игра такая?

— В некотором роде...

Он искоса на меня взглянул, и в глазах у него загорелся огонек.

— Ага, я догадался, ты проходишь отборочный тур в телеигре «Коланта», да?

— Ну...

— Ясно! Когда я скажу Жозетте, она мне не поверит, черт возьми!

— Да нет...

— И если тебя отберут, то покажут по телику зимой!

— Подождите, я не...

— Она не поверит! Точно, не поверит!

— Послушайте...

— Погоди-ка, погоди-ка...

У него вдруг сделался вдохновенный вид.

— Слушай, а если я тебя отвезу в Авиньон, ты пройдешь отборочный тур?

— Да, но...

— Вот что я тебе скажу, малыш: я тебя отвезу прямо на вокзал, если взамен ты сделаешь несколько фото у меня в доме, для семьи. Что ты на это скажешь?

— Конечно сделаю, но...

— Всего несколько снимков — и едем на вокзал! Тебя выберут и потом покажут по телику!

— Не думайте, пожалуйста...

— Поехали! Поторопись, малыш!

Он снова открыл заднюю дверцу.

— Полезай назад, мне некогда перебирать пакеты на переднем сиденье, времени нет, ты принял вызов!

Я уселся на пол, довольный, что на этот раз поеду без попутчиков.

Фургон долго не заводился, потом задрожал и снова запрыгал на ухабах, отбивая мне бока.

Сквозь тонкую металлическую переборку до меня долетал голос: водитель разговаривал по мобильнику.

— Алло, Жозетта! Готовь аперитив, я везу кандидата на «Ко-Ланта». Да нет, говорю тебе, на «Ко-Ланта»! Алло? Его покажут зимой по телевизору. Ну да, правда! Найди фотоаппарат и проверь, есть ли в нем батарейки. Батарейки, говорю тебе, поняла? Предупреди Мишеля и позови Бабетту, пусть оторвет задницу от стула, если хочет попасть на фото. Давай, торопись. Алло?

О господи, он раззвонит сейчас по всему свету... И ведь все вранье... Что же я им скажу?

Примерно через четверть часа пути машина остановилась, и слышались оживленные голоса.

Дверца распахнулась, и, снова привыкнув к яркому свету, я увидел человек двенадцать, неподвижно стоящих кружком. Они выжидающе тарасились на меня, а я чувствовал себя дурак дураком, сидя на грязном полу этой скотовозки.

— Эй, слушай, — спросил меня водитель, — а как тебя зовут?

— Алан.

— Алан? Так зовут знаменитого американского актера. Для телика — то, что надо.

— Алан... — вдохновенным шепотом повторила беременная женщина, стоявшая в кругу.

Меня пригласили в дом, потом все собрались в саду возле мангала, от которого плыл аппетитный запах жареных сосисок. Очень даже аппетитный... Фотосессия началась. Что же я им все-таки скажу? Я был зажат, как в тисках: с одной стороны, надо быть искренним, с другой — не хочется разочаровывать этих людей, уже поверивших в свою мечту... Не говоря уже о предписаниях Дюбре...

Наверное, за всю мою жизнь меня столько не фотографировали. Я уже представлял себе, как моя физиономия будет красоваться на великом множестве каминных полок, в ожидании начала телеигры. Водитель торжествовал. Он жил сегодняшним днем. От непрерывной дегустации аперитивов лицо его краснело все ярче и ярче. Он уже трижды отклонял мою просьбу все-таки ехать на вокзал: «Потом, попозже».

Мне никак не удавалось поесть, меня все время теребили и просили встать слева от такого-то или справа от такой-то...

— Послушайте, — наконец взмолился я, — мне действительно пора ехать, иначе вся затея провалится.

— Погоди, ну погоди... Какие вы все торопыги, парижане!

Он взял телефон:

— Мама? Поспеши, я тебе говорю. И папе скажи, иначе он мне не простит.

— Нет, послушайте, — встрял я в разговор. — Так нельзя. В конце концов, надо держать слово...

Он пропустил мое замечание мимо ушей, но из красного стал малиновым.

— Парень, я тебя не заставлял садиться ко мне в фургон, правда? Сдается мне, что все было как раз наоборот: ты сам попросился. Ну так не будь неблагодарным, иначе не то что в Авиньон, вообще никуда не поеду!

А ведь, пожалуй, не поедет, черт возьми...

Как же его выманить из дома? Время шло, а я даже не знал расписания поездов. Может, уже поздно выезжать, даже чтобы попасть к семи вечера к Дюбре... Дюбре... Он говорил, что в жизни очень важно понять, что движет другим человеком... Но каким образом это применить здесь? Стоп, как он там говорил?..

Ты оттолкнешь — и тебя оттолкнут...

Не отталкивай, притягивай...

Тут же в голову пришла хорошая мысль, но... что-то мешало. До настоящего момента мне удавалось балансировать на грани недоразумения, но на явную ложь идти все-таки не хотелось. Ладно, попробуем подойти с другой стороны...

— Знаете, если мне в один прекрасный день удастся попасть на экран телевизора, у меня будет право пригласить одного, может быть, двух человек.

Он поднял на меня глаза, и взгляд его сразу стал очень внимательным.

— Однако, — снова начал я, — не хочу вас напрасно обнадеживать...

— Малыш...

— Нет-нет, прошу вас, не настаивайте...

— Если я тебя сразу отвезу на вокзал, пригласишь меня на съемочную площадку?

Тон его был таким серьезным, словно он спрашивал разрешения поставить свои ульи на моем лавандовом поле.

— Да... но мне не хочется прерывать ваш праздник...

Он повернулся к компании и зычным голосом объявил:

— Друзья, продолжайте без нас. Я скоро вернусь, только отвезу Алана в Авиньон. Ему надо пройти испытание.

Через полчаса я сел в поезд на Париж, желудок мой был по-прежнему пуст, на дне кармана болтался единственный евро.

Я хорошо знал: езда без билета грозила штрафом, но вот без документов можно было запросто загреметь в полицию...

У меня был план, который, за неимением лучшего, я собирался осуществить. Значит, так: я стою и смотрю, не идет ли контролер. Если он показывается в другом конце вагона, я быстро захожу в туалет и пережидая там, не запирая задвижки. Увидев, что туалет пуст, контролер идет дальше. Так я и сделал. Шли минуты, а я неподвижно стоял за дверью туалета, и ничего не происходило. Поезд покачивало, и держать равновесие было трудновато, да и запах...

Вдруг дверь распахнулась, и со мной, нос к носу, оказалась изумленная физиономия какого-то пассажира. А из-за его плеча выглядывала другая, усатая, несомненно, очень довольная. И

принадлежала она человеку в форменной каскетке цвета морской волны.

Нахмутив брови, Катрин чуть подалась вперед:

— Мне бы хотелось поговорить о том, как ты отучил Алана от курения.

Ив Дюбре откинулся на спинку глубокого кресла тикового дерева и с легкой улыбкой принялся покачивать стакан с бурбоном, где плавали кусочки льда. Он обожал возвращаться к своим опытам и комментировать их.

— Ты заставлял его курить все больше и больше, после того как он почувствовал отвращение к сигаретам?

— Вовсе нет, — отозвался он с удовлетворением человека, чьи приемы настолько гениальны, что их не в силах разгадать даже профессионалы.

— Ты менял вкус табака?

Он выдержал паузу, вместе с глотком бурбона наслаждаясь вниманием, с которым Катрин дожидалась ответа.

День выдался на редкость жаркий, и вечер сулил мягкую свежесть, которой они теперь беззаботно наслаждались, уютно расположившись в саду. Перед ними стояло блюдо с птифурами, один аппетитнее другого.

— Помнишь, Алан говорил нам, что для него большое значение имеет свобода. В глубине души он давно хотел бросить курить, но его удерживало то, что с сигаретой он связывал личную свободу. Все его так уговаривали бросить, что он не ощущал за собой свободы выбора. Ему казалось, что если он расстанется с дурной привычкой, то подчинится чужой воле.

— Ну да, его можно понять.

Катрин сосредоточенно его слушала, не отвлекаясь на сласти, стоявшие перед ней.

— Тогда я поменял ход событий: я сделал так, что для него курение сделалось фактором, навязанным извне. И свобода оказалась совсем в другом... Теперь жажду свободы он мог удовлетворить, только бросив курить.

Катрин ничего не сказала, но взгляд ее из внимательного стал восхищенным.

Когда инспектор Птижан был мальчишкой, ему нравилось по выходным и на каникулах следить на велосипеде за прохожими на улицах парижского пригорода Бур-ла-Рен. Все свои наблюдения он заносил в сброшюрованный спиралью синий блокнот, с которым никогда не расставался. Одни прохожие направлялись на вокзал. Он замечал время и сквозь решетку, загораживавшую пути, следил, сядут они в ближайший поезд или нет. А вдруг они повернут обратно, путая следы, а потом убьют соседа? Ведь это прекрасное алиби: тебя видели на вокзале как раз перед самым преступлением... Другие возвращались домой, и он задавал себе вопрос, с чего это они туда рвутся, когда на улице так хорошо? У них явно есть какие-то тайные мотивы. И он эти мотивы разгадывал. Так, так... Дама в широкой синей юбке, он ее видел на прошлой неделе. Посмотрим... Он листал свой блокнот и непременно находил информацию. Так она ходила в аптеку? Надо же! А зачем она вернулась туда сегодня? Два раза за несколько дней появиться в одном и том же месте — это подозрительно. А что, если она подыскивает какое-нибудь опасное лекарство, чтобы избавиться от мужа? Ну конечно, это же очевидно! Надо быть бдительным...

Когда же через несколько лет он провалил экзамен на юридический факультет, его постигло большое разочарование. Стремительная карьера в полиции, о которой он всегда мечтал, не состоялась. Но он был не из тех, кто отрекается от мечты своего детства. Ему не удалось войти через парадную дверь? Ну что ж, тем хуже! Он постигнет основы, а потом начнет подъем по лестнице успеха.

В полицию он поступил в качестве инспектора и был прикомандирован к Лионскому вокзалу в службу отлова безбилетников. Когда он в первый раз надел форму, он ощутил, что облечен великой миссией, словно забота о безопасности всей Франции легла на его плечи.

Когда же до него дошло, что роль его абсолютно бесполезна, он не позволил себе разочароваться: все это явление временное, не надо сдаваться! Правда, мрачность окружения вкупе с обветшалостью места

к хорошему настроению не располагали. Но он продолжал верить в удачу: его час придет!

Полицейский пост находился в нижнем этаже вокзального здания. Ни окон, ни выходов на улицу там не наблюдалось. Комнату тускло освещали несколько неоновых трубок за пожелтевшими пластиковыми плафонами, такими же ветхими, как унылая металлическая мебель середины прошлого века и как стены, которых будто вовсе не касалась краска. Прочно устоявшийся запах плесени только время от времени уступал место вони, доносившейся из соседних туалетов.

Но самым тяжелым моментом были его отношения с шефом, человеком на пороге пенсии, которого сломала система. Его отличало полное отсутствие мотивации, а единственной радостью было наорать на подчиненных и раздать указания, совершенно не задумываясь о том, как те будут их выполнять. Больше его ничто не интересовало, разве что порнографические журналы да бланки для участия в лотерее, которые он заполнял у себя в кабинете. В падавшем на них тусклом свете они выглядели такими же старыми, как мебель.

Инспектор Птижан дал себе слово никогда не поддаваться хандре и не впадать в бесцельное существование. «Тот день, когда ты перестанешь верить в себя, станет для тебя последним», — повторял он себе без конца. И отдавался душой и телом той работе, которую имел и которую ему доверяли, подвергая безбилетников допросам, достойным крупных полицейских расследований. Он вынуждал их обороняться, заставляя порой сознаваться в каких-нибудь мелких преступлениях и раскрывать свои тайные замыслы. Это был его конек. Пользуясь тем, что его практически никто не контролирует, он проводил настоящие расследования, порой намного превышая свои полномочия. Большинство нарушителей были студенты, единственную провинность которых составлял сам по себе безбилетный проезд. Большинство из них «кололись» в ходе допроса, и Птижан был убежден, что это неизбежный результат его профессионализма. Но попадались и такие, которые потом жаловались шефу, но он их знать не знал, и ему до них не было никакого дела.

В этот день инспектор Птижан пребывал в особенно дурном расположении духа. Его уже третье воскресенье подряд заставляли дежурить, и он начал чувствовать, что нарывается... в результате собственного рвения.

В соседней комнате резко и громко зазвонил старый телефонный аппарат. Шеф молча снял трубку, выслушал, потом задал несколько неизменных вопросов:

— Поезд? Платформа? Время прибытия?

Грубо бросив трубку, он заорал через дверь:

— Птижан! Девятнадцатый путь! Марсель! Восемнадцать ноль две!

Ничего не сказав, инспектор отправился на девятнадцатый путь. Терпение и мужество. Он был уверен, что однажды задержит преступника, выявив его тайные замыслы. Тогда признают его талант следователя, тогда начнется его головокружительная карьера.

Кожа мягких, глубоких кресел чуть скрипнула под их тяжестью, приглашая расслабиться. Они безмятежно ждали, когда официант отеля «Интерконтиненталь» закончит их обслуживать.

— Если вам что-нибудь понадобится, прошу вас, звоните, месье Дюнкер, — прошептал он перед тем, как исчезнуть.

Дверь отдельного кабинета, обитая коричневой кожей, бесшумно закрылась, и от движения воздуха по комнате поплыл запах коньяка. Марк Дюнкер огляделся вокруг. Роскошные книжные шкафы красного дерева были заставлены рядами книг в красных кожаных переплетах. Пожалуй, они блестели слишком ярко, чтобы производить впечатление старинных. Торшеры на золоченых ножках с опаловыми зелеными абажурами излучали изысканный свет, не нарушая интимного полумрака помещения.

Он выбрал это место по совету Эндрю. Оно находилось неподалеку от бюро, возле площади Оперы, и располагало, по его мнению, к почтительной сдержанности английского стиля общения, если таковой вообще существует, и сулило благоприятные переговоры. Троица собиралась здесь уже в пятый раз, и Дюнкер был доволен выбором. Особенно ему нравились огромные кресла, в которых оба его главных акционера тонули с головой, а он благодаря своему сложению получал преимущественную позицию и возвышался над ними, красуясь мощным торсом. Он был убежден, что такая конфигурация имела немалое значение в переговорах.

— Итак, мы определились, — сказал тот, что потолще, и бросил взгляд на второго.

Он говорил, улыбаясь и время от времени поднимая брови, и от этого на его почти лысый череп набегали складочки. Дюнкер считал, что тот недаром носит фамилию Пупон^[9]. Давид Пупон. Маленький толстячок. Однако, несмотря на почтенный возраст, в нем и вправду было что-то от большого, улыбчивого и дружелюбного ребенка, и Дюнкера это отпугивало. Он опасался таких людей и предпочитал Пупону второго акционера, Розенблака. Тот был не так благодушен и более сух в общении, но зато играл в открытую. Он не предпринимал

никаких усилий, чтобы скрыть полное отсутствие интереса к личности Дюнкера, и не поднимал глаз от документов, которые держал на коленях и небрежно перелистывал, постоянно почесывая густую шевелюру за правым ухом.

Дюнкер сощурился, сосредоточив взгляд на говорившем, а Давид Пупон продолжал:

— Мы пришли к заключению, что как для инвестиционных фондов, в которых председательствую я, так и для пенсионных фондов, которые возглавляет наш друг, — тут он бросил взгляд на погруженного в бумаги Розенблака, — требуются отчисления в пятнадцать процентов от прибыли, а ожидаемый рост акций на бирже составит на этот год около восемнадцати.

Свои требования он озвучил все с той же мерзкой улыбочкой.

Дюнкер молчал, не сводя с него глаз и выжидая, пока он закончит. Потом не спеша отпил глоток коньяка. Он знал, какую силу имеет молчание, если кто-то ждет, что ты скажешь.

— Я бы не стал брать на себя обязательства отчислять восемнадцать процентов, поскольку, как вам известно, не владею всеми параметрами. И потом...

Он отпил еще глоток, держа собеседника в напряжении:

— И потом, есть один журналистишка, некто Фишерман, который копает под нас и болтает всякую чушь за нашей спиной. К несчастью, на финансовом рынке к его анализу прислушиваются...

— Мы убеждены, что вы способны справиться с подобной ситуацией. Именно по этой причине мы и решили на последнем собрании поставить вас во главе предприятия.

Дюнкер получил ясную, едва завуалированную угрозу, высказанную с улыбкой.

— Вы не хуже меня знаете, насколько непредсказуемы журналисты. Фишерман поначалу рассыпается в комплиментах, а затем на протяжении всей статьи утверждает, что работа наших команд малоэффективна. Разумеется, это утверждение совершенно ошибочно. Я на них давлю, и они вкалывают вовсю, — заявил он с гордостью капитана, принявшего команду под защиту.

— Нет дыма без огня, — заметил Розенблак, не поднимая глаз.

Дюнкер, не скрывая раздражения, отпил еще глоток. Что за мука давать отчет людям, которые ни черта не смыслят в твоей работе и

даже не знают, что это такое!

— Действуйте, — сказал Пупон, — я уверен, что вы найдете выход.

— У меня есть идея, но для начала я должен заручиться вашей поддержкой, поскольку она не останется без последствий.

— Ага! Все видите, когда хотите...

Толстяк Пупон был явно доволен своей проницательностью. Он заерзал в кресле, устраиваясь поудобнее, как в кино перед началом сеанса.

— Моя идея состоит в том, чтобы искусственно завысить цифры результатов.

Розенблак наконец поднял на него угрюмый взгляд, как пес, лежащий в углу у огня и задающий себе вопрос, а не ослышался ли он и действительно ли хозяин произнес это сладкое слово «гулять».

— До настоящего времени, — объяснил Дюнкер, — прежде чем подписывать контракт, мы строго следовали процедуре проверки платежеспособности клиентов. Если у них обнаруживались финансовые затруднения, мы требовали весь гонорар вперед, что, естественно, редко принималось. Если же мы изменим это правило и станем закрывать глаза на финансовое положение новых клиентов, то получим немедленный рост показателей на двадцать процентов.

Внимательно слушающий Пупон глядел заговорщицки, сторонник политики выжидания Розенблак — скептически.

— Я подсчитал, — продолжал Дюнкер, — что мы рискуем получить примерно тридцать процентов неплательщиков, что не так страшно по двум причинам: во-первых, Биржа следит только за цифровыми показателями и ей все равно, есть неплательщики или нет. Во-вторых, наши консультанты получают комиссионные не за реализованные, а за оплаченные сделки. Нет оплаты — нет комиссионных. Следовательно, они будут на нашей стороне. А в общем и целом никто много не потеряет, и акции поползут вверх...

— Блестяще, — произнес Пупон.

Розенблак скорчил гримасу и с одобрительным видом покачал головой.

— А как насчет пятнадцати процентов отчислений? — спросил он.

Дюнкер снова медленно отпил глоток коньяка.

— Меня это устраивает, — процедил он сквозь зубы.

Пупон улыбнулся:

— Великолепно! Тогда у меня для вас плохая новость: в этом году вы пока не получите парашюта в три миллиона евро, предусмотренного в контракте на случай нарушений.

Все рассмеялись, причем Розенблак с явным усилием. Бокалы со звоном чокнулись.

— Ладно, — сказал Пупон, — вы, наверное, считаете нас чрезмерно требовательными, но так устроен мир: вы требуете со своих сотрудников, мы требуем с вас, а наши клиенты требуют с нас. Всегда кто-то оказывается сверху, не так ли?

30

— Я вам не верю. Ни на секунду.

Эти слова прозвучали как приговор, который обжалованию не подлежит. Потом повисло тяжкое молчание. Под потолком тускло горели неоновые лампы.

— Но это правда, — растерянно пролепетал я.

Инспектор Птижан ходил взад-вперед по кабинету. Я кое-как устроился на маленьком, очень неудобном школьном стульчике. Кабинет нагонял на меня тоску... Отчаянно хотелось есть. И все мне до чертиков надоело.

— Начнем все сначала...

— Это уже в четвертый раз...

Я снова принялся отвечать на его вопросы, стараясь говорить как можно более расплывчато. Я пытался заставить его поверить, что должен исполнить данное обещание, что я стал жертвой розыгрыша. Но этот парень был слишком деятельным и принимал все слишком всерьез. И все это для того, чтобы проехать без билета? Мне что, делать больше нечего? Кончилось тем, что он буквально расстрелял меня вопросами, и мне пришлось чуть-чуть ему рассказать о моих взаимоотношениях с Дюбре. Однако я чувствовал, что он только укрепляется в своих сомнениях. Он наотрез отказывался мне поверить. Я прилагал все усилия, чтобы убедить его в своей доброй воле, но чем больше аргументов я приводил, тем больше он сомневался в моих словах.

— Вы утверждаете, что следовали указаниям человека, с которым незнакомы, который желает вам добра, но вызывает у вас страх. Он отобрал у вас все документы и деньги и увез на «мерседесе» на другой конец Франции с целью развить вашу способность выпутываться в сложной ситуации. Так?

— В общих чертах.

— И вы полагаете, я клюну на этот трюк? Да с тех самых пор, как я занимаюсь работой в полиции, я не слышал ничего более смехотворного!

Мне никак не удавалось его убедить. Придется провести здесь весь вечер, а может, и ночь...

Надо подойти к нему с другой стороны... Как же заставить его поверить, что я не злодей?

Если ты жмешь, он сопротивляется... Измени ход дела, поверни в обратную сторону...

У меня мелькнула мысль...

— Тут есть еще кое-что... — заявил я исповедальным тоном.

Он не смог удержаться от еле заметной усмешки, видимо, был уверен, что я вот-вот «расколюсь».

— Что?

Я выждал несколько мгновений:

— О... нет, я никогда вам не скажу...

Он удивленно посмотрел на меня:

— Почему?

Я отвел глаза:

— У меня нет уверенности.

Он залился краской:

— Как это... как это — нет уверенности?

Я выдержал максимально возможную паузу:

— У меня... нет уверенности, что вы меня выслушаете.

— А что вы мне такое расскажете? — пробормотал он, все больше и больше краснея.

Я отвел глаза и с печальным видом уставился в пол:

— Это... интимная история, и мне не хочется, чтобы ее слушал тот, кто даже не дает себе труда сесть, чтобы ее выслушать.

Он сглотнул.

— И во всех случаях... это ничего не даст, поскольку вы не желаете меня выслушать.

Прошло несколько секунд. Я на него не смотрел, но чувствовал, что он не сводит с меня глаз и лицо его по-прежнему красное. До меня долетал звук его дыхания.

Он сел.

Молчание тянулось долго. В комнате все замерло, даже воздух, казалось, сгустился.

И тут я решил выложить свои карты.

— Не так давно я предпринял попытку самоубийства. Этот человек случайно оказался рядом... ну, по крайней мере, я так думаю. Он спас мне жизнь, но взамен взял с меня обещание подчиняться всему, что он прикажет... Ради моего же блага...

Он слушал молча.

— Что-то вроде договора, — снова начал я. — И я согласился.

Добровольно.

В кабинете было жарко и душно. Мне не хватало воздуха.

— И вы действительно выполняли... все, что он скажет?

— Можно сказать, да.

— А вы отдаете себе отчет, что, прикажи он вам нечто противозаконное, отвечать придется вам?

— Он никогда ничего такого не приказывал. И он не велел мне садиться в поезд без билета. Дело тут в другом...

— И все-таки не могу понять, почему вы подчинялись его требованиям. В конце концов, вы могли расторгнуть соглашение. Да любой на вашем месте так и сделал бы...

— Я часто об этом думал. Не знаю... я считал, что должен держать данное слово.

— Ну, ну, времена Трех Мушкетеров давно миновали! Верность слову — это прекрасно, но и свой интерес в игре надо блюсти!

— До последнего случая все, что он требовал, было трудновыполнимо, но много мне дало: я почувствовал, что развиваюсь...

— Не вижу, что это вам могло дать, кроме неприятностей.

— Знаете, я был очень одинок, когда его встретил... И потом... ведь всегда приятно, когда вы кому-то интересны, когда вами кто-то занимается...

— Послушайте... Ведь он заставил вас дать слово, когда вы были слабы, в отчаянном положении. Теперь вы у него в руках, и если он прикажет, вы испустите дух, так, что ли? Но такими способами орудуют секты!

— Нет, это как раз меня не пугает. И заметьте, секты прежде всего интересуются вашими деньгами. Он ничего такого не требует. Ну, судя по тому, что он уже в возрасте и достаточно богат, вряд ли ему что-то от меня нужно...

— То есть он все это делает ради ваших прекрасных глаз? Ну-ну!

— В этом-то все и дело. Мне непонятен его мотив. Недавно я обнаружил, что он следил за мной задолго до... встречи на Эйфелевой башне.

— И он не случайно появился именно в день вашей...

— Попытки самоубийства. Получается, что не случайно. Но я готов поклясться, что раньше его никогда не видел. И не знаю, зачем он следил за мной до этого дня. Я этого объяснить не могу, и это... меня угнетает.

Старая неоновая лампа мигала и потрескивала: вот-вот погаснет. Инспектор смотрел на меня с тревогой. В начале допроса он оттолкнул меня, а теперь проявил даже некоторую симпатию. Я чувствовал, что ему безразлична моя судьба.

— Вы можете мне чем-нибудь помочь? — спросил я.

— Абсолютно ничем. Если нет преступления, то и следствие нельзя начать.

— У него есть блокнот, и там записи обо мне. Эти записи доказывают, что он за мной следил.

— Если блокнот у него, у меня нет к нему доступа. Для этого нужна санкция на обыск, но ни один судья ее не даст, потому что нет факта преступления. И потом, никому не запрещено за кем-либо следить. Все мальчишки, к примеру, за кем-нибудь следят.

— Знаете, самое сложное в этой истории то, что я пребываю в сомнении и какая-то часть меня даже чувствует вину... потому что я вам все рассказал.

— Не улавливаю вашей мысли...

— У меня нет стопроцентной уверенности, что у него дурные намерения. Я, конечно, испугался, когда обнаружил, что он и раньше за мной следил. Но если не принимать это во внимание, то мне его не в чем упрекнуть. Если рассуждать объективно, он не нанес мне никакого вреда...

— Слушайте, но ведь не исключено, что это просто старый чудак, который неведь что о себе воображает и тешит себя ролью спасителя и наставника. Проще всего, наверное, сказать ему, что у вас нет настроения продолжать игру. Вы расторгаете договор и говорите: «Спасибо за все, прощайте». И весь разговор.

— Невозможно.

— А что вам мешает?

— Я вам не сказал, но... в нашем договоре ставка на жизнь...

— Как это — ставка на жизнь?

— Я принял условие, что в случае неповиновения я расстаюсь с жизнью.

Он посмотрел на меня ошарашенно:

— Это что, шутка?

— Нет.

— Ну ладно, вы приняли условие, и это все, что вы мне хотите сообщить?

— Надо вспомнить, в каком контексте...

— Да вы такой же чудака, как и он! Тогда не просите меня вам помогать!

— Я не мог знать, что...

— Во всех случаях вы дали только устное обещание. Доказательств нет, и я ничего не могу сделать.

— Но вы же не можете оставить меня в опасности, ведь вы знаете ситуацию!

— Вы что, думаете, что налогоплательщики наймут вам агента для сопровождения днем и ночью, пока этот тип действительно не нападет на вас? У нас и на реальные преступления средств не хватает.

Он сказал это с упреком, но, несмотря на явное раздражение, в его тоне чувствовалось, что ситуация его взволновала.

Я взглянул на стенные часы:

— Ну хорошо, тогда, по крайней мере, выпустите меня, я должен быть у него в девятнадцать ноль-ноль.

Он задумчиво на меня посмотрел, потом вдруг резко вскочил с озабоченным видом:

— Послушайте... а чем вы докажете, что все это... не ерунда и что вы не сочинили эту историю, чтобы вас отпустили домой?

Он нахмурил брови, и лицо его снова залилось краской.

— Если вы мне не верите, проводите меня к нему.

Такого ответа он явно не ожидал. Он застыл на месте, а глаза перебегали с меня на часы.

— Где это?

Я порылся в кармане и вытащил визитную карточку Дюбре, изукрашенную, из бристольского картона, выделанного под старинную ткань. Он ее схватил и быстро пробежал глазами.

— Шестнадцатый округ?

Он помедлил, потом подошел к двери на другом конце кабинета и тихонько постучал.

— Разбирайтесь сами, как хотите, Птижан! — рявкнул из-за двери чей-то голос.

Инспектор с минуту размышлял, явно раздираемый противоположными чувствами, потом открыл металлический стенной шкаф и достал ключи от машины.

— Поехали!

Часом позже инспектор Птижан осторожно положил ключи обратно в шкафчик. Его начальник, закрывшись в своем кабинете, так ничего и не заметил.

Нельзя было терять ни минуты. Дело, которого он ждал месяцы, само шло ему в руки, причем как раз так, как он и мечтал. Интуиция кричала об этом, он был в этом убежден: дело того стоило. Парень не врал. Он действительно вошел в особняк означенного Дюбре. Ну и дом! Он никогда таких не видел. Ни в районе Лионского вокзала, ни в других кварталах, где ему доводилось бывать, просто нет ничего подобного. Кто же мог купить такой дом? Здесь явно не обошлось без грязных денег, сказал он себе.

Надо немедленно провести расследование, не ставя шефа в известность о своих подозрениях. Иначе тот сразу тормознет дело или отнимет его и не даст ему возможности проявить наконец истинный талант следователя.

А Лионский вокзал пока обойдется без него.

31

Особняк выделялся на фоне еще светлого неба: темное сооружение, полное тайн и загадок.

Меня провели в библиотеку. Проходя через холл, я не мог удержаться и не заглянуть в гостиную, где тогда возле фортепиано лежала обнаженная красавица. Фортепиано смотрелось сиротливо и заброшенно в полутемной комнате, без музы и музыканта за клавиатурой. Его некому было оживить.

Дюбре курил, удобно расположившись в глубоком кожаном кресле в библиотеке. Я был уверен, что после деревни Лакост он не приставил за мной слежку. Это было бы непосильной задачей. И значит, он не знал, что я доверился полиции.

Напротив него сидела Катрин. Она поздоровалась со мной. На низком столике перед ними я увидел свой бумажник и остальные вещи.

— Вот видишь, деньги ничего не значат, без них прекрасно можно обходиться! — проговорил он, держа в зубах здоровенную сигару «монтекристо».

Что пряталось за его улыбкой? Чего, в конце концов, добивался от меня этот загадочный человек? Может, он был гуру какой-нибудь секты? Старый отставной гуру, набитый деньгами последователей секты, изо всех сил старался наставить на путь истинный последнюю заблудшую овцу? Просто так, от нечего делать...

— Однако ты еще не рассказал мне, как прошла твоя беседа с начальником.

С тех пор произошло столько событий, что этот разговор стал совсем далеким...

— Неплохо.

Мой желудок за полтора дня прирос к ребрам, но Дюбре не спешил приглашать меня к столу.

— И ты настоял на том, чтобы оправдаться после всех его колкостей, и задал ему те неприятные вопросы?

— Да, и все прошло отлично. Но с другой стороны, я мало чего смог добиться. Я пытался выговорить дополнительные средства для

нашей службы. Но мне пришлось уйти ни с чем.

— А ты достаточно усилий приложил к тому, чтобы войти в его мир и понять его образ мыслей, перед тем как пытаться его убедить?

— Да, более или менее. Скажем так, я дал ему понять, что мои идеи соответствуют его представлениям о продуктивности и рентабельности. Но я думаю, что наши системы ценностей настолько далеки друг от друга, что мне невозможно ни приблизиться к его представлениям о вещах, ни даже сделать вид, что приблизился... Знаете, трудно примерять на себя ценности врага...

Дюбре выпустил клуб дыма:

— Идея заключается не в том, чтобы приближаться к его системе ценностей. Если она не совпадает с твоей, это невозможно. Даже в том случае, когда система ценностей гнусна и отвратительна, личность подлежит... восстановлению. Важно не впасть в осуждение этих ценностей, сказать себе, что, даже если они тебя шокируют, единственный путь заставить личность изменить свои взгляды — это не отвергать ее вместе с ее идеями. Войти в мир человека означает поставить себя на его место, влезть в его шкуру и попробовать изнутри поверить в то, во что он верит, думать как он, чувствовать как он, и только потом вернуться на свои позиции. Только так можно понять человека, не судя его, почувствовать, что им движет, что заставляет его впадать в заблуждения.

— М-м-м-м...

— Между приближением и пониманием есть разница. Если ты правильно поставил себя на место твоего начальника, чтобы понять его образ мыслей, не осуждая, ты станешь к нему более терпимым и он это почувствует... У тебя появится надежда, что он изменится...

— Я не уверен, что он чувствует, какое у кого о нем мнение и что это его вообще заботит! Ну предположим, что это был как раз тот случай, когда мне удалось в достаточной степени войти в его мир и не дать ему понять, что я его сужу или отвергаю... Но разве это способно сдвинуть его с позиции? А может, я рискую только укрепить эту позицию?

— Помнишь, мы когда-то говорили о синхронизации жестов. Я тебе тогда сказал, что в определенный момент, если ты достаточно долго и искренне стараешься проникнуть в мир другого, он начинает безотчетно повторять за тобой незначительные изменения позы.

— Помню.

— Я полагаю, это происходит потому, что возникает некое подобие взаимопроникновения, на бессознательном и очень глубоком уровне, даже если вы не обмолвились ни словом. Такое качество отношений всегда так или иначе чувствуется, и оно настолько редко, что каждый хочет его сохранить и продлить.

— Понимаю...

— Так вот, отвечаю на твой предыдущий вопрос. Если тебе удастся, избегая любых суждений, войти в мир врага, влезть в его шкуру, понять его образ мыслей — словом, достичь того уровня человеческих отношений, который ему никогда не был доступен, у него непременно возникнет желание остаться на этом уровне. И тогда тебе будет достаточно быть самим собой, просто и естественно демонстрируя ему свою систему ценностей. И он проявит к ней интерес. Для этого вовсе не нужно просить его измениться или читать ему мораль. При том типе отношений, который ты ему предложишь, у него обязательно возникнет желание открыться тебе, понять, чем ты отличаешься, каковы твои ценности. И в конце концов он пойдет за тобой, позволит тебе на него влиять, изменит позицию и, следовательно, сам начнет меняться.

— То есть вы хотите сказать, что, оказавшись на его территории, я вызову у него желание обследовать мою?

— В каком-то смысле. Оставаясь самим собой, ты для него представляешь другую модель мира, иной взгляд на вещи, иную модель поведения. Ему это будет интересно, а тебя избавит от необходимости формулировать требования и высказывать упреки.

— Помните, мы с вами говорили о Ганди...

— Вот-вот... «Мы сами должны стать теми переменами, которые хотим видеть в мире».

Я задумался. Перспектива, конечно, прекрасная, восхитительная, но труднодостижимая. Достанет ли у меня желаний, мужества и терпения создать ту связь, которую Дюбре считает неизменным предварительным условием для изменения человеческой личности?

— Знаете, мне действительно было очень скверно в его шкуре, я чувствовал себя настолько чужим в беличьем колесе его забот... Если уж говорить все как есть, то я не могу понять, что толкает таких людей, как он, с утра до вечера биться за продвижение на несколько

пунктов на Бирже или за несколько десятых в показателях рентабельности предприятия. Что им с этих пунктов и десятых? Если даже и спуститься на несколько ступенек по жизненной лестнице, что от этого изменится в конечном итоге? Как можно иметь его уровень интеллекта и с головой кидаться в бешеную гонку за показателями развития... чего? Всего лишь предприятия. Разве это не лишено смысла? Существовать ради... работы, ради конторы? Но ведь это смехотворно! Когда я жил в Штатах, у меня был приятель, Брайан, который любил повторять: «Хочешь заставить Бога помереть со смеху? Хочешь? Тогда расскажи ему о своих планах!»

Катрин прыснула. Я совсем забыл о ее присутствии. Дюбре отпил глоток бурбона.

— Может, для твоего патрона это способ позабыть о драме своей жизни?

— О драме жизни?

— Видишь ли, я убежден, что не случайно во главе предприятий стоят в основном мужчины, а не женщины. И те, кто выступает против дискриминации, которой якобы подвергаются женщины, ошибаются. К тому же финансисты, в чьих руках теперь находится наша экономика, не обращают внимания на пол тех, кого ставят во главе предприятий, где размещен их капитал. Похоже, им на это наплевать. Для них важен только результат. Нет, я думаю, дело имеет другое объяснение.

Катрин подняла глаза от блокнота и посмотрела на Дюбре:

— Какое же?

— У женщин есть дар небесный, они находятся под покровительством богов, и им не надо бороться за такую ерунду...

— Вы хотите сказать...

— Ты что, всерьез думаешь, что тот, кто способен создать душу, жизнь, выносить ее, а потом подарить ей весь мир, станет интересоваться котировками акций?

Создать душу... Если вдуматься, то это необыкновенно... Появление на свет детей стало уже таким обычным делом, что мы позабыли о грандиозности, величии и магии этого поразительного события. Создать душу...

Дюбре, верный своей привычке, покачивал стакан, любуясь кусочками льда.

Такие заявления в его устах меня немного успокоили, а то после чтения блокнота я чувствовал себя в опасности. Неужели человек, которого так восхищает и изумляет жизнь, способен ее отнять?

Катрин смотрела в пустоту, погрузившись в свои мысли.

— Мы, мужчины, — снова заговорил Дюбре, — в глубинах нашего подсознания терзаемся тем, что не можем давать и нести с собой жизнь. Я убежден, что профессиональные амбиции, столь частые у большинства из нас, проистекают из стремления компенсировать этот пробел, заполнить образовавшуюся пустоту.

— Вы действительно так думаете?

— Для этого достаточно в офисе вслушаться в разговоры начальства. И знаешь, даже словарный запас этих бесед не случаен. Он, как зеркало, отражает душу... Вслушайся, вслушайся, и ты услышишь метафоры, связанные с беременностью и родами. Разве не говорят о трудном проекте, что он «рождался в муках» или что его «долго вынашивали»? А если проект провален, его объявляют «недоношенным». Разве нет? Если же его никак не могли завершить и он требовал нового финансирования, о нем обязательно скажут, что его «щипцами вытаскивали». А про программу, которая поначалу подавала надежды и ничем не кончилась? «Гора родила мышь». А если намеченный план близок к завершению? Он, оказывается, «на сносях». А про идею, которая воплотилась? «Увидела свет»...

От удивления я потерял дар речи. Я никогда ничего подобного себе не представлял и не проводил таких параллелей. Для меня бешеная гонка за власть всегда была результатом смещения агрессии и соперничества, характерного как раз для мужчин...

Было занятно услышать такие утверждения из уст Дюбре, в котором явственно ощущался вкус к власти. А трезво ли он себя оценивал?

И тогда женоненавистничество многих мужчин тоже является скрытым признаком комплекса неполноценности?

— Если вернуться к моему разговору с начальником, то не знаю, ревнует ли он свою жену и зашкаливает или нет его уровень тестостерона, но больше мне ничего не удалось от него добиться.

Дюбре скорчил раздосадованную гримасу. То ли обиделся, что я не выполнил всех его заданий в деталях, то ли был недоволен собой, потому что не смог мне ясно все растолковать.

Он бросил сигару в большую медную пепельницу:

— На данный момент у тебя есть все необходимые ресурсы, чтобы самому управлять своей жизнью, а не по чужой указке.

Он решительно допил бурбон, со стуком поставил бокал на низкий столик и встал.

Катрин, опустив глаза, глядела в блокнот.

— И вот что ты должен будешь сделать, — сказал он с макиавеллиевской улыбкой, меряя шагами пространство перед книжным шкафом. — Это твое новое задание.

— Да?

Воздух был напоен запахом сигары.

— Ты считаешь, что твой шеф на ложном пути и что его решения пагубны для предприятия?

— По-моему, это ясно.

— У тебя есть впечатление, что управлять нужно по-другому, внедряя не только финансовые элементы?

— Совершенно верно.

— Тогда тебе надо занять его место.

— Очень смешно.

Он посмотрел мне в глаза:

— Я не шучу, Алан.

— Не может быть, конечно шутите!

Он нахмурился:

— Уверяю тебя, я не шучу.

Меня одолели сомнения. Он что... серьезно?

Он заметил мое смятение и несколько секунд пристально на меня смотрел.

— А что, собственно, тебе мешает? — спросил он слащавым голосом.

Все это было так нелепо, что я совсем растерялся. Что можно ответить родственнику, который спрашивает, что вам мешает стать министром или кинозвездой международного класса?

— Но... это же очевидно... Будем реалистами, ведь у каждого есть лимит, в рамках которого он и действует...

— Действителен только тот лимит, какой ты сам себе поставишь.

Я почувствовал, как во мне нарастает гнев. Но я его слишком хорошо знал, чтобы не понимать: таким способом его не проймешь.

Вот уж воистину, этого типа шарахало от полной ясности рассудка и способности к тонкому анализу до явного отклонения от нормы и полного безумия.

— Вы отдаете себе отчет, что он даже не мой начальник? Что он начальник начальника моего начальника и нас разделяют три уровня служебной иерархии?!!

Катрин подняла глаза и теперь пристально изучала Дюбре.

— Тот, кто намерен штурмовать гору, не должен пугаться ее высоты.

— Да вы сами-то хоть раз занимались бизнесом? Эшелоны власти так не перескакивают, на то есть свои правила!

— Тот, кто подстраивается под правила, просто не желает думать! Если ты рассуждаешь, будучи вставлен в определенные рамки, ты не найдешь новых решений, только те, что давно всем известны. Надо выйти из рамок!

— Все это красивые слова. А вот вы бы сами как поступили на моем месте?

Он присел на подлокотник кресла и, улыбаясь, на меня посмотрел:

— Выпутывайся сам, Алан. Черпай из собственных источников.

Я поднялся с твердым намерением уйти отсюда. Не хватало еще обедать в компании сумасшедшего.

— У меня на это нет средств.

Он медленно, очень низким голосом произнес:

— А ты все же попробуй. Это твое последнее задание. Выполнишь — и я верну тебе свободу.

Свободу... свободу... Я поднял на него глаза. Он улыбался спокойной, нарочито решительной улыбкой.

— Вы не можете обуславливать мою свободу невыполнимым заданием. Я не могу принять это условие.

— Но... у тебя нет выбора, мой дорогой Алан. Должен ли я напоминать тебе о нашем договоре?

— Как я могу выполнить договор, если вы сами делаете его невыполнимым?

Он впился в меня властным, требовательным и безжалостным взглядом:

— Я приказываю тебе стать президентом «Дюнкер Консалтинг».

Его голос гулко раздавался в просторной комнате.

Я без страха выдержал его взгляд.

— Даю тебе три недели, — сказал он.

— Это невозможно.

— Это приказ. Что бы ни случилось, ты найдешь меня двадцать девятого августа. Я буду ждать тебя в двадцать ноль-ноль в «Жюль Верне».

У меня сжалось сердце. «Жюль Верне»... Это ресторан на верхушке Эйфелевой башни... Последние слова он произнес очень медленно, понизив голос и глядя мне прямо в глаза. Угроза была ясна и ужасна. У меня задрожали ноги. Все надежды рухнули. Я, несомненно, находился в руках безумца.

Мы долго стояли друг напротив друга, лицом к лицу, потом я повернулся на каблуках и пошел к выходу. По дороге я поймал на себе взгляд Катрин. Похоже, она была ошеломлена не меньше моего.

32

— Ива Дюбре не существует.

— Простите?..

— У телефона инспектор Птижан. Вы расслышали правильно: Ива Дюбре не существует.

— Я только два часа тому назад у него был.

— Его настоящее имя Игорь Дубровский.

Услышав это имя, я, сам не знаю почему, почувствовал легкую дурноту.

— Он русский, знатного происхождения, не замешан ни в каких темных делах. Его родители уехали из России во время революции. Им удалось вывезти с собой ценности. По всей видимости, деньги у них водились. Отпрыск учился во Франции и в Штатах. Он стал психиатром.

— Психиатром?

— Да, врачом-психиатром. Но практиковал очень мало.

— Почему?

— У меня пока мало информации, сегодня воскресенье, и добыть сведения трудно... Похоже, его исключили из медицинского сообщества. Мне сказали, что это происходит крайне редко, разве что врач совершит тяжкий проступок.

— Тяжкий проступок...

Я задумался.

— Я бы на вашем месте поостерегся.

На этих словах я услышал в трубке еще какие-то звуки, обрывки слов.

«С кем это вы говорите, Птижан? Кто это?»

Приглушенный шум. Видимо, Птижан прикрыл трубку рукой.

«Только что звонили с центральной и сказали, что вы запросили картотеку. В чем дело, Птижан? Что за хреновина? Я не желаю, чтобы меня затаскали, Птижан, ясно? И потом...»

Трубку повесили, и в ней зазвучали бесконечные короткие гудки. Я сразу почувствовал себя одиноким, один на один с нараставшей во мне тревогой.

Квартира вдруг показалась мне пустой и очень тихой. Я положил трубку и подошел к окну. Из-за бесчисленного множества огней совсем нельзя было различить звезды на небе.

Я был ошеломлен. Уже сам факт, что Дюбре скрыл от меня свое настоящее имя, выбил меня из колеи. Человек, которому я доверился, оказался не тем, за кого себя выдавал.

Тяжкий проступок... А какова тяжесть совершенного?

Нервное и психическое напряжение, скопившееся после того, как меня похитили двадцать четыре часа тому назад, навалилось на меня, и я почувствовал себя опустошенным, совсем без сил.

Я погасил свет и забился под одеяло. Но сон не шел, хотя я очень устал.

Я без конца вспоминал условия неслыханного, абсурдного договора с Дюбре, и мне становилось все страшнее.

Гарантом будет твоя жизнь...

Этот тип способен перейти к действию, теперь я в этом был уверен.

Я проснулся среди ночи, весь в поту. Во сне меня осенило: в тот час, когда подсознание становится хозяином положения, легче всего выудить из бездонного колодца памяти то, что там затерялось среди огромного количества познаний, опытов и кучи забытой информации.

Имя того психиатра, что написал статью о самоубийцах и указал дорогу в укромное место на Эйфелевой башне, где самоубийство приобретало грандиозные черты, было Дубровский.

Весь следующий день я провел в каком-то странном состоянии. За подспудным страхом, который теперь повсюду меня сопровождал, я снова ощутил одиночество. Я был очень одинок, один во всем мире. И вынести это было труднее всего.

Во всей враждебной вселенной одна Алиса была для меня светлым пятном. Конечно, она всего лишь коллега, даже не друг, но я ценил в ней естественность, она была настоящая. Я чувствовал, что она тоже меня ценит, просто так, без всякой задней мысли. И это само по себе было здорово.

За день я принял четырех кандидатов. Незнакомые люди, конечно же, старались представить свою жизнь в выгодном свете. А я поймал себя на том, что завидую им и хотел бы оказаться на их месте, как они, беззаботно прибиться к новой профессии, делать карьеру и не задавать себе метафизических вопросов о смысле жизни. Мне вдруг очень захотелось с ними подружиться, позабыв о том, что вся их сердечность направлена лишь на то, чтобы вызвать мою симпатию. Ведь это я нанимаю их на работу...

Я рано ушел из бюро, а перед домом застрял возле Этьена. Мы уселись на выбитые ступеньки старой каменной лестницы. Не знаю почему, но его присутствие и его бесшабашный вид придали мне уверенности насчет моей дальнейшей судьбы. Мы поболтали о том о сем, полакомились яблочными пирожными, которые я купил в булочной напротив. Мимо нас проходили пешеходы, все еще оживленные, несмотря на конец дня.

Вернувшись в дом, я перерыл его сверху донизу, перебирая даже самые мелкие вещи. Конечно, я ничего не нашел.

Тогда я устремился в Интернет. В Гугле я набрал «Игорь Дубровский» и нажал кнопку поиска. У меня засосало под ложечкой. Семьсот три результата. Некоторые на незнакомом языке, наверняка на русском...

Я переходил со станицы на страницу, пробегая глазами внятные статьи. На одном сайте я обнаружил список фамилий на французском языке, и напротив каждой фамилии были обозначены проценты:

«Бернар Вьялли 13,4 %, Жером Кордые 8,9 %, Игорь Дубровский 76,2 %, Жак Ма...»

Я покосился на название сайта: societe.com, сайт финансовой информации о предприятиях. Нет, конечно, однофамилец. Но для очистки совести кликнул. На веб-сайте был представлен список акционеров общества под названием «Люксар СА». Ничего общего. Я вернулся на Гугл к другим результатам поиска. Ага, вот еще на французском: «Убил ли Дубровский Франсуа Литтрека?» Я вздрогнул. Информация была опубликована на сайте прессы, lagasettedetoulouse.com. Сердце у меня забилося все чаще и чаще, и я нажал кнопку сайта.

Ошибка на странице. Найти страницу невозможно. Черт побери, они не желают обнародовать свои связи...

Возвращаюсь в Гугл. На разных сайтах прессы опубликованы еще статьи, судя по всему на ту же тему. «Дело Дубровского. Когда обвиняемый берет все в свои руки». Я кликнул. Текст комментировал ход процесса, но, вместо того чтобы разъяснить суть дела, описывал поведение означенного Дубровского на слушании. Он без конца поправлял своего адвоката и в конце концов занял его место. Статья сообщала, что судьи были совершенно выведены из строя его вмешательствами...

Судьи... Это было заседание суда присяжных, значит слушалось дело по обвинению в убийстве.

Я заглянул в другую статью: «Узнаем ли мы когда-нибудь правду?» Журналист рассказывал о повороте ситуации на процессе и изумлялся, каким образом человек, представленный полицией как виновный, сумел заронить сомнения в умы всех присутствующих.

Многие статьи говорили примерно о том же. И все они были датированы... семидесятыми годами. События тридцатилетней давности... Пресса опубликовала в Интернете свои архивы.

Статья в «Монд»: «Фрейд, пробудись, они все сошли с ума!» Я кликнул. Статья подписана неким Жаном Калюзаксом и датирована 1976 годом. Длинный текст в основном был посвящен осуждению методов психиатра Игоря Дубровского, которые квалифицировались как опасные. Я вздрогнул. Это он... Автор нападал на модель психиатрического лечения, принятую в Соединенных Штатах, приверженцем которой был Дубровский. Он достаточно резко осуждал

сами основы работы психиатра. Статья не оставляла никаких сомнений в виновности Дубровского. То, что он толкнул юного Франсуа Литтрека на самоубийство, при обстоятельствах, до сих пор не выясненных, казалось очевидным. Калюзак требовал смертной казни.

Вот это новость! Я попал в руки опасного психиатра, который, может быть, сам более безумен, чем его пациенты... О господи...

Я поискал еще статьи. И мне в глаза бросилось слово «оправдан». «Паризьен» напечатала «Дубровский оправдан». Я кликнул.

«Оправдание Дубровского ставит проблему перед всей профессией. Журналист задает вопрос: как суд мог отпустить человека, вина которого столь очевидна?»

Другая статья вопрошала, не загипнотизировал ли психиатр судей, чтобы повлиять на их решение, и приводила смущающие высказывания людей, принимавших участие в дебатах.

Еще две статьи сообщали об исключении Дубровского из медицинского сообщества решением совета и объявляли это решение мутным и непонятным, тем более что совет отказался комментировать в прессе причины такой санкции.

Их я тоже прочел.

Я выключил компьютер с тяжелым сердцем. Надо было как-то себя защитить, выйти из этой ситуации. Но как? Одно было ясно: попытка выполнить миссию, которую он напоследок мне поручил, проблемы не решит.

34

Вот уже два дня я прокручивал в голове все возможные варианты. Ни один не подходил. Приходилось смириться с очевидностью: вариантов не было, особенно после того как полиция отказалась мне помочь. Я пришел к выводу, что единственной моей надеждой оставалось убедить Дюбре изменить решение и снять последнее задание. Это самое мудрое из всего, что можно сделать. И я решил применить его же приемы, чтобы заставить его передумать.

Я разработал подробный сценарий, выстроил целую цепочку положений, вопросов и аргументов, предусмотрел все возражения, просчитал все возможности, все реакции...

Много дней провел я, шлифуя детали наступления, пока не понял, что уже давно готов и топчусь на месте только потому, что хочу оттянуть событие. Дюбре меня пугал, и при мысли, что надо будет вернуться в его логово и добровольно оказаться у него в когтях, меня охватывала тоска.

Наконец я назначил время. Я решил явиться неожиданно и застать его врасплох после обеда, когда его энергетика явно снижена. Однако дожидаться, пока уйдет прислуга, в мои планы не входило.

Я отправился к нему около половины десятого вечера и сошел с автобуса на остановку раньше. Хотелось пройтись, чтобы насытить мозг кислородом и порастрясти сведенный судорогой желудок. В жарком и душном воздухе, напоенном ароматом лип, чувствовалось приближение грозы.

В квартале по-прежнему царил тишина, хотя некоторые обитатели уже вернулись из летних путешествий и отпусков и обживали апартаменты. Я мысленно повторял все сценарии. Шансы у меня, конечно, были слабые, но я хранил надежду, которую пробудило страстное желание вырваться из тисков Дюбре.

Пока я подходил, силуэт замка выплывал на меня из полумрака. Наконец я остановился перед высокой, ошестинившейся пиками решеткой. Окна погружены в темноту. Повсюду мертвая тишина. Казалось, дом необитаем. На небе то и дело вспыхивали зарницы.

Я в сомнении стоял перед звонком, вглядываясь в темноту. И вдруг услышал женский голос, что-то резко говоривший. Окна холла осветились.

— Больше не могу! С меня хватит! — кричала женщина.

Дверь распахнулась, и на пороге появился чей-то силуэт. Я застыл от удивления, не в силах осмыслить происходящее. Молодая женщина, сбегавшая по ступеням крыльца, была не кто иная, как... Одри. Одри, моя любовь...

Прежде чем я смог пошевелиться, калитка в решетке резко распахнулась, и она оказалась нос к носу со мной. Она тут же отпрянула, на лице отразилось удивление, глаза расширились.

— Одри...

Она не ответила, в глазах застыла мука, лицо исказилось, как от боли.

На потемневшем небе одна за другой вспыхивали зарницы.

— Одри...

Глаза ее наполнились слезами, она увернулась от меня.

— Одри...

Я шагнул к ней... Чувства захлестнули меня, я разрывался между неодолимым влечением и невыносимой болью оттого, что она снова меня оттолкнула.

Она остановила меня, вытянув руку, и проговорила сквозь рыдания:

— Я... не могу...

И убежала, не оглядываясь.

Боль моя тут же обратилась в неистовый гнев. Забыв страх, я бросился к калитке. Заперта. Я как сумасшедший давил на кнопку внутреннего переговорного устройства, пока не онемел палец.

Никакого ответа.

Я барабанил по решетке кулаками, изо всех сил тряс ее, избывая свой гнев, кричал, перекрывая голосом лай Сталина:

— Я знаю, что вы здесь!

Я снова принялся звонить, но напрасно. Гроза наконец началась, слышались глухие раскаты грома. Упали первые капли, редкие и теплые, потом все чаще и больше, и дождь полил как из ведра.

Не раздумывая, я бросился на штурм садовой решетки. На гладких вертикальных прутьях не наблюдалось никаких зацепок, но гнев, бушевавший во мне, удесятерил мои силы. Подтягиваясь на руках, я кое-как долез до верха, встал ногами на решетку, втиснув ступни между острыми пиками, и спрыгнул в пустоту. Кусты амортизировали падение. Я вскочил, задыхаясь, добрался до тяжелой двери и оказался в прохладном холле. Из гостиной струился свет. Большими прыжками, громко стуча каблуками по мраморному полу, я пересек холл и влетел в гостиную. Мягкий, рассеянный свет никак не вязался с моим теперешним состоянием. Я почти сразу увидел Дюбре. Он неподвижно сидел за фортепиано, повернувшись ко мне спиной и опустив руки на колени. Я промок до нитки, по лицу и одежде струилась вода, стекая на персидский ковер.

— Ты рассержен, — сказал он самым что ни на есть спокойным тоном, не поворачиваясь ко мне. — И это хорошо. Никогда не надо таить в себе гнев или разочарование... Давай, выговорись. Если хочешь, можешь кричать.

Это выбило почву у меня из-под ног. В мои планы входило на него наорать, но теперь кричать означало повиноваться его воле... Мой порыв разбился и захлебнулся, и я почувствовал себя марионеткой: моими чувствами и поступками управляли, дергая за невидимые ниточки. Но я решил не поддаваться его влиянию и набросился на него:

— Что вы сделали с Одри?

Никакого ответа.

— Что она тут у вас делала?

Молчание.

— Я запрещаю вам вмешиваться в мою личную жизнь! Наш договор не дает вам права играть моими чувствами!

Он по-прежнему ничего не отвечал. В углу я заметил сидящую на диване Катрин.

— Я знаю, что вы презираете любовь. Она для вас — ничто, пустое место. На самом деле вы просто неспособны любить. Вы меняете женщин, которые все, как одна, вдвое моложе вас, потому что боитесь влюбиться хоть в одну из них. Это вас устраивает: вы добиваетесь того, что вам надо от жизни. Вы навязываете свою волю, а для вас это — предел мечтаний. Я у вас в долгу и знаю цену своего долга. Но все

это бесполезно, если не умеешь любить, любить человека, любить людей... Вы курите в общественных местах, вы разъезжаете по полосе общественного транспорта, вы презираете интересы других людей.

Но если отгородиться от всего мира, как тогда узнать, что нужно людям? Невозможно жить только для себя, жизнь тогда теряет смысл. Никакие блага в мире не способны заменить тепло человеческого общения, чистоту чувства, даже искреннюю улыбку соседа на пороге дома или дружелюбный взгляд прохожего. Ваши теории безупречны, эффективны, даже гениальны, но вы забываете об одной вещи, всего-навсего об одной, но она-то и есть главная: вы разучились любить.

Я замолчал, гнев перехватил дыхание. Мой голос затих, и в огромной комнате воцарилась полная тишина. Дюбре так и остался ко мне спиной, Катрин сидела, не поднимая глаз. Оба не двигались.

Я повернулся и пошел к двери, но на пороге обернулся и крикнул:
— Не смейте трогать Одри!

Еще какое-то время слова Алана, казалось, раздавались в пустоте. Потом в гостиной повисла тишина.

Катрин больно задела сцена, развернувшаяся у нее перед глазами. Может быть, привыкнув к таким выбросам эмоций, она терпеть их не могла.

Она сидела, не говоря ни слова, видимо ожидая, что скажет Игорь.

Тот сидел неподвижно, с мрачным видом уставившись в пол.

Молчание длилось целую вечность, потом она услышала, как помертвевший голос прошептал:

— А ведь он прав.

Назавтра мой пыл немного поутих и уступил место растерянности.

Чем дальше, тем больше происходило необъяснимых событий, и мои отношения с Дюбре, то есть с Дубровским, становились загадкой. Как ему удалось до такой степени проникнуть в мою жизнь? А главное — что он замышлял? Он был не просто старый психиатр, заболевший хворью своих пациентов. Он был опасный извращенец, манипулятор, способный на все.

И все же я думал, что нащупал слабое место в его теории человеческих взаимоотношений. Для того чтобы в отношениях происходили чудесные, магические события, надо любить другого. *Любить другого*. Видимо, это и был ключ к любым отношениям — и дружеским, и профессиональным. Ключ, которого не хватало Дубровскому. Я и сам потерпел фиаско, убеждая шефа в своей правоте, потому что мне не достало любви. Я его терпеть не мог, и он это почувствовал... Все мои усилия оказались напрасными и бесполезными. Надо было найти средство простить ему гнусное поведение и хоть чуточку его полюбить. Хоть чуточку... И только при таком условии открывать ему свои замыслы и что-то предлагать... Но где взять мужество, чтобы полюбить заклятого врага?

День закончился, я шел домой, и приближение к знакомому месту навело меня на мысль немного расслабиться. На Монмартре есть одно очень симпатичное местечко... Там я всегда забывал, что живу в большом городе.

Я все еще пребывал в своих мыслях и в рассуждениях о любви, когда увидел, что навстречу мне идет моя пожилая соседка, как всегда вся в черном с головы до ног. После последнего визита ко мне она избегала со мной разговаривать.

Наши взгляды встретились, но она отвернулась и сделала вид, что разглядывает витрину ближайшего магазина. На ее беду, магазин торговал нижним бельем весьма фривольного свойства. И получилось, что она изучала стринги и подвязки на манекенах в зазывных позах. В центре витрины, прямо напротив нее, располагалась огромная афиша с мясистой дамочкой в полной красе и крупно отпечатанной маркой

белья, на которой значилось: «Совет № 36: сглаживайте острые углы». Не заметить совет она не могла. Быстро отвернувшись, она засемила дальше, опустив глаза.

— Здравствуйте, мадам Бланшар! — весело крикнул я.

Она медленно подняла глаза.

— Здравствуйте, месье Гринмор, — сказала она, слегка зардевшись, видимо вспомнив подробности нашей последней встречи.

— Как поживаете?

— Спасибо, хорошо.

— Какая нынче чудная погода! Не то что вчера вечером...

— Да, и правда. Поскольку я вас встретила, должна вам сообщить, что отправила жалобу на соседа с четвертого этажа. Его кошка гуляет по карнизу и заходит в квартиры. Вчера я обнаружила ее спящей на своем диване.

— Это та самая маленькая серая кошечка?

— Да. Что до месье Роббера, то с меня хватит запахов из его кухни. Когда он готовит, я вынуждена закрывать окна. Я уже раза три говорила об этом синдикату, но я единственная, кто жалуется...

Нет уж, сменим тему... Очень хочется положительных эмоций...

— Вы отправились за покупками?

— Нет, я иду в церковь.

— В будний день?

— Я хожу туда каждый день, месье Гринмор, — произнесла она с некоторой гордостью.

— Каждый день...

— Конечно!

— А... зачем каждый день?

— Ну... Я хочу поведать Иисусу Христу о своей любви к Нему.

— Ну да, конечно...

— Иисус...

— И вы каждый день ходите в церковь, чтобы сказать Иисусу, что вы Его любите?

— Да...

Я с секунду помедлил.

— Знаете, мадам Бланшар, должен вам сказать...

— Что?

— У меня есть... ну... некоторые сомнения...

— Сомнения, месье Гринмор? В чем же?

— Ну, как бы это помягче... я сомневаюсь в том, что вы добрая христианка.

Она застыла, задетая за живое, потом покраснела и задрожала.

— Да как вы смеете...

— Я полагаю, что вы не следуете заветам Иисуса.

— Как это не следую? Следую!

— Я не специалист, но... я что-то не припомню, чтобы Иисус говорил: «Любите Меня». Наоборот, я точно знаю, что он говорил «Любите друг друга».

Она молча глядела на меня, с полуоткрытым ртом, совершенно сбитая с толку. Мои слова ее оглушили.

Она долго стояла так, словно окаменев, глядя на меня широко раскрытыми глазами, и показалась мне даже трогательной. Я сжалился над ней:

— Напротив, я признаю, что вы соблюдаете заповедь «Любите ближнего своего, как самих себя».

Она молчала, ошеломленная, глядя на меня непонимающими глазами. Я вложил в свой голос всю мягкость и нежность, на какие был способен, и сказал:

— Мадам Бланшар, почему вы так себя не любите?

36

Два часа ночи. Я никак не мог заснуть, мысли вертелись вокруг одного и того же. Ответа я так и не нашел. Так и не узнал, чего добивался Дубровский. С ума сойти, насколько невозможность понять ситуацию может стать источником стресса...

Да еще этот список акционеров, который я нашел в Гугле... Это был однофамилец или все-таки он? Наверное, надо было немного копнуть... Я очень поверхностно к этому отнесся... Что там было за предприятие? Люксор, Люксар... что-то вроде этого...

Ну, теперь уж точно не засну, пока не посмотрю еще раз... Вот ведь мучение! Почему я не могу отключить мозг на ночь, перестать думать и спокойно уснуть?

Я протянул руку к лампочке в изголовье и зажмурился, чтобы свет не ослепил меня.

Щелк! Лампа вспыхнула и погасла. Перегорела. Вот черт! Тем хуже, теперь я уж точно проснулся и заснуть не смогу.

Я поднялся с постели, в темноте подошел к окну, отодвинул штору и впустил в комнату слабый свет. Спящий город поблескивал огоньками.

Я прошел через комнату и включил компьютер. Экран загорелся, холодным светом осветив полумрак. Тишину разорвали три коротких звука, которые всегда сопровождали включение.

Клавиатура скрипнула под моими застывшими пальцами, пока я набирал имя Игоря в Гугле.

На экране появились результаты поиска на русском языке. Я переходил со страницы на страницу, просматривая их по диагонали. На меня напала зевота, а потом стало слегка знобить: ночь выдалась свежая, а я был в одних трусах.

Я сразу узнал список имен, подле которых стояли проценты. Общество, держателем 76,2 % акций которого был Игорь Дубровский, называлось «Люксар СА». Но на сайте больше не было никакой информации, только цифры. Я скопировал название в зону поиска Гугла и нажал «Enter». Компьютер выдал только двадцать три

результата. Что ж, тем лучше. Сайты прессы, финансовая информация... Потом появилась главная страница предприятия:

«luxares.fr, Люксар СА, сообщество специализированных ресторанов»

Я кликнул, и тут же невольно отпрянул, пораженный тем, что увидел.

На весь экран появилось фото, явно сделанное ночью. На переднем плане переплетались пресловутые балки, словно охраняя пространство от невидимой атаки. А за ними виднелись освещенные окна и роскошные интерьеры ресторана «Жюль Верн».

Мне стало страшно. Слабое предчувствие беды, которое все время сопровождало меня со времени нашей первой встречи, уступило место настоящей тревоге, и она уже не оставляла меня. Человек, взявший под контроль мою жизнь, оказался очень опасен, поскольку был богат и влиятелен. Теперь у меня была одна навязчивая мысль: высвободиться из его хватки.

Я позвонил инспектору Птижану, рассказал о своих открытиях и попросил защиты у полиции. Он повторил то, что уже однажды говорил: все это не более чем предположения, пусть и тревожные, но состава преступления тут нет. Он ничего не может для меня сделать.

Я тщетно искал всевозможные способы освободиться. Самым реалистичным мне казался план вступить с Игорем в переговоры. Но появление в его доме Одри опрокинуло все планы. Я не мог больше появиться в доме, где наделал столько шума. Я задел хозяина в присутствии Катрин, а он явно не из тех, кто прощает подобные штучки...

Приходилось отдать себе отчет: единственный реальный способ покончить с договором — это выполнить последнее условие Дубровского, хотя оно практически невыполнимо. Я оказался в ловушке, как крыса.

Два следующих дня были для меня сущим кошмаром. Я отчаянно искал решение этого невероятного уравнения. Я плохо спал, вскакивал по ночам. На работе из последних сил старался сосредоточиться на своих собеседованиях. Мне случалось дважды задавать один и тот же вопрос кандидату, который этого тактично не замечал... Алиса сказала, что я бледный, как смерть, и посоветовала немедленно обратиться к врачу. В общем, в жизни пошла плохая полоса...

Под вечер второго дня, возвращаясь с работы, я резко повернул обратно, чтобы забрать забытый в офисе бумажник, и увидел Влади, который как бы случайно шел за мной метрах в десяти по улице Оперы. Страх парализовал мне мозг.

На следующую ночь мне приснился забавный сон. Я оказался в Штатах, на какой-то ферме в Миссисипи. В кринку со сливками

угодила лягушка. Стенки у кринки были высокие, и она оказалась в западне. Жидкие, скользкие сливки не давали никакой опоры, чтобы выпрыгнуть наружу. Шансов у лягушки не было. Участь ее была решена. Ей оставалось только утонуть. Но она своей лягушачьей головой не могла постичь неизбежности и продолжала барахтаться изо всех сил, не понимая, что все напрасно и что ей не выбраться из смертельного плена. Она барахталась, барахталась, и дело кончилось тем, что из сливок получился маленький кусочек масла. Теперь лягушка имела опору под лапками и могла выпрыгнуть из кринки.

Рано утром я принял решение. Я буду биться всеми средствами, чтобы получить место начальника.

Больше я не терял ни секунды.

В тот же день я нашел на сайте Торговой палаты все, что касалось статуса «Дюнкер Консалтинг», а также все официально опубликованные счета и отчеты. Мне необходимо было знать все винтики и колесики этой организации.

Два дня кряду я варился в этой литературе, преисполненной знойного эротизма. И отчего это французские юристы пользуются такими мудреными формулировками, чтобы выразить, в сущности, простые вещи? Довольно быстро я понял, что англосаксонское бухгалтерское образование не позволяет мне постичь всю эту абракадабру. Мне срочно требовалась помощь.

Одним из выгодных аспектов ремесла сотрудника службы занятости является то, что ты быстро обзаводишься базой данных. Я связался с управляющим финансами, которого я направил в одну фирму среднего бизнеса несколько недель назад. Он оставил по себе приятное впечатление и казался симпатичным малым. Я предварительно прощупал почву, объяснив, какого рода помощь мне нужна. Он сразу откликнулся, и я отправил ему экспресс-почтой все документы, которыми располагал.

Спустя несколько дней мы встретились вечером в кафе возле Люксембургского сада. Он пришел точно в назначенный час. Шикарный бежевый костюм прекрасно сидел на его высокой и худой фигуре, последняя пуговица на белоснежной рубашке была расстегнута, узел галстука слегка ослаблен. Он проявил любезность и все прочел.

— «Дюнкер Консалтинг» является престижным ОУУ на новом рынке Парижской биржи, — сообщил он.

— ОУУ?

— Обществом с упрощенным управлением. Специфика этой юридической формы заключается в том, что правила функционирования определяются уставом, а не гражданским правом.

— То есть учредители диктуют свои правила?

— В какой-то мере — да.

— И какие же правила в этой форме особенные?

— Да, в общем, ничего особенного, кроме процедуры избрания президента.

— Вот это меня как раз и интересует.

— Президент напрямую избирается генеральной ассамблеей акционеров, что само по себе практикуется нечасто.

— Значит, за президента голосуют все акционеры, если я правильно понял.

— Нет, совсем не все. Только те, кто присутствует на ассамблее. Присутствовать имеют право все, но многих все это не волнует, за исключением крупных акционеров, конечно.

— Кроме крупных акционеров...

— Да, есть два крупных акционера и десятки тысяч мелких держателей акций.

— Попробую угадать... Держу пари, что один из крупных — Марк Дюнкер.

— Нет, у него всего восемь процентов.

Я вспомнил, что Алиса уже однажды говорила мне об этом. Включая биржевые операции, у Дюнкера было очень мало акций. Настоящая власть сосредотачивалась не в его руках... Блестяще...

— А кто остальные акционеры?

— Инвестиционный фонд «Инвенира», представленный управляющим, Давидом Пупоном, и американский пенсионный фонд «Стравекс», представленный неким Розенблаком, управляющим французского филиала. Они владеют тридцатью четырьмя процентами акций на двоих. Остальные акционеры, кроме, конечно, самого Дюнкера, владеют не более чем одним процентом. Не говоря уже о том, что у крупных акционеров полностью развязаны руки...

Прохожих становилось все больше, в основном это были туристы или просто зеваки в солнечных очках, никуда не спешащие, в отличие от расходящихся с работы парижан. На тротуаре напротив собралась небольшая толпа желающих полюбоваться на баннеры, развешенные на решетке Люксембургского сада. За столиком рядом с нами какая-то девушка уминала горячие пирожки, от которых исходил восхитительный запах яблок и жженого сахара.

Я пошел на огромный риск и изложил собеседнику суть своего проекта.

Он из деликатности не посмеялся надо мной, ограничившись легкой гримасой.

— Не хочу вас обескураживать, но, думаю, это недостижимо...

— Я и сам сомневаюсь...

— Нет, на самом деле с математической точки зрения шанс есть. Если Дюнкер остался президентом, то это означает, что он заполучил голоса обоих крупных акционеров.

— Почему? Ведь у них только тридцать четыре процента голосов, ведь не пятьдесят же...

— Я вам уже сказал почему: мелкие акционеры не являются на генеральную ассамблею. Это им ничего не дает. Конечно, есть и такие, кто приходит в надежде на банкет после собрания. Но их раз-два и обчелся. Ясное дело, они ничего не способны изменить в количестве голосов. Должен сказать, мелких держателей акций несколько десятков тысяч. Чтобы как-то повлиять на голоса, им надо собраться всем вместе... Уверен, что этого никогда не будет, разве что предприятие окажется на краю пропасти и они слетятся, испугавшись за свою долю. И хором заплачут...

В данном случае плакать хотелось мне.

— Если Дюнкера переизбрали президентом, — продолжал он, — вполне возможно, что он тоже как-то поддержал эту парочку. У них тридцать четыре процента, что составляет восемьдесят процентов голосов всех присутствующих на ассамблее. Я не могу судить ни о ваших талантах, ни о вашем даре убеждения, но не вижу причин, по которым эти двое могли бы изменить мнение в пользу молодого консультанта, находящегося на жалованье...

Я сидел в задумчивости, обескураженный соображениями здравого смысла.

По-летнему одетые туристы беспечно сновали мимо нас, мимо решетки сада, заглядываясь на баннеры.

— Мне очень жаль, — закончил он вполне искренне.

Всегда приятно выслушать сочувственный голос, когда у тебя все плохо, но я еще не был готов себя похоронить. Надо найти какой-то выход, составить план атаки. Должен же быть выход!..

— Если бы вы были на моем месте, что бы вы сделали? Что было бы, с вашей точки зрения, наилучшим в таком контексте?

Он ответил, не колеблясь:

— Отступить. Вы ничего не сможете сделать. В вашем положении вы потеряете все и ничего не приобретете.

В моем положении... Знал бы ты, старина, мое положение...

Я рассчитался за два перья, поблагодарил его за помощь, и мы расстались.

А я отправился сквозь Люксембургский сад. Ходьба всегда помогала мне сбросить напряжение, избавиться от тревоги и восстановить силы. Я потерпел поражение, но сдаваться не собирался. Это сражение было моей единственной надеждой обрести свободу, а может, и остаться в живых. И я душой и телом был готов его принять, пусть даже шансы мои приближались к нулю. Надо было найти угол атаки...

Я завидовал беззаботным людям, гулявшим в саду. Маленькие старушки с рук кормили хлебом птиц, деликатно отгоняя вездесущих воробьев, норовивших украсть кусочек и улететь с ним на ближайшее дерево. Студенты пытались счастья, стараясь обратить на себя внимание девушек. А те как ни в чем не бывало листали учебники, сидя на металлических зеленых стульях и разнежившись от запаха роз. По саду ходили пони с довольными ребятишками на спинах, а рядом шли родители.

Я направился к тому выходу, что рядом с Сенатом, и зашагал по улочкам, спускавшимся к театру «Одеон».

Весь вечер я бродил по городу, чтобы прийти в себя, поворачивая ситуацию и так и эдак, ища слабое место в системе и стараясь разработать множество разных сценариев. У меня было такое ощущение, что я вот-вот найду, как подступиться к делу. Нужная мысль о том, как следует заново раздать карты, чтобы хоть что-то предпринять, ходила где-то рядом. Была ли то истинная интуиция или страстное желание найти выход?

Войдя в дом, я увидел, что к ручке моей двери привязан бумажный пакет. Я положил его на кухонный стол. Внутри оказался еще теплый сверток, завернутый в фольгу. Сверху лежал синий конверт с тонко отделанным зубчатым клапаном. Я открыл его. В нем оказалась записка на такой же синей бумаге. Почерк был ровный, с нажимом, так в наши дни уже никто не пишет.

«Приятного аппетита. Мадам Бланшар».

В этот вечер я обедал восхитительными шоколадными пирожными.

Несмотря на то что я всеми силами пытался выполнить последнее задание, надо было смириться с очевидностью и обеспечить позиции для отступления. Шансы на успех приближались к нулю, и я просто обязан был предусмотреть поражение и встретить его возможные последствия. Это был вопрос выживания.

Я решил провести углубленное расследование по поводу темного прошлого Игоря Дубровского. Если он действительно добился освобождения, загипнотизировав судей, в чем я далеко не был уверен, то мне надо было разыскать еще какие-нибудь детали, которые обеспечили бы мне сильную позицию на переговорах. Если же я докопаюсь до трупов, то у меня будет еще козырь... Мною двигало внутреннее убеждение, что ключ к моей свободе кроется именно в его прошлом.

Я снова вернулся к Интернету, к поиску статьи журналиста из «Монд», имя которого позабыл. Этот журналист полнее, чем другие, документировал дело об убийстве. Я вспомнил, что он давал такие точные детали метода Дубровского и такие сведения о нем самом, как будто был с ним лично знаком. С ним обязательно надо было поговорить.

Статью я нашел без труда. Автора звали Жан Калюзак. Не сбавляя темпа, я взялся за телефон.

— Здравствуйте, я разыскиваю журналиста, который работал в «Монд» в семидесятые годы, не знаю, работает ли он сейчас...

— Как его имя?

— Жан Калюзак.

— Как вы сказали?

— Калюзак. Жан Калюзак.

— Никогда о таком не слышала. Я уже восемь лет здесь работаю... Наверное, ваш приятель уже давно уволился!

— Он не мой приятель, но мне во что бы то ни стало надо его разыскать.

Это очень важно. А есть у вас кто-нибудь, кто его знал и сохранил его координаты?

— Откуда же я знаю? Для этого надо кликнуть клич по всем этажам.

— Но вы наверняка знаете, кто был тогда главным редактором. Может, он сможет мне помочь...

В трубке засопели.

— В каком году, вы говорите?

— В тысяча девятьсот семьдесят шестом.

— Не кладите трубку...

На долгие минуты в трубке зазвучала джазовая мелодия саксофона. Она играла так долго, что я уже решил, не позабыли ли обо мне.

— Я вам дам его телефон, но без гарантии. Я уже давно потеряла с ним контакт. Раймон Верже, ноль один, сорок семь, двадцать...

— Подождите, я записываю... Раймон Верже, ноль один, сорок?..

— Сорок семь, двадцать восемь, одиннадцать, ноль три.

— Прекрасно! Спасибо!

Она отсоединилась, видимо, желая отсечь следующий вопрос.

Я набрал номер, боясь, что он уже недействителен. Послышался гудок. Уф! Хоть что-то... Четыре гудка, пять... Ничего. Семь, восемь... Я уже отчаялся, но тут трубку сняли. Сначала в трубке было тихо, потом отозвался немного дрожащий женский голос. Скрестив пальцы на удачу, я изложил свой вопрос.

— Кто звонит, месье?

— Алан Гринмор.

— Он вас знает?

— Пока нет, но я бы очень хотел с ним поговорить по поводу одного из его старых сотрудников.

— Хорошо. Это его развлечет... Только четко выговаривайте слова, если хотите, чтобы он вас услышал.

Последовало долгое молчание. Я терпеливо ждал. В трубке пошептались, потом снова замолчали.

— Алло, — слышался наконец тягучий мужской голос.

Я последовал совету его супруги и старательно выделял каждый слог.

— Здравствуйте, месье Верже. Мое имя Алан Гринмор, ваш номер телефона мне дали в газете «Монд». Я отважился вам позвонить, поскольку мне очень надо встретиться с одним из ваших старых

журналистов. Для меня это очень важно, и в газете полагают, что у вас могли сохраниться его координаты.

— Старый журналист? С некоторыми я встречаюсь до сих пор. Как его имя? Я всех помню. Моя жена подтвердит, что я всезнайка.

— Жан Калюзак.

— Как-как?

— Жан Калюзак.

Долгое молчание.

— Месье Верже, вы еще на проводе?

— Это имя мне ничего не говорит, — сознался он.

— Прошло уже тридцать лет...

— Нет, нет! Дело не в этом! Я бы вспомнил... Нет, это, несомненно, был псевдоним.

— Псевдоним?

— Да, журналисты этим часто пользуются, подписывая статьи, которые, к примеру, не попадают в русло их обычной тематики.

— И... вы сможете найти его настоящее имя?

— Да, у меня есть список всех моих журналистов и их псевдонимов. Знаете, я все это храню... Позвоните мне через полчаса, и я вам скажу.

Получасом позже жена снова его позвала, попросив меня закругляться, чтобы не вторгаться в послеобеденный отдых.

— В моем списке нет Калюзака. Вы уверены, что его зовут именно так?

— Абсолютно уверен.

— Тогда, видимо, речь идет о ком-то из знаменитых журналистов. В таких случаях они выступали анонимно.

Кто-то из знаменитых? Но зачем ему интересоваться самоубийством какого-то незнакомца?

— Я весьма сожалею, — с явным разочарованием сказал Верже, — но не в моих силах вам помочь. Оставьте ваши координаты, вдруг память работает...

40

Говорят, удача улыбается смелым. В моем случае она заставила себя ждать. У меня пошла полоса невезения. Я принял грандиозный вызов, выйдя в одиночку на борьбу с гениальным и могущественным безумцем. Но звезды явно складывались не в мою пользу.

В то утро я явился в бюро с опозданием. Первые кандидаты, записанные на этот день, уже пришли в приемную, одетые в темные костюмы, без единой лишней складочки на брюках или юбках. Я быстро прошел через холл, где витали ароматы духов и лосьона после бритья, и пошел наверх пешком, чтобы не оказаться в лифте вместе с начальником службы и не ехать два этажа в неловком молчании.

Едва я устроился в своем кабинете, как вошла Алиса, осторожно прикрыв за собой дверь.

— Посмотри-ка, — сказала она, протягивая мне два листка.

Я взял документы. Один был отправлен из административной службы. Я узнал черный список предприятий, находящихся в тисках финансового кризиса, который составляли службы нашего управления. Такие списки печатали ежемесячно для руководителей подразделений, а те пересылали их нам. В этот месяц мы их не получали.

Второй документ давал разверстку встреч и консультаций для каждого из нас на неделю. Его мы получали по понедельникам. Даже бегло посмотрев на обе страницы, можно было определить, что многие имена фигурировали и там, и там. Черный список датировался первым августа, а разверстка — пятым.

— Ты понимаешь? — произнесла она в полном шоке. — Ты отдаешь себе отчет, что это означает? Нас толкают на то, чтобы мы выставляли показатели у клиентов, к которым наверняка никого не отправим. Это черт знает что! Дирекция принимает одно за другим решения, противоречащие здравому смыслу! Я такой работы не понимаю. И не знаю, видишь ли ты, что это все значит! Если клиент не платит, это нас не касается! Нас хотят заставить работать даром, понимаешь?

Я ее больше не слушал. Мысли мои были далеко, их увлекла за собой идея, которая только что зародилась в моем мозгу и теперь

медленно обретала форму, как проясняется картинка в фотообъективе, когда наведешь на фокус.

— А чего ты улыбаешься? — спросила она, явно задетая тем, что я не разделяю ее возмущения.

— Алиса, можно, я сохраню эти листки?

— Конечно, а...

— Спасибо, тысячу раз спасибо, Алиса. Может, ты сейчас спасла мне жизнь...

— Скажи лучше, дала возможность не ишачить даром...

— Алиса, прости, но мне надо выйти...

Я вытащил телефон, позвонил Ванессе и попросил отменить все мои встречи. Мне надо было освободить день. Это означало крупно засветиться, но мое будущее в качестве служащего и так было проблематично, а потому — будь что будет!

Генеральная ассамблея акционеров была назначена на двадцать восьмое августа, а встреча с Дубровским — на двадцать девятое... Значит, он хорошо информирован и назвал эту дату не случайно. А я-то думал, что он принял решение в пылу нашей последней встречи... Нет, тут все продумано.

Придя домой, я позвонил в свой банк и купил несколько акций «Дюнкер Консалтинг», что было необходимым условием для участия в конкурсе на место президента. Устав гласил, что заявлять кандидатуру заранее необязательно, достаточно сообщить об этом в начале ассамблеи.

Моя идея имела один шанс на тысячу. И в этом случае я должен был предстать перед акционерами и постараться их убедить в своей правоте. От одной мысли об этой перспективе меня бросало в дрожь... Я и перед одиннадцатью коллегами робел, чего уж там...

У меня уже заранее пересыхало в горле и тряслись руки. Надо было что-то предпринять... Не мог же я из-за страха упустить свой шанс... Надо было придумать, как заставить себя спокойно говорить перед публикой.

Я снова поискал в Интернете. Многие институты предлагали курсы или семинары. Мне удалось дозвониться только по одному телефону, остальные в августе не работали. Название института было

многообещающее: «Спич-Мастер». Человек, поднявший трубку, предложил мне сначала встретиться с организатором, а потом уже записываться на курсы. Мы назначили время.

Вслед за этим я позвонил в бюро Алисе.

— Я говорил тебе, что Дюнкер публикует фальшивые приглашения на работу?

— Да, Алан. И я с этим никогда не смирюсь.

— Слушай, ты мне нужна. Ты сможешь восстановить список?

— Список фальшивых приглашений?

— Да, он самый.

Она помолчала.

— Это займет много времени. А за какое время тебе нужен список?

— Точно не знаю. Ну, скажем, за последние три месяца.

— Для этого мне нужно просмотреть одну за другой все публикации во всех газетах и сопоставить их с нашими списками.

— Сможешь это сделать для меня? Это необыкновенно важно.

— Ты сегодня какой-то загадочный.

— Прошу тебя, Алиса...

Поскольку мне не удалось найти следов старого журналиста из «Монд», я решил поискать информацию у первоисточника. Задача была деликатная, тяжелая в плане эмоциональном, но зато я мог много узнать.

Дом найти оказалось нетрудно. Газеты той поры достаточно точно описывали место. В квартале больше не было людей с такой фамилией, и я быстро нашел адрес в справочнике.

На место я отправился на машине. Витри-сюр-Сен — юго-восточный пригород Парижа. Зная, что за мной могут следить, я то и дело посматривал в зеркало заднего вида. Ничего особенного я не заметил, но все равно рисковать было нельзя. Игерь ни в коем случае не должен был догадаться, куда я еду. Я выехал на Южное шоссе через Орлеанские ворота, но, проехав несколько километров, съехал на полосу срочной остановки и принялся копаться под капотом, якобы отлаживая зажигание. Маневр опасный, но беспроигрышный.

В парижских пригородах вообще очень трудно ориентироваться. На каждом светофоре я останавливался и сверял маршрут с картой, которая лежала на пассажирском месте.

Я въехал в Витри по бульвару Максима Горького, проехал мимо коллежа Макаренко, улицы Юрия Гагарина и Сталинградского бульвара. Куда я попал?

Я думал, СССР распался двадцать лет назад... Я повернул голову направо и увидел мэрию. От удивления я чуть не въехал в машину, шедшую впереди. Мэрия представляла собой Кремль в миниатюре.

Ладно, все это очень занятно, но надо было отыскать дорогу. Посмотрим, где я нахожусь. Проспект Робеспьера, улица Марата... Да уж, сплошные великие демократы... Похоже, я заблудился. Включив аварийную сигнализацию, я остановился, чтобы свериться с картой. Ага, вот: надо проехать по проспекту Восстания, свернуть на Столбовую аллею и переехать через мост Расстрелянных. Вот что мне предстояло...

В результате я очутился на тихой улице с сельскими домиками по краям. Дома были очень скромные и производили трогательное

впечатление. Я припарковался и дальше пошел пешком. Номером девятнадцатым оказался узкий и высокий кирпичный домик, выкрашенный в белый цвет. Наверное, когда-то он был прелестным, пока время над ним не поработало. Штукатурка пошла пятнами и кое-где обвалилась, обнажив кирпичную кладку: темные отметины на коже больного.

Я подошел к деревянной двери. Садик, если так можно назвать узкое пространство между домом и улицей, пребывал в запустении, сквозь щебень на дорожках пробивались сорняки.

Номер дома был нарисован на маленькой жестяной табличке, как раз над почтовым ящиком, на котором не значилось имя жильца.

Я собрал в кулак все свое мужество и коротко позвонил.

Поначалу дом казался нежилым, внутри царила мертвая тишина. Потом дверь приоткрылась, и показалось бледное, источенное временем старческое лицо. Главным скульптором этого лица явно была печаль. Я сразу понял, что не ошибся адресом.

— Месье Литтрек?

— Да, здравствуйте.

— Меня зовут Алан Гринмор, я приехал к вам, чтобы задать несколько вопросов. Заранее прошу простить меня, если всколыхну дурные воспоминания, но мне очень нужно поговорить с вами о вашем сыне.

Он отрицательно замотал головой, и продольная складка на лбу стала еще глубже.

— Нет, месье, — сказал он слабым голосом. — Я не хочу об этом говорить.

— У меня есть основания полагать, что я попал в такое же положение, как и ваш сын тогда, и я...

— Пригласи его в дом! — крикнул откуда-то изнутри женский голос.

Старик опустил глаза, грустно вздохнул, безропотно посторонился и отошел от двери.

Я толкнул деревянную створку, которая жалобно скрипнула, и вошел.

Обстановка была простая и старенькая, воздух застоявшийся, но чувствовалось, что содержат дом хорошо.

— Я не могу встать, чтобы поздороваться с вами: у меня больные ноги, — сказала из глубины кресла старушка с забранными в узел волосами.

— О, что вы, я очень благодарен, что вы меня приняли, — отозвался я, повинувшись ее жесту и садясь на обитый репсом стул.

Я услышал, как заскрипели деревянные ступени: это удалялся ее муж.

— В настоящее время мне угрожает один человек, психиатр Игорь Дубровский. Если моя информация точна, вы подавали на него жалобу, когда...

— Когда мой сын покончил с собой...

— Этого человека оправдали за отсутствием доказательств. Не могли бы вы рассказать мне все, что вам о нем известно?

— Это было тридцать лет тому назад... — сказала она задумчиво.

— Расскажите, пожалуйста, все, что помните, чтобы я мог попробовать... как-то себя защитить.

— Вы знаете... после процесса я виделась с ним всего один раз...

— Но ведь это он применял к вашему сыну терапию...

— Да, в особенности он. Он нам об этом говорил, когда мы с мужем доверили ему лечение Франсуа. Сказать по правде, я не помню, что он тогда говорил...

— Как понять «в особенности»?

— Франсуа лечили два врача.

— У вашего сына было два психиатра?

— Да. Доктор Дубровский и еще один, в больнице.

Я задумался.

— Не хотите ли кофе? Мой муж приготовит, — мягко предложила она.

— Нет, большое спасибо. Скажите, а что ваш сын рассказывал об Игоре Дубровском?

— О, месье, мне он ничего не говорил. Знаете, он был не особенно разговорчив. Он имел обыкновение все таить в себе.

Она немного отдышалась и прибавила:

— Но несомненно, это его очень тяготило.

— Но если вашим сыном занимались два врача, почему вы подали жалобу именно на Дубровского?

— Видите ли, месье, есть вещи, которые превышают наше понимание. Мы ими и не интересовались, сознавая, что сына уже не вернешь. Он был нашим единственным сыном... Мир обрушился, и земля ушла у нас из-под ног, когда он умер. Все остальное уже не имело значения. Мы подали жалобу не из мести, а потому, что нас об этом попросили. Бороться с судьбой бесполезно.

— Но почему именно на Дубровского, а не на другого психиатра? И почему не на обоих? И... в чем вы могли его упрекнуть?

— Нам объяснили, что это именно он толкнул Франсуа на самоубийство. И это не выдумка, знаете ли... Достаточно уже того, что он нам сообщил. И потом, так тяжело ходить в суд каждый день... Нам так хотелось побыть в одиночестве...

— Подождите, подождите... Кто все это вам говорил?

— Тот господин, что нас консультировал. Он все время повторял: «Подумайте о тех молодых людях, которых вы спасете».

— Вы хотите сказать — ваш адвокат?

— Нет, не адвокат. Он в суд не ездил.

— Так кто же это был?

— Я сейчас точно не помню. Ведь прошло больше тридцати лет... Много людей тогда приходили к нам в дом... Пожарные, полицейские, комиссар, страховые агенты... Мы с ними не были знакомы, мой муж и я...

— А этот человек... вы не можете сказать, какое у него было звание, какова официальная роль?

Она помедлила, напрягая память:

— Нет... но это был высокопоставленный господин.

— А вы не могли бы его описать?

— Нет... мне очень жаль... Я совершенно не помню его лица. Единственное, что приходит на ум, так это то, что он был помешан на обуви. Это было необычно и доставило нам немало хлопот, потому и запомнилось.

Да, с такого рода информацией далеко не уедешь...

— Ну просто настоящий маньяк, — снова заговорила она, с грустной улыбкой вспоминая сцену. — Он все спрашивал нас, не подходила ли наша собака к его мокасинам. И помню еще, что он брызгал слюной... И во время разговора все доставал из кармана

платок и обмахивал свои башмаки. А уходя, тщательно вытер ноги о коврик. Должна сказать, меня это даже обидело...

Враги ваших врагов совсем необязательно ваши друзья. Человек, с которым я встречался в то утро возле Биржи, другом мне не был, и уж точно никогда им не станет.

Однако это был единственный в мире человек, который мог помешать Дюнкеру спать спокойно. Фишерман. Тот самый Фишерман, что регулярно публиковал в «Эко» негативные отзывы о нашем бюро. Ни разу у нас не побывав, он осмелился написать, что сотрудники «Дюнкер Консалтинг» недостаточно продуктивно работают, вызвав тем самым внутри бюро целый шквал распоряжений, одно хуже другого, в результате чего давление на нас усилилось до предела.

Мы с ним поговорили по телефону, и я уговорил его встретиться со мной, напустив загадочного тумана и раздражив его аппетит.

Я пришел пораньше и устроился за одним из мраморных столиков в металлической оправе. В это время клиентов было немного, но приближался час обеда, и в кафе становилось все оживленнее. Официант спешил расставить приборы. Бармен за стойкой разливал пиво для завсегдатаев, переговариваясь с кем-то нарочито низким голосом, а за его спиной в кофеварке уже готовились «эспрессо», наполняя все вокруг ароматом «арабики». Мойщик витрин плавно возил по стеклу окномойкой, оставляя диковинные мыльные ручейки и тут же, как по волшебству, снимая их губкой. А на тротуаре исполняли свой нескончаемый вальс темные костюмы и галстуки.

Я описал себя Фишерману, чтобы он сразу мог меня узнать. Но когда я увидел входящего человека в твидовом костюме, в рубашке с расстегнутым воротом и в больших темных очках в черепаховой оправе, которые совсем скрывали густые брови, то сразу понял, что это он. Понял гораздо раньше, чем он меня увидел.

Он поздоровался сквозь зубы, без улыбки. Я предложил ему кофе, но он отказался.

— Как я вам уже говорил, я мог бы, в определенные дни и в определенных пределах, сообщать вам предполагаемую тенденцию изменения курса акций «Дюнкер Консалтинг» на следующий день.

— А что вам дает эта... способность?

— Время от времени у меня появляются сведения о некоторых событиях, которые не сразу публикуются.

Он посмотрел на меня с подозрением:

— И откуда у вас эта информация?

— Я служащий предприятия.

Теперь в его глазах появилось презрение.

— И что вы хотите взамен? — произнес он с видом человека, у которого уже не осталось никаких иллюзий относительно человеческой природы.

— Ничего.

— Если бы вам это не было выгодно, вы бы сюда не пришли.

— Мы с вами заодно.

— Но что вам это даст? — настаивал он с инквизиторским упорством.

— Я ненавижу Марка Дюнкера. И мне выгодно все, что может его уничтожить.

Похоже, мой ответ его устроил, поскольку вполне укладывался в его картину мира.

Он сделал знак официанту принести кофе, а я продолжал:

— Всякий раз, как вы публикуете какую-нибудь гадость о нашей конторе, эти сведения распространяют среди всех штатных сотрудников.

Он никак не отреагировал на мои слова, лицо его так и осталось каменным.

— Так вы собираетесь заранее предупреждать меня о событиях, о которых вам удастся узнать? Так?

— Нет, я не собираюсь сообщать о событиях. Но как только я узнаю, что информация готовится к публикации, я сразу вас предупрежу.

— И что же в этом случае изменится?

— Если вы отреагируете быстро и опубликуете негативную статью раньше, чем наша информация дойдет до печати, у всех возникнет ощущение, что в «Дюнкер Консалтинг» что-то не так. Это усугубит ситуацию. А именно к этому я и стремлюсь.

Несколько мгновений он молча меня разглядывал.

— Интересно, это информация... или только предупреждение о том, что акции упадут?

— А вот этого я вам не скажу. Не будьте уж таким гурманом... Ведь ваше ремесло состоит в том, чтобы составлять прогнозы биржевых курсов и котировок предприятий, а я даю вам возможность раньше всех объявить, что акции «Дюнкер Консалтинг» пойдут вниз. Это и так много...

Он ничего не ответил, только сверлил меня недоверчивым взглядом.

— Это эксклюзив, — прибавил я.

— Но у меня нет доказательств, что ваши предупреждения будут точны.

— Вы сами убедитесь на этой неделе.

Он поднял бровь.

Я слегка наклонился к нему и понизил голос, подчеркивая важность сказанного.

— Послезавтра, — сказал я, — акции «Дюнкер Консалтинг» упадут в течение дня как минимум на три процента.

Он мрачно на меня посмотрел и молча выпил кофе. Весь вид его выражал сомнение.

— В любом случае, — заключил он, — я не могу ничего публиковать на основании сплетен, принесенных незнакомым человеком.

— Поступайте, как хотите. Я вам предоставлю сведения... скажем... трижды. Если вы ими не воспользуетесь, ну что ж... отдам кому-нибудь из ваших конкурентов.

Я поднялся, вынул из кармана деньги за свой кофе и положил на столик. Но только за свой. А потом ушел, оставив его один на один со скепсисом.

43

Телефонный звонок вывел меня из задумчивости. Я снял трубку. — Не разъединяйтесь, передаю трубку мужу.

Долгое молчание.

— Алло? Месье Гринмор?

Я сразу узнал тягучий голос.

— Это я.

— С вами говорит Раймон Верже. Вы меня знаете, я бывший главный редактор «Монд».

— Да, да, конечно... Как поживаете?

— Благодарю вас, дорогой мой, хорошо. Я вам звоню, потому что, кажется, нашел имя журналиста, который скрывался за псевдонимом Жан Калюзак...

Удача повернулась ко мне лицом. Я наконец-то смогу поговорить с автором статьи, конечно, убийственной, но уж очень точно описывающей Игоря Дубровского. Написавший ее журналист не мог не знать его лично.

— Я правильно подумал, что речь может идти о какой-то знаменитости, — продолжал он. — Поэтому его псевдоним и не фигурирует в моем списке.

Сердце у меня заколотилось.

— Скажите же мне все. Как его имя?

— Простите?

Я совсем забыл, что он плохо слышит, и повторил, отделяя каждый слог:

— Как его имя?

— Прежде всего, я прошу вас учесть, что я соблюдаю пиетет, дорогуша. И открываю вам его имя только потому, что его уже много лет нет в живых. Иначе я защищал бы его анонимность. Но теперь, когда прошло столько лет... Есть понятие срока давности...

У меня кровь застыла в жилах. Все пропало...

— Я вычислил его настоящее имя, вспомнив, что многие развлекались, используя в качестве псевдонимов анаграммы

собственных имен. Мне долго пришлось повозиться, прежде чем я понял, что за Жаном Калюзаксом прячется Жак Лакан^[10].

— Лакан, знаменитый психоаналитик?

— Он самый.

Я был озадачен. Что же так разозлило Лакана, почему он написал такую язвительную статью о Дубровском?

Этот вопрос я задал своему собеседнику.

— Не знаю, дорогуша. На этот вопрос может ответить только специалист.

На всякий случай можете задать его Кристин Веспаль.

— А кто это?

— Кристин Веспаль была когда-то журналисткой в журнале «Гуманитарные науки» («Sciences humaines»). Психоанализ и все такое прочее — ее страсть.

Она с огромным удовольствием ответит на все ваши вопросы. Найти ее нетрудно: после того как вышла на пенсию, она все вечера проводит в «Дё Маго».

— Это кафе напротив церкви Сен-Жермен-де-Пре?

— Как вы сказали?

Я повторил по слогам.

— Совершенно верно. Можете туда отправиться. Узнать ее тоже легко: она наверняка будет в экстравагантной шляпке. В наши времена любили носить шляпки... И она очень общительная, вы сами увидите. Я ей позвоню и замолвлю за вас словечко.

Я с трудом нашел улицу, затерянную за площадью Бастилии, в квартале, где сохранилось еще очарование старины. В нижних этажах большинства домов располагались магазины или лавки ремесленников. Двери были распахнуты настежь, и весь пестрый мир квартала весело высыпал на тротуар, охотнее занимаясь обсуждением новостей, чем работой. Развозчики товаров загружали свой транспорт прямо посреди мостовой, окликая знакомых и громче всех переговариваясь на ходу. Они ловко маневрировали своими тележками, но пакеты все равно с них валялись, вызывая хохот зрителей. За дверью мастерской виднелся сидящий за машиной сапожник, и вокруг распространялся запах нагретой кожи. С ним рядом, под поэтичной вывеской «Продавец красок», соседствовал хозяйственный киоск. Я

заглянул внутрь: вывеска не врала. Лавка ломилась от всевозможных предметов обихода невообразимой пестроты и разнообразия. Вешалки, разноцветные заколки, губки, кухонные салфетки из миткаля, зеленые, желтые и синие передники, тазики и мисочки всех сортов и размеров из красного, желтого и бежевого пластика... Все это радостно выступало на тротуар. Зеленщик во все горло зазывал клиентов, зычно выкрикивая цены овощей, фруктов и прочей снеди. Дальше виднелся металлический прилавок продавца газет и журналов. Издания, кричащие о всяческих скандалах, заполнили добрую половину тротуара. Из соседней красильни вырывались струйки пара с характерным запахом. Напротив красовалась витрина колбасника с огромными копчеными сосисками, еще дымящимися сырными пирогами, колбасами, свисающими сверху на металлических крюках, и еще множеством соблазнительных вещей.

Я хорошо знал только американские торговые центры, холодные и безликие, а тут понял, как повезло французам, что у них есть еще такие маленькие оживленные улочки. Отдают ли они себе в этом отчет? А вдруг они позволят погибнуть этим лавчонкам и из города уйдет вместе с ними последнее человеческое тепло? На черта тогда будет делать покупки в гипермаркетах и жить в спальных районах, из которых, вместе с этими крошечными бутиками, исчезнет душа города?

Под номером 51 значился дом, фасад которого покрывала патина времени. Прибитая сбоку от арки дощечка, намеренно написанная от руки, гордо указывала: «Ассоциация СПИЧ-МАСТЕР, вход со двора».

Я нырнул под арку и вошел во внутренний дворик. Передо мной оказался еще один дом. Дверь была закрыта и снабжена кодовым замком. Ни вывески, ни таблички... Любопытно. Я пошел по двору в другую сторону и тут увидел лестницу, ведущую вниз вдоль боковой стены, которая соединяла оба здания. Издали виднелась прикрученная проволокой к перилам вывеска. На всякий случай я подошел поближе, но без большой уверенности: такая лестница могла вести только в подвал. На вывеске, тоже от руки, было написано название ассоциации, а рядом нарисована стрелка, указывающая вниз. Я спустился по лестнице. Дневной свет освещал только первые ступени, следующие расплывались в полутьме, а потом зияла чернота. Дна видно не было. Не очень-то заманчиво...

Я потихоньку спускался, с таким чувством, словно вхожу в чрево квартала. Внизу оказалась железная дверь со звонком. Я нажал на кнопку и прислушался. Тянуло холодом и сыростью. Дверь открылась, и на пороге возник рыжий парень лет тридцати.

— Здравствуйте, меня зовут Эрик.

— Очень приятно, Алан.

Улыбка не изменила серьезного выражения на его лице. Я вошел.

Помещение мне сразу понравилось. Под высоким каменным потолком ощущался простор. Стекланные кирпичи, вмонтированные в каждом углу, создавали источники дневного света. Освещение дополняли галогенные светильники. Старый, вытертый пол кое-где провалился. Легко было представить, сколько историй он помнил. У стены был сколочен дощатый помост, похожий на те, что иногда встречаются в школах. Я был очарован. У подножия помоста, по десять в ряд, занимая все остальное пространство, стояли табуреты. Всего их насчитывалось штук сто. Возле входа поместился кухонный стол с кофейным автоматом и внушительными стопками пластиковых стаканчиков. Под ним мирно урчал маленький холодильник.

— Раньше здесь был подвал?

— Вы находитесь на бывшем складе семьи краснодеревщиков. Здесь работали многие поколения мастеров, и так продолжалось до тысяча девятьсот семьдесят пятого года, когда последний из них, выйдя на пенсию, обнаружил, что ему некому передать мастерскую.

Я представил себе, как тут работали ремесленники с ножами, стамесками и молотками, а потом складывали сюда плоды своих трудов, и помещение наполнялось запахами сосны, дуба, ореха, палисандра и красного дерева.

— Скажите по-честному, почему вы решили сюда обратиться? — спросил рыжий очень серьезно.

Тон был строгий, но парень не производил впечатления человека самовлюбленного. Хорошо поставленный голос звучал дружелюбно. Он разглядывал меня почти сурово, словно оценивал. Можно было подумать, что я должен оправдаться перед ним, а я, напротив, ждал, что он станет расхваливать свой институт...

— Почему решил? Я не умею говорить на публике, страх отнимает у меня все силы. А мне вскоре предстоит выступить перед большой аудиторией. И я должен ее увлечь, иначе произойдет катастрофа.

— Понятно.

— Как проходят занятия на ваших курсах?

— Это не курсы.

— Вот как?

— Каждый из участников, без всякой подготовки, должен в течение десяти минут говорить на тему, которую выберет сам. Затем остальные участники пишут на листке бумаги свои фидбэки и передают ему.

— Фидбэки?

— Ну да, отзывы о выступлении. Комментарии, которые базируются на том, что можно и нужно исправить: небольшие дефекты, запинки, шероховатости в части языка или структуры речи.

— Понятно.

— Если слушателей тридцать человек, вы получите тридцать листков. Вам надо просмотреть комментарии и выделить наиболее часто повторяющиеся недочеты, а в следующем выступлении постараться внести поправки и говорить лучше.

Он выделил слова «поправки» и «лучше», слегка нахмутив брови, как школьный учитель. Несмотря ни на что, методика показалась неинтересной.

— И когда я могу приступить?

— Мы начинаем занятия с двадцать второго августа. И потом каждую неделю.

— Только с двадцать второго августа? А раньше нельзя?

— Нет, все в отпусках.

Я пропал. Генеральная ассамблея, если я собираюсь на ней выступать, назначена на двадцать восьмое. Я успею позаниматься всего одно занятие, а этого явно недостаточно... Я поделился с ним своей проблемой...

— Конечно, это не идеальный выход из положения. Наша педагогика рассчитана на долгое время. Но вы, по крайней мере, получите замечания, которые вам должны помочь... Надо было обратиться к нам раньше.

Последнюю фразу он произнес с упреком.

— Дорогой Алан Гринмор! Как дела?

Я смутился: неизвестная дама, которую я видел впервые, бросилась ко мне с таким пылом, словно мы были друзьями лет двадцать... Половина клиентов обернулись к нам. Полуприкрыв глаза, она театральным жестом протянула мне расслабленную руку ладонью вниз. Чего она хотела? Чтобы я поцеловал руку?

Я ее пожал, не сильно, но и не слабо.

— Здравствуйте, мадам Веспаль.

— Мой милый Раймон Верже рассказывал о вас столько хорошего...

Я плохо представлял себе бывшего редактора «Монд», рассыпающегося в комплиментах моей персоне.

— Садитесь, пожалуйста, — сказала она, указывая на стул рядом с собой. — Это мой столик, и вы — желанный гость. Жорж!

— Мадам?

— Что вы закажете, Алан? Вы ведь разрешите мне называть вас Алан, правда? Такое приятное имя... Я полагаю, вы англичанин?

— Американец.

— Это одно и то же. Чего бы вам хотелось?

— М-м-м... Кофе, пожалуй.

— Но ведь вы не откажетесь от глотка шампанского? Жорж, друг мой, два бокала!

В этот августовский вечер на террасе «Дё Маго» было тесно от туристов и завсегдатаев, у которых была привычка переговариваться через столики. Кристин Веспаль, как и ожидалось, была в монументальной бледно-розовой шляпе с искусственными фиалками наверху и матерчатой птицей цвета фуксии на одном из полей. Одета в розовое, она выглядела очень элегантно, несмотря на эксцентричность наряда. Ей было лет семьдесят, но в ней чувствовался ум и жизненная сила, достойные двадцатилетней девушки.

— Мой милый Раймон сказал, что вы интересуетесь Жако?

— Жако?

— Ну да, он мне сказал: «Расскажи ему все, что ты знаешь о Лакане». А я ему ответила: «Дорогой, ты абсолютно недооцениваешь, насколько долго я могу говорить на эту тему. Тут целой ночи не хватит, а я не в курсе возможностей Алана...»

— На самом деле... меня интересует только то, что касается взаимоотношений Лакана с другим психиатром. С неким Игорем Дубровским.

Я рассказал ей о статье, которую прочел в Интернете.

— А! Лакан и Дубровский... Об этой парочке и их вечном соперничестве можно написать роман.

— Соперничестве?

— Ну конечно! Надо называть вещи своими именами, а они были соперниками! Лакан ревновал к Дубровскому, это очевидно...

— А когда это было?

— В семидесятые годы, когда Дубровский заставил о себе заговорить.

— Но, насколько я знаю, Жак Лакан был тогда уже очень знаменит, жизнь его клонилась к закату. Как он мог ревновать к какому-то неизвестному психиатру?

— Знаете, все это надо рассматривать в контексте эпохи. Лакан находился в авангарде французского психоанализа. Психоанализ не меняется: один и тот же пациент лет пятнадцать сидит на диване и излагает свои затруднения, и все считают это нормальным. А тут появляется какой-то русский и решает проблемы своих пациентов за несколько сеансов... Непорядок, правда?

— Но может быть, они не выздоравливали... в полном смысле слова?

— Я этого знать никак не могу. Но пациент, который пятнадцать лет на диване у Лакана страдал арахнофобией^[11], исцелялся у Дубровского за полчаса. Вот вы бы на его месте что выбрали?

— Значит, Лакан завидовал результатам Дубровского?

— Да, и не только. У них все было друг другу в оппозиции.

— То есть?

— Один стар, другой молод. Лакан — интеллектуал, который концептуализировал свой подход, писал книги. Дубровский — прагматик, его интересовало действие и результат. И потом, дело еще в основе их моделей.

— Вы хотите сказать, методов, которыми они пользовались?

— Да. Психоанализ появился в Европе. Дубровский же первым начал использовать во Франции когнитивную терапию, пришедшую из Штатов.

— И в чем состояла проблема?

— Скажем так, в те годы среди интеллектуалов были очень распространены антиамериканские настроения. Но видите ли, дело не только в этом. Их разделяли деньги.

— Деньги?

— Да. Дубровский был богат. Очень богат. Семейное состояние. Не то что Лакан, у которого всегда были очевидные проблемы со средствами.

Она отхлебнула шампанского и продолжала:

— Я думаю, Дубровский стал для Лакана настоящей идеей фикс. Ему не давала покоя быстрота результатов Дубровского, и он стал все больше и больше сокращать время собственных сеансов. Кончилось тем, что минут через пять, едва пациент успевал начать свою исповедь, Лакан его прерывал и говорил: «Сеанс окончен».

— Но это безумие какое-то...

— И это еще не все. Он до такой степени завидовал Дубровскому, что начал поднимать свои тарифы до заоблачных высот. Всего за несколько минут он запрашивал пятьсот франков: сумму, даже по тем временам фантастическую. Один из его пациентов запротестовал. Так он вырвал у него из рук портмоне, чтобы отсчитать свой гонорар. Да, мой Жако действительно съехал с катушек.

Я тоже отпил глоток шампанского, наслаждаясь его нежным ароматом. На другой стороне площади стояла церковь Сен-Жермен-де-Пре. В этот вечер, освещенная все еще жарким августовским солнцем, она смотрелась прекрасной, как никогда.

— Самым печальным в этой истории было то, что если Лакан просто игнорировал Дубровского, то все вокруг о нем очень быстро позабыли.

— О Дубровском? Но почему? У него же были прекрасные результаты!

— Сразу видно, что вы американец, если задаете такой вопрос. Вам, американцам, важен результат. А мы, французы, гораздо больше ценим интеллект, а результат для нас — что-то вроде аксессуара...

Она порылась в своей сумочке из розовой крокодиловой кожи и извлекла оттуда книжечку карманного формата.

— Держите, это я принесла вам. Открывайте наугад и читайте любой пассаж.

Я взял книжку, подписанную Жаком Лаканом, и открыл на самой середине.

Характеризуя структуру сюжета филиальных интерпретаторов посредством аффективной недостаточности, проявляющейся в частой неправомерности сюжета и ментальной формации по типу благородного романа, что считается нормальным проявлением в возрасте от восьми до тринадцати лет, авторы объединяют выдумки, возникающие в более позднем возрасте...

— Абсолютно ничего невозможно понять. Но я не психиатр.

— Уверю вас, психиатрам это точно так же непонятно. Но Франция есть Франция: чем менее понятно вы излагаете, тем скорее сойдете за гения.

— Ого!

— А теперь представьте себе Дубровского, с его прагматичным взглядом на вещи, с его конкретными и лаконичными заданиями. На фоне Лакана он должен был казаться просто ничтожеством...

В этот момент я сделал неловкое движение, мой бокал упал набок, и шампанское разлилось по столику, плеснув мне на ботинки. Слава богу, только мне.

— А вот этого Жак Лакан точно не вынес бы.

— Чего? Разлитого вина?

— Ну да! Он был помешан на обуви. Не дай бог...

Я вздрогнул:

— Обувной маньяк...

— О, это была его страсть! Он мог сбежать из кабинета, бросив пациентов и заставив их ждать, чтобы купить себе новую пару ботинок между сеансами. Гениально, правда?

Ну, предположим. Юный Франсуа Литтрек покончил с собой. Он лечился у двух психиатров, и одним из них был Игорь Дубровский. Жак Лакан, с его нездоровой завистью к Дубровскому, сделал все, чтобы виноватым оказался именно он. Он написал убийственную анонимную статью в «Монд», он явился к родителям Литтрека и, манипулируя ими, заставил написать жалобу. Его выдала маниакальная страсть к обуви... Для психиатра — куда уж дальше? Отдать коллегу под трибунал не вышло, однако удалось настроить против него совет медицинского сообщества и настоять на исключении. Это положило конец карьере молодого врача. Может, так оно и было. Почему бы и нет... Но если Игорь Дубровский действительно невиновен во всей этой истории, то как объяснить все темные места, которые в ней все еще остаются? Зачем ему было статьей о праве на самоубийство заманивать тех, кто страдает депрессией, на Эйфелеву башню, в свои владения, а потом в последний момент их отлавливать? Чтобы легче было ими манипулировать? Чтобы вынудить их заключить соглашение? Но с какой целью? Чего он хотел добиться? И как объяснить записи обо мне, сделанные задолго до моей попытки самоубийства?

И при чем тут Одри?

Погруженный в свои мысли, я совсем не следил за ходом очередного понедельничного собрания. Люк Фостери и Грегуар Ларше с некоторой нервозностью и даже злобой комментировали колонки цифр на экране видеопроектора. Цифры, цифры... потом пошли кривые, потом линейные и круговые диаграммы... Я был сыт по горло этой болтовней, и лишённые смысла результаты меня абсолютно не интересовали. Голоса доходили до меня словно издалека, смутным, неразличимым бормотанием. Двое зрителей психушки горячо предлагали собравшимся психам отметить птичкой проигрышные номера в таблице лото. А мы оказались настолько слабы и некомпетентны, что были не в состоянии догадаться, какие же все-таки выигрышные. На экране нам демонстрировали орудия наказания: нас выпорют розгами графиков и палками линейных диаграмм, а потом

лишат десерта: не дадут аппетитного камамбера^[12] круговых диаграмм. А потом... потом розги графиков вытянутся и превратятся в атакующих змей, палки линейных диаграмм станут толстыми и тяжелыми, а о камамбере и думать нечего... Психи аплодировали. Они уже давно стали мазохистами...

Собрание кончилось поздно, и все потянулись обедать. Все, кроме меня. Я вернулся в кабинет и дождался, пока на этаже никого не останется. Потом взял с верхней полки досье, вытащил из-под отказных резюме два листка бумаги и засунул их в карман рубашки.

Выйдя в коридор, я огляделся и прислушался. Все было спокойно. На верхней площадке лестницы я снова подождал. Никого. Я бесшумно сбегал по лестнице на первый этаж и еще раз остановился у выхода. Тишина. Во мне зашевелился страх. С бьющимся сердцем я подошел к двери помещения, где стоял факс, и вошел. Достав из кармана листки, я осторожно разместил их между направляющими аппарата: не дай бог, застрянут... Последний взгляд в коридор. Никого. Я открыл записную книжку и набрал первый номер. Пальцы дрожали. Аппарат пищал при каждом нажатии кнопки, и этот звук казался мне оглушительным. Наконец я нажал Start, и машина отправила первый факс.

Мне понадобилось минут двадцать, чтобы разослать факсы со сведениями о фальшивых вакансиях «Дюнкер Консалтинг» во все редакции. Во все, кроме «Эко».

В тот вечер Игорь Дубровский был один в своей огромной гостиной с мягким освещением, подобранным так, чтобы создавать обволакивающую атмосферу. Он сидел за фортепиано, и звуки сонаты Рахманинова под его сильными и властными пальцами слетали с клавиш, и чистый звук «Стейнвея» заполнял пространство.

За его спиной кто-то рывком открыл дверь. Не прерывая игры, он быстро взглянул через плечо. Ага, Катрин. Врываться таким образом было не в ее привычках.

— Влади оказался прав! — бросила она в явном возбуждении.

Игорь снял руки с клавиатуры, но последний аккорд остался вибрировать, задержанный правой педалью^[13].

— Влади, — продолжала она, — утверждает, что Алан готовится к тому, чтобы представить свою кандидатуру в качестве президента «Дюнкер Консалтинг» на ближайшей генеральной ассамблее!

Игорь сглотнул. Он ожидал чего угодно, но не этого.

Он снял ногу с педали, и звук аккорда медленно растаял. Воцарилась гнетущая тишина. Катрин, обычно спокойная, сейчас говорила взволнованно, на ходу меряя шагами гостиную.

— Похоже, он записался на курсы красноречия. Но только на одно занятие. И вот уже три недели, как он встречается с какими-то непонятными людьми, видимо агитируя за себя голосовать. Он на пути к грандиозному провалу, и это будет катастрофа!

Игорь повернулся к ней, глубоко взволнованный.

— Это верно, — пробормотал он.

— Но это же его погубит! Ты понимаешь? Для него нет ничего хуже, чем публичное унижение. Он окажется в ужасном положении. А потом его просто сотрут в порошок. Весь прогресс пойдет насмарку, и он станет еще более уязвим, чем был...

Игорь не ответил, только покачал головой. По всей видимости, она была права.

— И какого черта ты дал ему это задание?

Игорь вздохнул и ответил бесцветным голосом, рассеянно глядя в пространство:

— Я был уверен, что он откажется.

— Но... тогда зачем было давать?

— Потому и дал, чтобы заставить его отказаться...

Снова долгое молчание.

— Я перестаяю тебя понимать, Игорь.

Он посмотрел на нее:

— Мне хотелось заставить его взбунтоваться. Против меня. Я хотел поставить его в такое невыносимое положение, из какого был бы только один выход: пойти против меня и вынудить меня разорвать наше соглашение.

Пришел момент ученику освободиться от учителя. Ты ведь хорошо понимаешь, Катрин, в чем состоит парадокс рулить чужой жизнью и посреди дороги ожидать, что подопечный вот-вот оторвется... Поначалу жесткий контроль необходим, ибо он должен строго следовать твоим указаниям, но потом он просто обязан сбросить груз опеки и стать по-настоящему свободным... Но не я должен его освободить. Это должно исходить от него самого, иначе... получится, что он свою свободу не заслужил...

Игорь взял с фортепиано стакан с бурбоном. Лед уже растаял. Он отпил глоток. Катрин не сводила с него глаз.

— Я понимаю.

— Дав ему задание, пусть невыполнимое, стать президентом, я тем самым дал ему разрешение пустить в ход власть. Это было метафорическое послание, касающееся наших с ним отношений.

Он поставил стакан. На него давил тяжелый, полный упрека взгляд Катрин.

— И, несмотря ни на что, он не взбунтовался, — сказала она. — Он продолжает...

— Да.

— Ему надо помочь. Надо что-то сделать. Мы сами поставили его в такое положение, и нельзя его оставлять одного!

Наступило долгое молчание, потом Игорь грустно вздохнул:

— К несчастью, на этот раз я действительно не вижу, что можно сделать...

— Ну а если ты ему просто скажешь, что понимаешь чрезмерную трудность задания и чтобы он остановился...

— Ни в коем случае! Это будет хуже всего. Это будет означать, что я, его наставник, не верю в его способности. Это будет сокрушительный удар по его достоинству. Не говоря уже о том, что это надолго продлит его зависимость, которую я, напротив, хочу оборвать!

— Хорошо, но надо же что-нибудь придумать! Нельзя же так вот взять и отправить его на гильотину! Если уж изменить ход событий невозможно, то нужно что-то сделать, чтобы поражение не сразило его наповал. Любой ценой избавить его от публичного унижения. Пусть у него останется хотя бы иллюзия, пусть он не ощутит себя ничтожеством, хуже всех, пусть...

— У меня нет мыслей на этот счет. Я выхода не вижу. Оставьте меня одного, пожалуйста...

Катрин сдержалась, никак не отреагировав на его слова, молча поднялась и пошла к выходу. Ее шаги гулко раздавались в холле, потом все тише, потом совсем затихли.

Опять наступила давящая тишина. Игорь остался один на один со своей крупнейшей, непростительной педагогической ошибкой, которая может иметь очень тяжелые последствия.

Он медленно положил руки на клавиши, и соната Рахманинова снова заметалась в своих мучительных грезах.

Выходя в то утро из дома, я заметил внизу у лестницы силуэт мадам Бланшар. Она что-то протягивала Этьену. По форме предмета я догадался, что это такое же пирожное, какое она прислала мне. Вид у Этьена был до крайности удивленный.

Я быстро перешел улицу: на той стороне стоял газетный киоск. У меня внутри все сжалось от дурного предчувствия.

Из булочной вкусно пахло свежими багетами и горячими шоколадными хлебцами.

Купив по экземпляру всех газет, я устроился на террасе соседнего кафе. Я открыл «Фигаро» и зашуршал страницами, пока не добрался до раздела «Экономика». Глаза мои перебежали от заголовка к заголовку, а сердце бешено колотилось. Волнение нарастало, а ничего интересного для меня на темных от типографской краски страницах не было, и шансы мои резко уменьшались. Вдруг я затаил дыхание.

«Подозрение: возможные махинации в „Дюнкер Консалтинг“».

Далее следовали несколько строк разъяснений по поводу затронутой темы, написанные в довольно нейтральном тоне.

— Чем могу служить? — раздался у меня над ухом неприветливый голос официанта, усача с невыразительным лицом.

— У вас есть шоколадные хлебцы?

— Нет, круассаны и тартинки с маслом, — ответил он, не глядя на меня.

— Тогда два круассана и кофе, пожалуйста.

Он ушел, ничего не ответив.

В нетерпении я схватил «Монд» и тоже нашел короткую информацию на эту тему, за которой шла статья о бюро по трудоустройству и о методах их работы, со всеми упреками, которые им обычно адресуют. «Либерасьон» опубликовала короткую, но яркую статью, снабдив ее фотографией нашего офиса и броским заголовком: «Когда охотники за головами нас дурачат». «Паризьен» подсчитал время, впустую потраченное кандидатом, пока он отвечал на все ложные запросы и требования, а также примерную цену печати и отсылки резюме. «Франс суар» объясняла, что между секторами

службы занятости существует соперничество и что канцелярии необходимо аккуратнее обращаться с объявлениями, ибо соперничество, по всей видимости, и заставило Дюнкера переступить черту. «Юманите» посвятила событию целых полстраницы. На большой фотографии был изображен кандидат, обводящий черным фломастером фальшивые объявления в газете, а крупно набранный заголовок гласил: «Скандал с фальшивыми вакансиями в „Дюнкер Консалтинг“». Статья изобличала непредвиденные последствия бесконтрольного либерализма и их пагубное воздействие на несчастных кандидатов. Множество безработных свидетельствовали, что они вообще не получили ответа на свои многочисленные резюме. И неудивительно, замечает журналист, ведь таких вакансий просто не существовало! Что же до «Канар аншене»^[14], то они озаглавили материал «Бюро по найму тебе врет».

Киоск не торговал провинциальной прессой, но я знал, что у «Дюнкера» много офисов в регионах. Самым важным для меня было, что напишут финансовые издания. Информацию опубликовали все: от «Трибюн» до «Ля кот дефосс»^[15] и «Журналь де финанс». Никаких комментариев по поводу человеческого фактора, никаких эмоций, но это не важно. Информация явно дошла до руководителей. Я поспешил в бюро. Мне хотелось оказаться там перед девятью, чтобы лично проследить открытие торгов на Парижской бирже и тенденции котировок акций.

Без десяти девять я уже сидел перед компьютером и просматривал сайт «Эко». Я не знал, повлияет или нет такая информация на котировки предприятия. Может, об этом и мечтать не стоило... Нервы мои были натянуты.

Ровно в девять на экране появились цифры курса акций «Дюнкер Консалтинг», набранные красным шрифтом. Они упали на 1,2 %. Я застыл, не веря своим глазам, меня захлестнула сумасшедшая радость, запредельное возбуждение. Я, Алан Гринмор, повлиял на курс акций «Дюнкер Консалтинг» на Парижской бирже! Невероятно! Неслыханно! 1,2 %! Но это же огромная цифра! Потрясающе!

Я вспомнил свой прогноз в разговоре с Фишерманом. Я ему объявил 3 % за день. Ясное дело, цифру я взял с потолка. Но похоже, к концу дня так и будет. Это вопрос доверия. Для меня сейчас этот

вопрос был главным. Жизненным. Теперь надо, чтобы тенденция закрепились и увеличилась.

В течение дня я постоянно консультировался с курсом акций. Даже во время собеседования я нет-нет да и бросал взгляд на экран.

За день тенденция окрепла, хотя в середине дня наступило некоторое улучшение ситуации. К четырем часам курс упал на 2,8 %. Фортуна была на моей стороне.

В эйфории я вышел в комнату отдыха. Шампанского в автоматах не продавали. В ознаменование первой победы я налил себе перье.

Возвращаясь в кабинет, я шел мимо застекленных офисов и видел, в какой стресс вогнало сотрудников наше руководство. И ведь все бесчеловечные требования были якобы продиктованы соображениями биржевой рентабельности и мотивированы вдохновенными проектами развития. Ну и наворотили! Теперь все бесцельно толкутся в бюро, а ведь могли бы работать и раскрываться в работе! Контраст с моим восторженным состоянием просто кричал. И я вдруг понял, что не только страх перед Дубровским побудил меня лицом к лицу встретить его последнее задание. Вовлеченный в опьяняющую игру, первый тайм которой мне удалось выиграть, я почувствовал, что во мне зашевелились ростки призвания. Несмотря на то что я рисковал потерять все и оказаться на улице, меня вело одно страстное желание: дойти до цели.

Вернувшись после обеденного перерыва, Марк Дюнкер бросил беглый взгляд на экран компьютера, чтобы свериться с курсом собственных акций.

— Что за дьявол? — произнес он вслух, разговаривая сам с собой.

Из соседней комнаты раздался голос Эндрю:

— Господину президенту что-нибудь нужно?

Дюнкер оставил вопрос без внимания. Веб-сайт не публиковал разъяснений. Однако здесь было что-то не то...

— Да что происходит, черт побери...

В дверном проеме обозначился стройный силуэт Эндрю.

— Вы читали газеты, которые я утром положил вам на стол, господин президент?

— Нет. Это еще зачем? — подозрительно спросил Дюнкер.

— Э... Кажется, произошла утечка, госп...

Кровь бросилась Марку Дюнкеру в голову. Он вскочил и схватил стопку газет.

Что?! Что вы болтаете?

Он принялся лихорадочно листать «Трибюн», комкая и разрывая пополам страницы.

— Двенадцатая страница, господин президент.

Дюнкер сразу увидел статью, которую Эндрю отчеркнул желтым. Прочитав ее, он медленно опустился на стул и задумчиво произнес:

— У нас завелась паршивая овца.

Голос его был спокоен, но лицо побагровело.

— Это все ерунда, — отчеканил он, словно убеждая сам себя. — Через пару недель все забудется.

Большой черный «мерседес», сделав сложный вираж, повернул на маленькую торговую улочку, где его тут же блокировал развозчик товаров, который сгружал ящики с рыбой и коробки с фруктами. Оставив машину на попечение Влади, Игорь вышел и последние метры прошел пешком, пробиваясь сквозь утреннюю сутолоку. «Да, Париж не приспособлен для автомобилей, — подумал он. — А уж особенно эти полуразвалившиеся старые кварталы. Их давно пора снести и построить новые, соответствующие нормам».

Он нырнул под арку, настоящий вход в какой-нибудь притон, и очутился во внутреннем дворе, сразу взяв направление на дверь, которую ему указал Влади. Лестница терялась в темноте, словно вела в подземный ход. Место оказалось еще хуже, чем описал ему шофер. И с чего это Алан выбрал такую крысиную нору? Он спустился и оказался перед каким-то подобием входа в каземат. Изо всех сил надавив на кнопку звонка, он не надеялся в такой час найти тут живую душу. Призраки и летучие мыши просыпаются только по ночам.

Дверь приоткрылась, и из нее высунулся рыжий парень. Игорь вошел.

Несмотря на довольно сухое лето, из подвала тянуло сыростью. Зимой здесь, наверное, настоящий кошмар.

— Чем могу служить? — спросил рыжий.

Игорь огляделся вокруг, отметив провалившийся пол, старый, прогнивший помост, накрытый клеенкой кухонный стол. В этот момент с inferнальным грохотом включился холодильник.

Рыжий стоял, скрестив руки на груди. Игорь выдержал паузу:

— Я пришел поговорить с вами об одном из слушателей ваших курсов.

— Вы хотите сказать, об одном из членов нашей ассоциации?

— А разве это не одно и то же?

— Мы не коммерческая организация.

Игорь улыбнулся:

— Это забавно, давать себе определение от противного, указывая цель, которую вы не преследуете...

Рыжий немного помолчал и сказал медленно, тщательно подбирая слова:

— Целью членов нашей ассоциации является развитие навыков публичных выступлений.

— Развитие... Что ж, прекрасно... А вы тоже член ассоциации?

— Конечно.

Игорь согласно кивнул:

— Поздравляю. Совершенно искренне. В наше время люди, желающие развиваться, попадаются редко... Мы что-то воспринимаем и развиваемся в детстве, а потом — нет! Повзрослев, никто не хочет меняться ни в манере общения, ни в поведении. Люди говорят: «Нет, хочу остаться самим собой», как будто смена манеры общения поменяет их сущность. Было бы дико, если бы ребенок отказался учить свой родной язык под тем соусом, что хочет остаться самим собой!

Рыжий кивнул.

Игорь сделал несколько шагов по подвалу:

— Я хочу вас спросить об Алане Гринморе. Он записался к вам несколько дней назад.

— Именно так.

— Наверное, он сказал вам, что в конце месяца готовится выступить перед группой очень серьезных людей?

— Да.

— И он должен был сказать, что от этого выступления зависит его будущее. Я полагаю, и психологическое равновесие тоже.

Рыжий нахмурил брови.

— Точнее, ему нужно выступить, чтобы убедить присутствующих подать за него свои голоса на выборах. Получится у него или нет, не важно. Напротив, для него глубоко, я бы сказал, жизненно важно не оказаться смешным на публике. Если он осрамится, это надолго выбьет его из колеи, он потеряет почву под ногами. Он очень раним. Последствия могут быть драматическими.

Игорь опустил голову, представляя себе эту сцену. Рыжий молчал.

— Вы, наверное, пока совсем не знаете, что база для выступления на публике у него... нулевая или почти нулевая. Это не его ампула, в такой ситуации он чувствует себя очень скверно. Короче, ему для этого надо преодолеть трудный путь.

— Я понял все, что вы сказали, но не надо слишком рассчитывать на нашу ассоциацию. Видите ли, это длительная работа. За три сеанса этому не научишься, да и... он сможет посетить только один.

— Расскажите мне о вашей методике.

— Все очень просто. Один из членов ассоциации должен сказать речь минут на десять перед остальными, кто в этот день будут слушателями. Потом каждый из слушателей пишет анонимный отзыв на выступление, указав, что, по его мнению, надо исправить. Эти отзывы передают выступавшему, и он на следующий раз старается скорректировать речь с учетом замечаний. Прогресс наблюдается от сеанса к сеансу. К концу года все выходят на очень неплохой уровень.

— К концу года, — задумчиво повторил Игорь.

— Я от вас и не скрываю, что это очень длительная работа.

— И он имеет право только на один сеанс...

— Ему следовало раньше записаться.

— У меня к вам предложение, — сказал Игорь, глядя на рыжего в упор своими синими, со стальным отливом, глазами.

И изложил свой план в деталях. Тот слушал молча, но было видно, что он не согласен. Дослушав, он покачал головой:

— Нет, это невозможно.

— А я вам говорю, что возможно. И достаточно легко.

— Я не об этом. Это не наша методика. Сожалею, но так мы не работаем.

— Ну вот вам и случай попробовать что-то новое!

— Нет, у ассоциации свои правила работы. Наши методики прошли испытания. У нас хорошие результаты. Может быть, они замедленны, но всему свое время. Очень важно, чтобы все шло своим чередом. Я отказываюсь менять наши методы после четырех лет работы.

Игорь долго и безуспешно пытался его убедить, но рыжий твердо стоял на своем, видимо убежденный, что хранит истину, выбитую на мраморе.

В конце концов Игорь направился к выходу, но, дойдя до жутковатой тюремной двери, обернулся:

— Удивительно, что человек, посвятивший себя тому, чтобы помогать другим в развитии, сам отказывается развивать свою методику... Я был уверен, что вы более гибки, готовы к переменам,

открыты всему новому, готовы постичь непривычное... Видимо, я ошибался.

У Биржи короткая память. Акции «Дюнкер Консалтинг» дней десять продержались на том уровне, на который съехали, потом медленно поползли вверх. Инвесторов мало беспокоила судьба злополучных кандидатов и их ответы на ложные запросы о вакансиях. Нашему президенту достаточно было опубликовать предварительные отчеты, настолько же оптимистичные, насколько смехотворные, чтобы восстановить доверие финансового рынка. Инвесторы не задавали лишних вопросов и ничего не желали замечать, охотно давая себя обмануть насчет реальных возможностей предприятия. Легковерие и жадность всегда соседствуют. В любом случае реальность не так важна, учитывая, что система идет вразнос. К счастью, у меня в запасе был еще один сюрприз, способный всех немного успокоить.

Я позвонил Фишерману в «Эко» как раз перед самой сдачей макета в набор. Меня соединили с редакцией, и я назвал человека, снявшему трубку.

Журналист согласился со мной поговорить. Может, мой сбывшийся прогноз положил конец его скепсису? Тогда мне надо укрепить возникшее доверие.

— Хочу сообщить вам еще одну информацию, — сказал я доверительным тоном.

Никакой реакции не последовало, однако трубку он не бросил.

— Акции «Дюнкер Консалтинг» послезавтра упадут более чем на четыре процента.

Я снова взял цифры наугад. Мой мизинец сообщил мне, что совокупность скандальной информации должна усилить реакцию Биржи.

— Послезавтра?

Чудеса, он заговорил! Он лизнул крючок кончиком языка...

— Да, послезавтра.

Я дал ему возможность опубликовать предполагаемый курс в завтрашнем номере.

Никакого ответа.

Я повесил трубку, начав уже жалеть о том, что выбрал именно его. Ведь я поставил на него только потому, что он постоянно нападал на нашу ассоциацию на страницах своей газеты. Ошибка моя состояла в том, что я решил, будто он имеет зуб на моего патрона и ухватится за все, что марает репутацию предприятия. Видимо, я приписывал ему собственные чувства... Поразмыслив, я решил, что он вообще лишен всяких эмоций. Он нападал на Дюнкера только потому, что не соглашался с его стратегией.

Этот неожиданный вывод мучил меня весь остаток дня. Вечером мне никак не удавалось уснуть. Весь мой план был рассчитан на Фишермана. Неужели я потерпел поражение?

На следующий день, рано утром, я спустился в киоск купить «Эко». Ни единой строчки о «Дюнкер Консалтинг». Это меня разочаровало.

Обращаться к другому журналисту было уже поздно. Не исключено, что я вхолостую истратил последний патрон. Однако я был вынужден делать ставку на Фишермана. Когда в казино игрок ставит весь вечер на красное, ему никогда не достанет мужества поставить на черное: а вдруг красное все-таки выпадет?

Он же себе этого никогда не простит.

В обеденный перерыв я снова вернулся к незавершенной операции. Закрывшись в кабинете, я разослал во все редакции неопровержимые сведения о том, что «Дюнкер Консалтинг» заранее решил со знанием дела проверить все неплатежеспособные общества.

Чтобы выбрать тему для тренировочного спича, мне понадобилось три дня. Ясно, что лучше всего рассуждать о том, что хорошо знаешь. Следовательно, выбор таков: либо бухгалтерия, знакомая с молодых ногтей, либо теперешнее ремесло консультанта по найму на работу. Последний вариант был как минное поле. Слушатели могли припомнить свои неудачные опыты в этой сфере, поскольку многие через это прошли, и бессознательно спроецировать на меня свою злость. И тогда меня ждут не самые приятные минуты...

Значит, надо выбирать сюжет, связанный с бухгалтерией. В конце концов, разве не в бухгалтерии находят прибежище все робкие люди? Конечно, вряд ли мое повествование будет увлекательным, но я обойду

опасность раздражить слушателей. А если кто из них и заснет, то я только почувствую себя в большей безопасности.

Выступление я готовил долго. Тому, кто подвержен приступам страха, полезно иметь перед собой написанный текст, к которому можно время от времени обращаться, чтобы не впасть в ступор и не искать мучительно нужное слово пересохшим языком в пустой голове.

На занятие я пришел заранее. Мне было легче наблюдать, как люди входят один за другим, чем сразу оказаться перед полной аудиторией. Я получал время оглядеться и усмирить страх, не дать ему взять меня за горло и полностью мною завладеть.

Эрик, руководитель занятий, который записывал меня в группу, принял меня очень радушно. Мне сразу стало хорошо и удобно. Однако на помост я поглядывал как на эшафот. И очень удивился, увидев микрофон и звуковую аппаратуру. В прошлый раз, когда я здесь был, я не заметил, что зал оборудован подзвучкой.

Слушатели все прибывали. Все тепло здоровались с Эриком и дружески перешучивались, словно были знакомы уже много лет. Это мне понравилось и даже вселило некоторую уверенность. Однако если все здесь свои люди, то, наверное, они уже намного превосходят меня в красноречии.

В назначенный час руководитель решительно закрыл дверь, что само по себе было чудом в Париже, где все считали нормальным опаздывать не менее чем на полчаса. Меня успокоило то, что все присутствующие были не старше двадцати пяти лет. Если бы им было вдвое больше, я бы чувствовал себя не в своей тарелке...

Эрик поднялся на эстраду, взял микрофон и постучал по нему пальцем, проверяя, есть ли подзвучка. В громкоговорителе тоже раздался стук. Эрик заговорил низким, приятным, прекрасно поставленным голосом. В своем деле он был мастер. Он объявил о начале занятий в новом сезоне, который обещает быть очень интересным, назначил день для взносов и напомнил, что на занятия следует приходить вовремя и по возможности их не пропускать.

— Сегодня, — сказал он в заключение, — я имею удовольствие представить вам нового участника...

Сердце у меня сжалось.

— ...который сегодня скажет свою первую речь: Алана Гринмора.

Все дружелюбно зааплодировали. Я поднялся на эстраду, а Эрик уселся на табурет среди слушателей. Пульс у меня был не меньше ста пятидесяти. Все взоры устремились на меня. Черт, почему я не могу избавиться от этого проклятого страха! Просто наказание какое-то... Я взял микрофон в правую руку, а листок с написанным текстом в левую, чтобы подглядывать, если понадобится.

Какой это ужас, сознавать, что все ждут, когда ты начнешь говорить...

— Приветствую всех...

Голос мой звучал глухо, словно застрял в горле. Губы тряслись, а тело одеревенело.

Ведь эти люди только что слушали Эрика, такого уверенного, так прекрасно владеющего и голосом, и телом. Я перед ним — просто нуль без палочки...

— Я хочу поговорить о том, что, с моей точки зрения, не относится к сфере знойного эротизма: об англосаксонской бухгалтерии.

В зале раздался хохот, а следом за ним — гром аплодисментов.

Ого!.. Что происходит?

Я был потрясен...

Я больше часа искал юмористический пассаж в американском стиле, чтобы оживить начало спича, но никак не ожидал такого успеха. Я почувствовал, как сердце накрывает теплая волна, и страх наполовину улетучился.

Ладно, продолжим... Надо более внятно выговаривать слова и поставить голос на опору...

— Я четыре года изучал этот предмет в Соединенных Штатах и...
э...

Черт... что я должен сказать дальше? Опять страх. В голове полная пустота... Но я же выучил речь наизусть! Дьявольщина, значит не выучил... Скорее... листок...

— Когда я приехал во Францию в поисках работы, а по матери я француз...

— ...консультант одной крупной фирмы по найму, которую знают все, сообщил мне с широкой улыбкой, что французские методы бухгалтерии резко отличаются от американских и что мой диплом годен разве что для мусорной корзины.

Снова смех. Все смотрят на меня с улыбкой и так дружелюбно... Я их обожаю.

— Он тоже смеялся, когда говорил мне все это. Но мне было не до смеха.

Снова взрыв хохота и аплодисменты. Я не мог опомниться. С ума сойти, как это здорово, заставить аудиторию смеяться! Это вдохновляет, это стимулирует... Невероятно. Теперь я понимаю, почему некоторые занимаются этим профессионально.

— И я решил выяснить, в чем же состоит различие между французской и англосаксонской бухгалтерией.

Никакого страха... Мне больше не страшно... Мне хорошо и легко... Гениально!..

— Во Франции нормы бухгалтерии диктуются государственными служащими, а в Соединенных Штатах они ведут начало от независимых сообществ, которые преследуют определенные цели. С их точки зрения, бухгалтерия призвана служить интересам инвесторов, поставляя им информацию, в которой они нуждаются, чтобы принимать рациональные решения. То есть приоритеты абсолютно противоположны французским...

Я продолжал говорить десять минут, почти не заглядывая в свои записи. Слушатели явно были захвачены темой, причем захвачены с самого начала. Видимо, мне удалось привлечь их внимание и удержать интерес. Я чувствовал себя на удивление хорошо, все более и более свободно. Я даже позволил себе роскошь ходить по сцене и смотреть в зал. В конечном итоге выступить на публике оказалось занятием вдохновляющим и возбуждающим.

Я закончил выступление под гром аплодисментов и под приветственные возгласы. Несколько человек встали, за ними еще, и наконец поднялся весь зал. *Они устроили мне овацию стоя...* Я опомниться не мог! Они скандировали мое имя... Я очутился в облаках, в другом измерении, я был счастлив...

Эрик поднялся ко мне на сцену, продолжая аплодировать, и попросил всех написать свои комментарии. Наступила тишина.

Спустя несколько мгновений он протянул мне кипу сложенных вчетверо листков. Я устроился в уголке и принялся с нетерпением разворачивать их один за другим. Мне очень хотелось узнать, какие ошибки я допустил и что мне посоветуют слушатели. По мере того как

я разворачивал листки, мое изумление росло: все отзывы были положительные! Все как один! Сто процентов!!! Это невероятно, неслыханно... Я не мог прийти в себя. Что же, выходит, за всеми моими страхами скрывался талант, природный дар, который только и ждал, чтобы заявить о себе?

Эрик посоветовал не слушать других ораторов, а пойти домой, чтобы сохранить свое выступление и все ощущения в памяти и спокойно перечитать все комментарии.

Я попрощался с присутствующими и ушел. Меня окутал свежий вечерний воздух. На крыльях успеха я поднимался по ступеням темной лестницы, как поднимаются во дворец. На поверхность города я вынырнул, напоенный новыми силами, готовый, когда наступит день, выйти навстречу судьбе.

— Среди нас завелась паршивая овца!

— Простите, месье?

Эндрю опять нарисовался в проеме двери.

Дюнкер пустил ему по столу две развернутые газеты и откинулся на спинку кресла. Лицо его застыло, как обычно бывало в худшие времена.

Эндрю подошел к столу.

Заголовки «Трибюн» гласили: «„Дюнкер Консалтинг“? за фальшивыми вакансиями — фальшивые клиенты?»

«Фигаро»: «За вакансиями без вакансий — клиенты без денег».

— Это не есть хорошо для нашей антрепризы, — заметил Эндрю со своим резким акцентом.

Взгляд Дюнкера был подобен выстрелу.

— И много у вас в запасе таких потрясающих анализов, Эндрю?

Англичанин не ответил, только слегка покраснел. Надо было молчать с самого начала. Когда босс в таком расположении духа, он весь на нервах и может повернуть против вас любое сказанное слово...

— В стаде завелась паршивая овца, это очевидно! — повторил Дюнкер. — Акции опять упали...

Подкрепив свои слова выразительным жестом, он повернулся к компьютеру и нервно забарабанил по клавиатуре.

— Вот вам пожалуйста! Не успеешь оглянуться... Вот банда тупиц... Ведь достаточно, чтобы пошла гулять любая хреновая сплетня, и все эти заморыши тут же ударяются в панику и бегут продавать... Трусы! Тряпки! Пока два процента! Но это только цветочки! Что бы ни было...

— Ну да... именно так!.. Нет, тут вы хватили через край!

— Вы сказали «с улыбкой», я и нарисовал улыбку...

— Так... с улыбкой, он улыбается!.. Прекрасно... меня это убедило. Очень хорошо!

Я заплатил, как договорились накануне, и ретировался, с трудом протолкавшись сквозь группу зевак, собравшихся посмотреть, как рисует художник.

В этот теплый и солнечный вечер на площади Тертр, под деревьями, испускавшими нежный аромат лета, былолюдно. Туристы заказывали портреты уличным художникам, устроившимся вокруг площади со своими мольбертами, держа в одной руке палитру, в другой кисть. Интереснее всего было следить за глазами художников: они цепким взглядом впивались в лицо заказчика, мысленно убирая с него дежурную улыбку и ища то выражение, которое точнее передаст характер человека.

Влюбленные позировали парами. Родители каждые тридцать секунд повторяли детям: «Не вертись, а то дядя тебя заберет!» Маленькая старушка с застывшей улыбкой умоляла того, кто был на пороге бессмертной славы, позволить ей пересечь в тень. А он отвечал, что уже почти закончил, и продолжал рисовать как ни в чем не бывало.

Зеваки сновали среди художников, норовя сравнить портреты с живыми моделями, и у каждого в запасе имелся свой комментарий... Некоторые из позировавших были явно горды тем, что привлекают к себе внимание незнакомых людей, кто-то смущался и краснел, а кто-то проявлял признаки раздражения.

По дороге к дому я сделал крюк, чтобы забрать заказанный рисунок. После закрытия Биржи я парил в облаках: акции «Дюнкер Консалтинг» упали почти на пять процентов. Это необычно много. И я вдруг решил быть щедрым...

Двумя минутами позже я постучал в дверь мадам Бланшар:

— Кто там?

— Месье Гринмор, ваш сосед.

Она открыла.

— Возьмите, это вам, — сказал я, протягивая ей пакет.

— Мне? — спросила она, не скрывая удивления. — Но за что такая честь?

— Просто так. Я был очень тронут, когда вы пришли ко мне с подарком. И мне тоже захотелось вам кое-что подарить.

Она развернула пакет и несколько секунд любовалась рисунком.

— Очень красиво. И очень хорошо нарисовано. Большое спасибо, месье Гринмор.

Я чувствовал, что она хочет что-то спросить, но не решается.

— Вам понравилось?

— Да, очень. А... кто здесь изображен?

— Мадам Бланшар, как же так! Ведь это Иисус Христос!

— О!..

Глаза у нее стали как блюдца. Надо было ее срочно успокоить.

— Конечно, непривычно видеть его таким...

Она молчала.

— Сознайтесь, ведь это недостойно, когда его изображают только на кресте, с искаженным мукой лицом... Вот вы были бы довольны, если бы вас сфотографировали на смертном одре, в агонии, а потом растиражировали снимок по всему миру после вашей смерти?

51

В конце дня я собирался позвонить Фишерману, оставив ему очень мало времени до подачи макета в набор. Мне хотелось, чтобы он отреагировал мгновенно, не раздумывая, не имея возможности пересмотреть свою позицию.

Но я не мог предвидеть, что последняя консультация затянется на целую вечность. Кандидат специально приехал из провинции, и я не мог сократить время консультации и вызвать его еще раз. Он ушел только в девятнадцать тридцать пять. Срок подачи материала в редакции «Эко» был двадцать ноль-ноль. Я бросился к телефону, боясь, что уже поздно.

— «Эко», здравствуйте.

— Скажите, пожалуйста, месье Фишерман еще в редакции? Это очень срочно.

— Не вешайте трубку.

Зазвучали бесконечные «Времена года». От этой интерпретации Вивальди должен был в гробу перевернуться...

Сними трубку, сними...

— Алло?

— Месье Фишерман?

— Кто его спрашивает?

Я ответил, и у меня в ушах снова зазвучали «Времена года». «Лето», но какое-то замороженное...

Девятнадцать сорок три... *Да сними же ты трубку!* У него не останется времени написать что бы то ни было перед подачей макета в набор...

— Добрый вечер.

Ну наконец-то!

— У меня для вас еще скуп^[16].

Молчание в трубке. Но на этот раз он заговорил первый:

— Я вас слушаю.

— Когда я позвонил вам в первый раз, я предсказал падение акций «Дюнкер Консалтинг» примерно на три процента. И мое предсказание сбылось.

— В известной степени, — поправил он.

— Во второй раз я назвал цифру в четыре процента, в то время как акции упали на четыре и восемь десятых.

— Да.

Я сосредоточился. Надо, чтобы мой голос звучал твердо и спокойно. Никакого напряжения. Блефовать было вообще не в моих привычках, а тут я собирался блефовать по-крупному. И за моей информацией ничего не стояло... Абсолютно ничего. У меня больше не было для прессы никаких скандальных новостей.

Я собрался с духом:

— Завтра произойдет самое головокружительное падение акций за всю историю. Они упадут более чем на двадцать процентов за сеанс.

— На двадцать процентов? За один сеанс? Это невозможно...

Не давать себя переубедить, иначе все пропало...

— На самом деле я убежден, что падение ожидается гораздо ниже...

Намного ниже. Возможно даже приостановление котировки, чтобы избежать падения до нуля.

Молчание.

— Что ж, посмотрим, — сказал он наконец.

Такой двусмысленный ответ мне не понравился. Что он хотел сказать? Что опубликует только мнение, прогноз, а потом посмотрит, что будет? Или останется, как во все разы, сторонним наблюдателем? Если он выберет роль наблюдателя, то как редактор газеты он труп.

Мы положили трубки.

Жребий был брошен.

Потянулось долгое ожидание... Я измучился, пытаюсь просчитать, как пойдут события. Будет ли достаточно двух точных прогнозов, чтобы он стал мне доверять? Весь вечер эти вопросы крутились в моем мозгу. Я то метался, то сомневался, то надеялся... Хотелось бы, конечно, верить, но я мог и ошибаться...

К советам Фишермана настолько прислушивались, им настолько следовали, что пошевели он пером — и акции рухнут. Окончательно и бесповоротно.

Я заснул с большим трудом и спал скверно, постоянно просыпаясь и глядя на часы. Зеленые светящиеся цифры сменяли друг друга медленно, как приклеенные. В шесть часов я поднялся и, собираясь,

заставил себя слушать радио, чтобы ни о чем не думать. В шесть пятьдесят пять я спустился вниз, на улицу. Было еще прохладно. Собачники прогуливали своих питомцев перед работой. Прохожие с невеселыми лицами уже явно отправились на службу.

Быстро уже открылось. Я сел, заказал кофе и попросил принести «Эко».

— Надо немного подождать, газета еще не пришла, — неприятливо сказал официант.

Подождать, подождать... Не могу я больше ждать!

Кофе оказался слишком крепким, и первый глоток оставил во рту горький привкус. Я попросил, чтобы его разбавили, и заказал еще круассан, чтобы отбить горечь. Вкуса еды я не чувствовал, погрузившись в свои мысли.

Официант вывел меня из этого состояния, бросив на стол газету.

Я вздрогнул, схватил ее и принялся жадно листать страницы. Внутри все сжалось. Вдруг мои глаза запнулись о крупно набранный заголовок. С секунду я ничего не ощущал, абсолютно ничего, шок парализовал и мысли, и чувства.

«Дюнкер Консалтинг»? продавайте скорее, пока не поздно.

Мне хотелось заорать от радости, я не верил собственным глазам. Вот это да! С ума сойти! Просто сказка какая-то!

Я заказал еще кофе и круассан и углубился в чтение короткой статьи, следовавшей за заголовком. Фишерман, всеми уважаемый, всесильный Фишерман советовал продавать акции! Он объяснял, что последние сведения о злоупотреблениях в предприятии вызвали много скандальных разговоров, которые, вкупе с явными стратегическими ошибками, допущенными за последние месяцы, ни о чем хорошем не говорят. Держать акции очень рискованно, и лучше от них освободиться как можно скорее.

Блеск! Супер! Экстра!

Если бы он оказался рядом, я бы бросился ему на шею, невзирая на его неприступный вид и хладнокровие, достойное целого полка тореадоров!

Часом позже я уже сидел в кабинете, перед экраном компьютера, дрожа от нетерпения, в ожидании первых вестей с Парижской биржи. Долгожданные цифры появились сразу после девяти часов: падение на

7,2 % при открытии. Я не знал, что и думать. Будет ли этого достаточно?

Этот день я провел, не отрывая глаз от экрана.

Все утро курс болтало то туда, то сюда, но с явной тенденцией к понижению. К обеду акции упали на 9,8 %. Я побежал купить себе сэндвич, а когда вернулся, они уже были на уровне 14,1 %. У меня сжалось сердце: единственным объяснением этого явления была массиванная, в течение буквально нескольких минут, продажа крупного пакета акций. Один из инвесторов сдал позиции. Йес! Я взлетел к ангелам, я торжествовал! Психологический порог в 10 % падения должен был сыграть роль пускового механизма. Инвестиционные фонды приняли решение о продаже, опираясь на ранее принятые критерии.

Еще один! Еще один! Второй инвестор продал пакет и освободил мне территорию!

Каков теперь зафиксированный уровень? 15 %? Я не смел надеяться. Мы у самой цели...

В следующий час не произошло ничего особенного. Я закипал от нетерпения. Аппетит исчез начисто, и я отъел от сэндвича только половину. Как шальной, помчался я за чашкой кофе и вернулся, разлив половину по дороге. Снова никаких подвижек на Бирже.

Веб-сайт «Эко» опубликовал две строчки, чтобы сообщить, что фонд «Инвенира» продал все акции «Дюнкер Консалтинг», никак это не прокомментировал.

В 15.30 барьер в 15 % был перейден. Я ждал, затаив дыхание.

Ну давайте, продавайте второй пакет!

Минуты шли, и ничего не происходило. Это плохой признак. Я ждал, закусив удила. 15,3 %. Акции продолжали медленно сползать вниз, но спасительного толчка, которого я так ждал, все не было. 15,7 %.

Да черт побери, продавай же!

Понижение осознанно и неотвратимо продолжалось.

Сеанс закрылся с историческим результатом: падение на 16,8 %. Это была огромная, неслыханная цифра, но оставался еще самый крупный инвестор, и это сильно усложняло дело. Объединившись с Марком Дюнкером, они могли оставить за собой большинство голосов на генеральной ассамблее. Партия обещала быть нелегкой.

Весь день я провел в крайнем возбуждении, окрыленный результатами более чем обнадеживающими, и вдруг все кончилось на незавершенной ноте... Механизм заело, заклинило. Безоблачное небо в одночасье заволокло тучами. У меня возникло ощущение, что я победил только наполовину и победа больше смахивает на поражение. Весь адреналин разом улетучился, и я почувствовал себя усталым и опустошенным.

На что мне теперь убедительное выступление перед акционерами на генеральной ассамблее? Что значат те десятки, даже сотни голосов, которые мне, может быть, удастся заполучить, в сравнении с тяжелой артиллерией крупных инвесторов?

Эндрю вытряхнул себе на стол содержимое холщовой сумки, которую ему передала девушка в приемной. Белые конверты громоздились на красной обивке такой же солидной горкой, как и в предыдущие дни. Три конверта упали на пол. Эндрю поспешил их поднять. Он поставил мусорную корзину справа от стола, сдвинул пирамиду писем налево и, вооружившись ножом для разрезания бумаги, вскрыл первый конверт, положил его перед собой, а потом выбросил в корзину. Ту же процедуру он мастерски проделал с остальной корреспонденцией. Полчаса спустя из кабинета шефа донеслось рычание. Может, тот говорил по телефону? Беглый взгляд на экран сообщил, что это не так. Лучше пойти посмотреть, что там происходит.

По обыкновению, он дважды стукнул в дверь и вошел. Дюнкер не дал ему времени осведомиться, не надо ли чего.

— Панурговы бараны!

— Месье...

— А я говорю, все панурговы бараны! Этот журналист-недотепа лезет не в свое дело, а стадо идиотов, не давая себе труда подумать, бежит за ним. Они продают акции, и курс, ясное дело, кренится, и тогда другие несутся за ними следом, не рассуждая. Не рассуждая!

Эндрю знал по опыту, что во время таких выбросов эмоций патрона лучше вообще ничего не говорить и дать ему выпустить пар. Пока сам не замолчит. И потом, только потом, и то не всегда, он снова может стать благовоспитанным джентльменом, каким умеет быть в соответствующих обстоятельствах.

— И Пупон такой же баран, как и все! Уже три дня, как «Инвенира» от нас откололась, и три дня я пытаюсь взять быка за рога, звоню Пупону, чтобы уговорить этого болвана снова выкупить акции, пока курс низкий. Он, видите ли, недоступен! То есть якобы недоступен. Тряпка он, мужик без яиц! Да и неудивительно, с таким-то именем... И ведь ему это недорого обойдется. Пресса набила себе цену на наших вымышленных проблемах, и акции упали за три дня.

Но у прессы кишка тонка, я вам говорю, она быстро выдохнется! И все ее выпады ничего не будут стоить!

Эндрю невозмутимо слушал, хотя терпеть не мог, когда его патрон, и без того способный на всякие языковые излишества, позволял себе просто откровенную похабщину, если ситуация выходила у него из-под контроля.

Стоически вытерпев монолог и поняв, что гнев поутих, он попытался осторожно сменить тему:

— Господин президент, я уже созвал, по вашей просьбе, ближайшую генеральную ассамблею, и...

— Подождите с вашей генеральной ассамблеей, не она в первую очередь меня заботит! Я потерял самого крупного из акционеров, и курс акций далек от того, чтобы подняться. Очень мне надо талдычить об этом трем бездельникам, что явятся, потому что им больше нечем заняться. Можно подумать, это что-нибудь изменит. И вообще, если бы наши хреновые законы меня не обязывали созывать ассамблею, я бы ее отменил.

— Месье прав: закон предписывает созывать ассамблею каждый год.

— Ах, акционеры, ах, акционеры! Красивое словцо для обозначения трех дедушек, которые делают свои дела на Бирже и надеются, что это им принесет больше дохода, чем обычная сберкасса. В конце концов, на ассамблею никто не ходит, кроме болванов, считающих себя важными персонами, потому что владеют пачками акций.

— Э... я полагаю, что их будет гораздо больше, чем вы думаете, господин президент. Мы с каждым днем получаем все больше и больше подтверждений на наши просьбы явиться на ассамблею. Как раз об этом я вам и говорил позавчера: надо менять зал, потому что зал заседаний, который мы арендовали в отеле «Лютеция», будет мал.

— Мал? Как это понимать? И вообще, что значит вся эта чертовщина?

— Я думаю, люди испугались полного краха акций, месье, и решили подробнее поинтересоваться делами предприятия, в которое вложились.

— Да у них акций — кот наплакал! У каждого по пять-шесть, не больше. Пусть отвяжутся! Я не собираюсь обсуждать стратегию

развития предприятия с кем ни попадя. Мне с ними не о чем разговаривать!

— Те, кто не следил за курсом акций, обнаружат, что потеряли тридцать процентов, и решат, что продавать уже поздно: слишком велики потери. Следовательно, у них остается единственная надежда, что предприятие выправится. Потому они и придут на ассамблею, что теперь их живо интересует то, что еще пару дней назад было для них делом второстепенным. Что-то подобное было, когда упали акции «Евротуннеля», месье. Мелкие акционеры решили явиться на ассамблею, чтобы защищать свои интересы.

— Я прошу вас прекратить опасные сравнения, ладно?

— В любом случае, месье, надо сменить зал, чтобы можно было всех принять.

— Сменить зал, сменить зал!.. Я не собираюсь арендовать «Зенит»!

— Э... нет, месье, «Зенит» буде слишком мал. Учитывая, в каком ритме развиваются события, нам придется подумать о Дворце спорта в Пари-Берси.

Как и все акционеры, к которым я теперь принадлежал, я получил приглашение на ассамблею заказным письмом за две недели до события.

И вот уже целую неделю я сочинял выступление, шлифуя его, как скульптор полирует мрамор, убирая все шероховатости. Я выучил его почти наизусть, репетируя перед зеркалом в ванной и воображая перед собой группу акционеров, которых надо убедить. Я думал об этом непрерывно, идя по улице, сидя в метро или стоя в очереди. Даже стоя под душем, я отработывал некоторые пассажи и представлял себе, как публика покоряется мне. А в это время струи теплой воды ручьями текли по голове, по коже, согревая тело и сердце и заставляя их вибрировать в унисон с моим голосом, в полном резонансе с аудиторией. Я все время вспоминал свой успех в «Спич-Мастере», и это внушало мне веру в себя.

Я находил свою речь весьма убедительной и был горд собой. На месте мелких акционеров я бы за себя проголосовал без всяких сомнений.

В начале недели место ассамблеи поменяли, и я получил уведомление с новым адресом: ПОПБ, 8, бульвар Берси, 12-й округ. Такому человеку, как я, недавно переехавшему в Париж, этот адрес ни о чем не говорил.

Накануне я взял отгул, чтобы передохнуть, собраться с мыслями и внутренне настроиться. Однако, когда солнце стало клониться к горизонту, а потом исчезло за причудливой и печальной чередой парижских крыш и труб, вера в себя начала понемногу таять. И передо мной, прогнав радужные мечты, во весь рост встала суровая действительность. И состояла она в том, что событие, на которое я столько поставил, неотвратно приближалось.

Было ясно, что Дюнкер не простит мне выдвижения моей кандидатуры в противовес ему. Завтра, в это же самое время, я стану либо президентом «Дюнкер Консалтинг», либо бывшим консультантом, ныне безработным, которого преследует бывший психиатр, ныне сам наполовину спятивший.

И тут внезапно здравый смысл взял верх над сердечными порывами, и меня охватил животный, всепроникающий страх.

Утро следующего дня пролетело быстро. Я в очередной раз перечитал свое выступление, потом вышел прогуляться, чтобы подышать кислородом и попытаться хоть чуть-чуть снизить уровень стресса. Навязчивый страх привел меня в какое-то странное состояние. Внизу под лестницей я увидел Этьена и решил поделиться с ним своими страхами. Может, чтобы лишний раз увериться, что на свете есть кто-то слабее меня. А может, потому, что, если мне не удастся переломить ситуацию, я сам окажусь на его месте.

— Мне страшно, — сказал я ему.

— Страшно? — отозвался он своим хриплым голосом.

— Да. Мне предстоит сегодня говорить перед людьми и рассказать им свой взгляд на некоторые вещи. И это вгоняет меня в страх.

Он с недоверчивым видом принялся следить глазами за прохожими.

— Не вижу, в чем проблема. Я всегда говорю, что думаю, если вообще думаю, и все кончается хорошо.

— Не так все просто... Я буду не один. На меня будут смотреть, меня будут слушать, обо мне станут судить...

— Да ладно! Если они такие привереды, тем хуже для них! Надо говорить, что думаешь. Слушать свое сердце, а не страх. Тогда и страха не будет.

Я приготовил себе легкий завтрак и включил радио, информационный канал. Я предпочел есть, слушая, как говорят другие: при этом лишние мысли не лезут в голову.

Только я приступил к трапезе, как застыл на месте: перед трансляцией экстренных новостей диктор объявил время. Четырнадцать тридцать. Четырнадцать тридцать... Я посмотрел на часы, и сердце у меня сжалось: они показывали тринадцать ноль семь. Я заметался по комнате. На будильнике тоже было четырнадцать тридцать! Как же так?!! Ассамблея начнется в пятнадцать ноль-ноль... на другом конце Парижа!

Я скинул футболку и джинсы, впрыгнул в серый костюм с белой рубашкой и достал итальянский галстук. Приличный узел мне удалось завязать только с третьего раза. Туфли я натянул в мгновение ока. Засунув приглашение и текст выступления в картонную папку, я захлопнул дверь и сбежал по лестнице.

Четырнадцать тридцать восемь. К трем часам мне не успеть. Никакой надежды. Мне оставалось только молиться, чтобы собрание не начали вовремя. Свою кандидатуру можно заявлять только в начале заседания. Если я упущу время — все пропало...

Я побежал что было сил и успел на перрон метро как раз в тот момент, когда двери закрывались. Я проскочил в дверь и плюхнулся на сиденье, отдуваясь, как загнанный бык, как раз напротив какой-то бабушки, которая таращилась на меня выпученными, как шарики лото, глазами.

И тут я взорвался. И надо же было, чтобы мои часы сломались именно в такой день, когда я не имею право на ошибку!

— Не может быть! — закричал я в полный голос.

Это все равно как если бы я получил удар по голове.

— Не верю, не верю! — в тоске повторял я, спрятав лицо в ладони.

Бабушка пересела на другое место.

Всю дорогу я в отчаянии топал ногами.

Когда я вышел из метро, мобильник показывал пятнадцать ноль пять. А онто правильно показывает? Я бросился на улицу, искать дом восемь по бульвару Берси. Улица оказалась очень необычной: по краям ее высились насыпи, покрытые газоном, а в них виднелись широкие окна. Все это наводило на мысль о подземном ангаре или паркинге. Никаких номеров домов видно не было. Просто проклятье какое-то! Я бросился к прохожему, но тот ретировался, как только я попытался с ним заговорить. Я отыскал еще одного:

— Простите, пожалуйста, где дом восемь по бульвару Берси?

Он посмотрел на меня удивленно.

— Понятия не имею, где это. А что там такое?

— Должен быть ПОПБ...

— А, так это вон там.

Он указал на одно из больших окон в газоне, рядом с огромной афишей Мадонны.

— Не паникуйте, концерт завтра!

Я побежал со всех ног и влетел в дверь, помахав приглашением перед носом охранника. Вывеска гласила: «Дворец спорта Пари-Берси». Вот не знал, что стадионы сдают залы предприятиям. Забавная идея!

— Зарегистрируйтесь, пожалуйста, — сказал охранник, указав на ряд столов, за которыми скучали регистраторши в синей униформе.

Я подошел, держа в руках картонную папку.

— Я опоздал, — сказал я нетерпеливо, предъявив приглашение.

Регистраторша не спеша поискала мое имя в списке, болтая с товарками.

Потом стала готовить бейджик с той скоростью, с какой позволяла длина ее покрашенных ногтей, потом отвлеклась на телефонный звонок.

— Ой, я долго не задержусь, — защебетала она в трубку. — Подожди меня, я иду к парикмахеру, он...

— Извините, пожалуйста, — вмешался я, — я очень опаздываю, и мне срочно надо попасть в зал. Это очень важно.

— Я тебе перезвоню, — сказала она, повесив трубку, и буквально испепелила меня взглядом.

С недовольным видом записав мое имя на бейджике, она протянула его мне и глазами указала направление, куда идти.

— Вон туда, второй вход слева.

В ее голосе прозвучал упрек.

— Благодарю, но... э... я не знаю, должен я идти вместе со всеми или нет: я выдвигаю свою кандидатуру на пост президента.

Она ошеломленно на меня взглянула и набрала номер на коммутаторе.

— Это Линда, регистратор. У меня тут один визитер утверждает, что хочет выдвинуть свою кандидатуру на пост президента. Что мне делать? А? Ладно, договорились.

Она подняла на меня глаза:

— За вами придут.

Пятнадцать двадцать. Время шло, а за мной никто не приходил.

Черт, не может быть! Неужели все насмарку?

Меня так мучила эта мысль, что я забыл про страх. Он испарился. Улетучился. Я, сам того не зная, нашел антидот.

Я увидел его издали и нервно сглотнул. Это был наш финансовый директор. Он подошел к регистраторше, и она указала на меня пальцем. У него от удивления глаза вылезли из орбит, но он взял себя в руки:

— Месье Гринмор?

Интересно, а кем я еще мог быть?

— Он самый.

От удивления он даже забыл со мной поздороваться.

— Мне сообщили, что...

— Точно так, я выдвигаю свою кандидатуру на пост президента предприятия.

С секунду он ошеломленно молчал. За его спиной о чем-то щебетали регистраторши.

— А вы... предупредили месье Дюнкера?

— Это уставом не предусмотрено.

Он разглядывал меня с явным недовольством.

— Пошли? — спросил я.

Он задумчиво кивнул:

— Следуйте за мной.

Я пошел за ним по длинной галерее с высоким потолком. Холодный воздух отдавал металлом. Так могло пахнуть в коридоре какого-нибудь завода.

Путь был довольно долгим, из галереи мы попали в переход, где стоял охранник. Тот кивнул моему спутнику. Переход привел нас в узкий и довольно темный коридор с низким потолком, такой длинный, что конца не было видно. Пахло как в подвале, и возникало ощущение, что находишься под землей. Наконец мы добрались до серой металлической двери с горевшей над ней красной лампочкой. Я прошел в дверь и... испытал самый большой шок в своей жизни.

Я оказался на сцене огромного, гигантских пропорций, зала, набитого до отказа. Люди сидели повсюду: напротив меня, слева, справа, сгрудившись на ступеньках... Их было тысяч пятнадцать, может, двадцать или даже больше... Трибуны уходили вверх, и все это огромное количество людей нависало надо мной со всех сторон. Словно пасть огромного чудовища, эта толпа могла запросто проглотить сцену, как пирожное. Зрелище было захватывающее, головокружительное.

Надо было вступать в игру. Мелких держателей акций было вполне достаточно, чтобы перевесить любого крупного акционера. Теперь моя судьба была в моих руках... Однако где-то глубоко внутри от секунды к секунде рос тревожный комок. И перед этой громадной толпой мне

придется выступать... От одной мысли о такой перспективе меня затошнило.

Тут я вдруг понял, что финансовый директор идет дальше, удаляясь от меня. Я бросился ему вдогонку. Нелегко идти по сцене, сознавая, что на тебя смотрят двадцать тысяч людей. Походка поневоле становится неестественной. Мы направлялись в правую часть сцены, где стоял длинный, накрытый синей скатертью стол. Это был цвет нашего логотипа, который проецировался на огромном экране с другой стороны зала. За столом, лицом к публике, сидели человек десять: Дюнкер в центре, директора рядом с ним и еще несколько незнакомых людей. За их спинами были рядами расставлены штук пятьдесят кресел, видимо, для приглашенных. Я узнал только несколько знакомых лиц: коллег, наверное, тщательно отбирали.

Метров за десять до стола финансовый директор обернулся и рукой сделал мне знак подождать, а сам подошел к сидящим за столом остальным директорам. Я остался один, брошенный посреди сцены, словно мебель, которую поставили, не сообразуясь ни с каким смыслом. В такой ситуации трудно не почувствовать себя дураком... Я сунул руку в карман, приняв небрежный вид, но на самом деле мне было очень неуютно и унижительно быть выставленным вот так, в парадном сером костюме, всем на потеху.

Финансовый директор стоял перед президентом, слегка наклонившись вперед. Их разговора я слышать не мог, но было ясно, что моя кандидатура внесла сумятицу в развитие событий.

Дюнкер несколько раз принимался размахивать руками, указывая пальцем себе за спину, туда, где стояли кресла. Ни он, ни остальные на меня ни разу не взглянули. А я стоял, как вбитый в сцену кол, и не осмеливался поднять глаза на публику.

Наконец финансовый директор подошел ко мне и поманил за собой.

— Сядьте, пожалуйста, вон там, — сказал он, указав на кресло, которое какой-то здоровяк нес на руках из задних рядов.

Я пошел в ту сторону, довольный, что могу наконец хоть как-то двигаться, а прежде всего — могу отвернуться от публики. К моему большому удивлению, этот тип поставил кресло в отдалении, метрах в пяти-шести от остальных. Черт-те что... Меня изолировали, как

зачумленного. Я сел, чувствуя, как во мне поднимается гнев. И этот гнев сразу придал мне мужества. Теперь я жаждал реванша.

Через несколько секунд один из незнакомцев, сидевших за столом, встал и подошел ко мне. Представившись ревизором, он попросил предъявить документы, а затем дал мне подписать какую-то бумагу, которую я бегло пробежал глазами по диагонали. Это была декларация о том, что я выдвигаю свою кандидатуру. Он тут же вернулся на место, снова оставив меня в одиночестве. Со своего кресла я мог видеть только спины директоров: ровную линию темных костюмов. Седые волосы единственной среди них женщины были коротко острижены, словно она стремилась затушевать свое женское начало, чтобы лучше интегрироваться.

— Дамы и господа, приветствую вас.

Голос звучно раздался в мощных репродукторах, и по залу прокатилась волна покашливаний, словно люди решили, что больше уже откашляться им не позволят. А потом наступила тишина.

— Меня зовут Джеки Кербель, я финансовый директор «Дюнкер Консалтинг». Я уполномочен открыть нашу ежегодную генеральную ассамблею, сообщив вам некоторые данные, как того требует устав. Начну с подсчета присутствующих и с...

И он долго и монотонно перечислял ряды цифр: показатели рентабельности, квоты, результаты, суммы задолженностей, возможности самофинансирования, распределение денежных потоков... Новичок наверняка спросил бы себя, зачем все это нужно. Я слушал вполуха, а сам наблюдал за залом. Никогда бы не подумал, что внезапное падение акций соберет столько народу. Это было выше моего понимания... Наверное, на душе у них скверно и тревожно. Собрание обещало быть бурным. Я понимал, что мне надо радоваться, потому что только такая аудитория давала мне шанс собрать необходимое количество голосов, несмотря на присутствие крупного акционера. Но для меня дело было не в этом. Мне было страшно выступать в таком огромном зале, где меня отовсюду видно и слышно и где слушатели окружают меня со всех сторон. Просто кошмар какой-то. Это выше моих сил и возможностей. События меня пересиливали, я оказался явно не на своем месте. Мое место... А где оно, мое место? Может, я создан для того, чтобы занимать менее ответственный пост? Кто его знает... Наверное, так было бы спокойнее. Но почему? В

любом случае дело не в уровне образования. Тут было множество исключений. Может, дело в моей личности? Но среди наших начальников, таких разных, я не видел ни одной выдающейся личности. Нет, тут, несомненно, было что-то еще. Может, мы неосознанно находимся под влиянием среды, в которой родились, и это она препятствует тому, чтобы мы поднимались на уровень, превосходящий уровень нашей семьи? Может, мы сами себе не позволяем туда забираться? Или, выйдя за пределы планов, которые строили наши родители, мы в глубине души чувствуем, что оказались в запретной зоне? Не исключено... Но верно и то, что продвижение по социальной лестнице дает нам уверенность в личном прогрессе...

— Если у вас есть вопросы, предлагаю вам их задать, а мы, в свою очередь, постараемся максимально полно на них ответить. Регистраторы с микрофонами ходят по залу. Если вы хотите высказаться, сделайте им знак подойти.

Начался сеанс вопросов-ответов, который длился целый час. Тот из директоров, к кому был обращен вопрос, отвечал прямо из-за стола. Некоторые говорили лаконично, некоторые долго и нудно, усыпляя публику многочисленными деталями.

— Теперь я передаю слово нашему президенту, Марку Дюнкеру, кандидату на следующий срок. Он ознакомит вас с собственным взглядом на создающуюся ситуацию и представит вашему вниманию свою стратегию на будущее.

Дюнкер встал и решительным шагом направился к центру сцены, где располагалась трибуна с пюпитром, к которому крепился микрофон. В отличие от Керьея он не стал говорить, сидя за столом, хотя стол был оборудован точно так же. Он предпочел отделиться от остальных, явиться в образе лидера.

В зале стало тихо. Его выступления явно ждали.

— Друзья мои, — произнес он притворно-дружеским тоном, которым вполне владел, когда ему было надо. — Дорогие мои друзья, прежде всего позвольте вас поблагодарить за то, что вас сегодня так много. Я очень признателен вам за преданность нашему предприятию и за ваш интерес к его будущему...

Негодяй был неотразим...

— Мы оказались в парадоксальной ситуации: предприятие никогда не было в такой хорошей форме, и о том свидетельствуют результаты,

с которыми вас ознакомил мой финансовый директор. И в то же время курс наших акций никогда не падал так низко...

Его уверенность в себе и огромная харизма болезненно напомнили мне о моих собственных недостатках и слабостях. Как я буду выглядеть на фоне такого блестящего оратора?

— В тех практиках, за которые нас критикует пресса, и в особенности один журналист, нет ничего экстраординарного. В нашей профессии они как разменная монета и, как правило, никого не шокируют. Но мне хотелось бы надеяться, что вся эта критика и все нападки — не более чем зависть сильных по отношению к слабым.

Быстро же он среагировал. Чью же сторону займут сидящие в зале? Сторону «больших», потому что у них в руках больше акций, или сторону «малых», которых он квалифицирует как «слабаков»?..

— К несчастью, я должен сообщить вам одну вещь. У истоков наших неприятностей стоит, вероятнее всего, информатор из нашего же предприятия. Паршивая овца, которая снабдила клеветнической информацией журналистов, а они ею воспользовались для своей грязной наживы. Мне как руководителю горько это сознавать, но в яблоке завелся червь, в наши ряды затесался предатель. Его происки пошатнули котировки нашей организации. Пока ему удастся от нас ускользнуть, но я при всех даю слово его уличить и прогнать, как он того и заслуживает.

Мне вдруг захотелось исчезнуть, улететь, телепортироваться. Я изо всех сил сохранял на лице бесстрастное выражение, а внутри у меня кипел стыд вперемешку с чувством вины.

По залу прошла волна аплодисментов. Дюнкеру удалось направить злость мелких акционеров на таинственного незнакомца, а сам он выступал в роли заступника, пришедшего восстановить справедливость.

— Все это скоро станет всего лишь дурным воспоминанием, — продолжал он. — Даже разрушительные циклоны не могут помешать траве вырасти снова. Истина заключается в том, что наше предприятие на подъеме и наша стратегия обещает многое...

И он, с видом полного довольства собой, принялся перечислять все достоинства своих стратегических начинаний, подчеркивая, что не отступит ни на шаг, проводя их в жизнь.

Он закончил речь под аплодисменты директоров и приглашенных, сидевших в креслах по ту сторону стола. Довольно солидная часть зала тоже зааплодировала. Спокойно выждав, пока зал затихнет, он продолжил очень тихим голосом:

— Получилось так, что в последнюю минуту у нас обозначился еще один кандидат... Кандидатура, скажем так... несколько сумасбродная...

Я вжался в кресло.

— ...поскольку этот человек состоит у нас на жалованье. Он еще молод, и работает у нас всего несколько месяцев... Так сказать, пришел прямо со школьной скамьи.

Среди присутствующих раздалась смешки. Я еще больше вжался в кресло.

Я бы отдал сейчас что угодно, лишь бы оказаться где-нибудь в другом месте.

— Я хотел его отговорить, чтобы вы не тратили время попусту, но потом сказал себе, что всем нам, после того что случилось на Бирже, недурно будет улыбнуться друг другу. Если у него нет ощущения смехотворности происходящего, то у нас-то чувство юмора осталось...

Из зала послышались насмешливые восклицания, и Дюнкер спокойно отправился на место. На его губах играла довольная ухмылка.

Меня просто ошеломила подлость и гнусность последнего высказывания.

Проходя мимо меня, он повернул голову и смерил меня презрительным, сардоническим взглядом.

Не успел он сесть на место, как финансовый директор взял со стола микрофон:

— Итак, я передаю слово второму кандидату в президенты общества, месье Алану Гринмору.

Я сглотнул, и внутри у меня все сжалось, желудок просто прирос к позвоночнику. Тело налилось свинцом, словно меня вместе с креслом закатали в бетон.

Иди. Надо идти. У тебя нет выбора. Вставай!

Я сделал над собой титаническое усилие и встал. Все директора повернулись ко мне, у некоторых на лицах читалась насмешка. Приглашенные со своих кресел справа от меня глядели так же. У меня

перехватило дыхание, и я вдруг ощутил себя раздавленным и одиноким, ужасно одиноким.

Листки с докладом я зажал в руке. Первые шаги к трибуне дались мне особенно тяжело. Я шел по сцене, а публика все приближалась и приближалась. Господи, хоть бы кто-нибудь выключил в зале свет, что ли... И оставил бы только прожектор, направленный на сцену... В луче прожектора мне и то было бы легче: я бы не видел всех этих ухмыляющихся лиц, которые тарасились на меня, как на зверя в зоопарке.

Я все шел и шел, и каждый шаг был тяжким испытанием. На меня давили сотни взглядов. Я, как гладиатор, вышел на арену навстречу львам, и меня разглядывал жаждущий крови плебс. Мне даже показалось, что по мере моего приближения из зала слышались насмешки. Впрочем, это могла быть игра больного воображения...

Наконец я добрался до трибуны и теперь стоял в центре сцены, в самом сердце чудовища, готового зарычать... Мишень для всех взглядов... Насмерть перепуганная тень самого себя...

Положив листки на пюпитр, я поправил микрофон. Руки у меня дрожали, сердце колотилось бешеным галопом, и каждый удар отдавался в висках. Надо было обязательно собраться, прежде чем начать... Дышать... Дышать... Я мысленно повторил первые фразы выступления, и они вдруг показались мне неубедительными и неуравновешенными...

Из задних рядов кто-то крикнул: «Давай, парень, не тяни!» — и по залу прокатились смешки.

Когда над вами смеются двое, это болезненно, но когда их три или четыре сотни, да еще на глазах пятнадцати тысяч зрителей, это невыносимо. Это надо было сейчас же прекращать. В конце концов, для меня это вопрос выживания. Я собрал все силы и бросился в омут.

— Дамы и господа...

Мой голос, многократно усиленный микрофоном, показался мне каким-то глухим, словно застрявшим в горле.

— Меня зовут Алан Гринмор.

Шутник из заднего ряда не унимался: «Гринмор, ты помер, ты уже покойник!» Ему ответил взрыв хохота, гораздо более мощный, чем вначале. Один — ноль. Зло побеждало.

— Я консультант по найму на работу, то есть нахожусь в самом центре «Дюнкер Консалтинг». И сегодня я пришел сюда, чтобы представить вам свою кандидатуру...

Не катит... звучит фальшиво...

— ...на место президента. Я понимаю всю тяжесть ответственности этой миссии...

Слева послышался насмешливый голос: «Да эта тяжесть тебя уже прихлопнула!» — и новый взрыв смеха. Дюнкер хорошо рассчитал свои макиавеллиевские насмешки и дал добро на атаку. Механизм пришел в действие: мелкие держатели акций закусили удила. Меня им предложили в качестве закуски, и они были готовы меня выпотрошить. Уже приступили к свежеванию.

Для меня худшим на свете было стать посмешищем. Это начисто лишало меня веры в себя, отнимало все надежды. Я скорее предпочел бы военные действия, чем насмешку. Враждебное нападение побуждает дать сдачи, а от насмешки хочется убежать. Вот и сейчас: мне хотелось исчезнуть, сквозь землю провалиться. Оказаться где-нибудь далеко-далеко, не важно где... Но это надо было немедленно прекратить! Любыми средствами, но заставить их заткнуться...

Ситуация ухудшалась каждое мгновение... Вот-вот раздадутся свистки... Стыд захлестнул меня, и я, позабыв о написанном тексте и о собственных кровных интересах, поднял глаза на ту часть трибуны, откуда неслись особенно лихие высказывания, и поднес микрофон ко рту. Губы почувствовали холод металла.

— Это я предупредил о махинациях Дюнкера!

Мой голос перекрыл собой все насмешки, и в зале сразу наступила тишина. Полная, оглушительная тишина. Неслыханная для зала на пятнадцать тысяч человек. Издевательства уступили место изумлению. Шута на сцене больше не было. Там стоял враг, опасный противник, который посягнул на их сбережения.

Невероятно, какой силы энергетический заряд несет в себе заполненный людьми зал. Этот заряд ошеломляет. Он превосходит все индивидуальные эмоции и мысли собравшихся людей, вместе взятые. Причем группа излучает эту энергию сразу, единым лучом. Стоя один перед пятнадцатитысячным залом, я ощутил этот луч, воспринял его глубинную вибрацию. Мгновение он колебался в точке нейтрального равновесия, а потом резко качнулся в сторону враждебности. Никто не

произнес ни слова, а я физически ощутил эту враждебность, ее можно было потрогать, понюхать, лизнуть... Она молча, тяжело разливалась в воздухе губительными волнами... Но странное дело, я ее больше не боялся. Вот-вот должно было произойти что-то такое, что было сильнее ее, что-то потустороннее, поразительное...

В этот момент души всех, кто меня окружал в этом зале и подавлял огромным количеством, оказались связаны друг с другом. Не важно, что их связало: озлобленность, враждебность, разочарование... Они объединились, и это было главное... Я ощущал, как от них исходит невидимая энергия, как если бы они были единым целым. Это было захватывающе, я это чувствовал самой сердцевиной своего существа. Их безмолвный союз волновал, тревожил, завораживал, он был почти... прекрасен. Я стоял перед этими людьми совершенно один. Я завидовал им, мне хотелось быть на их месте, слиться с ними. И различия, которые разделяли нас, показались мне вдруг ничего не значащими, второстепенными. Они всего лишь такие же люди, как и я. Им так же хотелось спасти свои сбережения и обеспечить тылы, как мне хотелось выжить. Разве не одно и то же волновало нас?

У меня в мозгу, как очевидность, которая выпала мне на долю, вдруг прозвучали слова Игоря Дубровского. Философская истина, которую мне следовало применить, не зная, как это сделать.

Обними мир ближнего, и он тебе откроется.

Обними мир ближнего... Мы — не индивидуалисты, которые встречаются друг друга в штыки, мы обычные люди, у нас одинаковые стремления, одинаковые надежды и одно желание жить, причем жить как можно лучше. А то, что нас разделяет, это так, незначительные детали в сравнении с тем, что нас объединяет. Ведь все мы — люди... Но как разделить с ними эти чувства, как им объяснить?.. И как найти в себе силы, чтобы объяснить?

Перед моими глазами промелькнул образ подвала «Спич-Мастера», и я снова испытал восхитительное чувство владения собой, владения аудиторией. Теперь я нашел ресурсы. Я знал: если рискну, то смогу сделать шаг навстречу этим людям, все им высказать, открыть свою душу...

Трибуна передо мной показалась мне барьером, помехой, воплощением того, что нас разделяет. Я протянул руку, снял микрофон с подставки и обогнул трибуну, оставив на ней свои записи. Я шел к

публике, абсолютно безоружный, во всей своей уязвимости. Шел медленно, меня вело желание мира с этими людьми. Мне было страшно, но страх понемногу отступал, уступая месту нарождавшемуся чувству глубокого доверия.

Парадоксально, но мне не хотелось скрыть свою незащищенность, наоборот, я стремился, чтобы они ее разглядели. Для меня она была гарантом искренности и прозрачности намерений. Повинуясь инстинкту, я развязал галстук и отбросил его в сторону. То же самое я проделал с пиджаком, и скомканная ткань с шорохом сползла на пол.

Я подошел к краю сцены, и мне стали хорошо видны серьезные лица тех, кто сидел в первых рядах. А дальше лица теряли четкость, превращаясь в цветковые мазки, как на картинах импрессионистов. Но в повисшей напряженной тишине я чувствовал, что все взгляды обращены на меня.

Стало ясно, что говорить заготовленный текст нельзя: момент был не тот. Значит, надо полагаться на слова, которые придут сами. Как там у Этьена: «Говори, что думаешь, что на сердце».

Я оглядел зал. Смятение людей, их недовольство были буквально осязаемы. И сердце мое эхом отозвалось на их тревогу.

Губы снова ощутили металл микрофона.

— Я знаю, что вы сейчас испытываете.

Мой голос разорвал тишину и зазвучал в огромном пространстве зала с неожиданной силой...

— Я чувствую вашу тревогу, ваше несогласие. Вы вложили деньги в акции нашего предприятия. Мои разоблачения в прессе привели к тому, что курс акций упал, и вы на меня в обиде, вы рассержены. Вы смотрите на меня как... на гнусного типа, предателя и порядочную сволочь...

В зале ни звука.

От мощных прожекторов у меня горело лицо.

— На вашем месте я думал бы точно так же.

Зал замер в напряженной, наэлектризованной тишине.

— Ваши надежды на прибыль рухнули. Вы рассчитывали на эти деньги, кто как на средство улучшить условия жизни, кто как на возможность что-то купить, кто как на обеспечение тылов или как на капитал, который вы оставите детям. Каковы бы ни были ваши заботы, я их понимаю и отношусь к ним с уважением.

Наверное, вы думаете, что я передал информацию прессе из личной ненависти к Марку Дюнкеру, чтобы ему отомстить? Учитывая все, что я перенес по его милости, это имело бы смысл. Но причина была совсем другая. Я опубликовал эти данные с одной целью: спровоцировать падение курса акций...

Послышались оскорбленные возгласы. Я продолжил:

— ...спровоцировать падение курса акций, чтобы собрать вас всех и поговорить с вами, как я говорю сейчас: глаза в глаза.

Напряжение достигло апогея, и я почувствовал это на последней реплике, когда попытался разъяснить свою позицию и смысл своих поступков.

— Вы имеете право узнать, что породило ваше вполне понятное желание увидеть, как к концу месяца и к концу года курс акций поползет вверх. При создании Биржи в ее функции входило разрешение предприятиям собирать деньги с вкладчиков в счет будущего развития. Те, кто хотел вложиться, не важно, какой суммой, оказывали доверие предприятию и гордились тем, что могут содействовать его развитию. Тем самым они присоединялись к проекту. Впоследствии соблазн быстрой наживы стал побуждать некоторых вкладчиков инвестировать средства на все более короткие сроки, переводя капитал из одной организации в другую, чтобы перехватить акции на повышении и получить максимальный годовой доход. Эта спекуляция широко распространилась, и банки изобрели то, что они назвали финансовым инструментом: возможность заключать пари на любое изменение курса, включая полное падение. Те, кто ставит на понижение, выигрывают, если дела у предприятия пойдут плохо. Это все равно что спекулировать на болезни соседа. Предположим, у него рак. Вы ставите на то, что его здоровье значительно ухудшится в течение шести месяцев. Спустя три месяца появились метастазы? Гениально! Вы выиграли двадцать процентов... Вы, конечно, подумали, что тут нет ничего общего, тут речь идет о человеке, а не о предприятии. Вот мы и подошли к главному! С тех пор как Биржа превратилась в казино и все позабыли о ее первоначальном назначении, само собой позабылось и то, что за названиями предприятий, на которые поставлены, как в рулетку, те или иные суммы, стоят люди. Люди из плоти и крови, они на этих предприятиях работают и отдают им часть своей жизни.

Дело в том, что курс ваших акций напрямую зависит от перспектив короткой прибыли. Чтобы акции поднялись в цене, предприятие каждый триместр публикует шикарные, волшебные результаты. Ведь любое сообщество как человек: его здоровье знает спады и улучшения, и это нормально. От любого человека болезнь требует, чтобы он взял тайм-аут, чуть-чуть сдал позиции, полежал... И предприятие точно так же нуждается в ином взгляде на вещи, в переориентировании траектории развития, чтобы потом обрести более стойкое равновесие. Но и в том и в другом случае от нас требуется терпение. Если же, будучи акционером, вы пренебрегаете этим требованием, предприятие тоже отметит затруднения, начнет вам врать или примет решения, которые любой ценой принесут ему короткую прибыль. Публикуя информацию о фальшивых вакансиях или сознательно адресуясь к неплатежеспособным клиентам, Марк Дюнкер всего-навсего отвечал условиям игры с невыполнимыми правилами.

Требования непрерывного роста акций привели к огромному давлению на всех, от президента до служащих. Этот прессинг мешал спокойно и продуктивно работать. Он привел к необдуманным решениям, что не принесло пользы ни предприятию, ни сотрудникам, ни смежникам, которые, ясное дело, переложили бремя давления на своих сотрудников и своих смежников... Дошло до того, что вполне благополучные предприятия вынуждены увольнять сотрудников, чтобы сохранить или увеличить рентабельность. С тех пор эта опасность нависает над всеми нами и побуждает нас стать индивидуалистами, что портит отношения между коллегами.

В результате мы живем в состоянии стресса. Работа перестала быть удовольствием. А я убежден, что должна.

В зале стояла мертвая тишина. Ничто даже близко не напоминало те веселые подбадривания, что летели с мест в «Спич-Мастере». Но я был абсолютно искренен, я старался донести до людей то, во что сам глубоко верил. Я не претендовал на истину в последней инстанции, просто говорил, что думаю, и это давало мне силы продолжать.

— Мир мы сегодня не переделаем, друзья мои. Хотя... Мне на ум сейчас пришли слова Ганди: «Мы сами должны стать теми переменами, которые хотим видеть в мире». И это верно, потому что мир — не что иное, как все мы.

Сегодня перед вами стоит выбор. Конечно, на судьбы планеты этот выбор не повлияет. Он повлияет на несколько сотен людей, работающих в «Дюнкер Консалтинг», на тысячи наших кандидатов и, возможно не впрямую, на сотрудников смежных с нами предприятий. Скромно, конечно, но все-таки больше, чем ничего. Проще говоря, выбор этот формулируется так.

Если вы хотите, чтобы ваши акции быстро поднялись в цене до прежнего уровня и резко пошли вверх, то я вам советую переизбрать того, кто сегодня руководит нашим предприятием.

Если вы выберете меня, я не смогу вам этого обещать. Возможно даже, что курс на какое-то время останется на очень низком уровне. Но зато я могу обещать сделать «Дюнкер Консалтинг» более гуманным предприятием. Мне хочется, чтобы каждый был счастлив, просыпаясь утром с перспективой заниматься тем, что поможет раскрыться его таланту, чтобы каждый был на своем месте и в своей должности. Я хочу, чтобы наши менеджеры считали своей задачей создать условия для успешного развития всех членов своего отдела и заботились о постоянном росте профессионализма.

Я убежден, что при таком подходе каждый окажется способен на лучшее, и не ради того, чтобы преследовать цели, навязанные внешними обстоятельствами, а исключительно из удовольствия чувствовать себя компетентным, овладеть профессией и в конечном итоге превзойти самого себя.

Понимаете, я убежден, что потребность в развитии заложена в природе людей и постоянно стремится себя проявить. Разумеется, если ей не мешает менеджерское насилие, которое вынуждает нас сопротивляться, чтобы отстоять свою свободу. Мне хотелось бы создать такое сообщество людей, где результаты станут плодами увлеченного отношения к работе, а не следствием прессинга, который разрушает и радость, и внутреннее равновесие.

Мне бы также хотелось добиться, чтобы наши сотрудники относились к смежникам, клиентам и кандидатам с таким же уважением, как к себе самим. Не вижу, чем это может повредить развитию предприятия. Скорее, наоборот. Ведь если тянуть одеяло на себя и вести переговоры с целью поставить кого-то на колени, всегда рискуешь тем, что тебе при случае отплатят той же монетой. Мы все живем в мире конкуренции, где каждый норовит сделать так, чтобы

противник проиграл. В результате в проигрыше поневоле оказываются все. Ни путем конфликта, ни с помощью силы ничего путного не создать. Уважение вызывает уважение. Доверие побуждает того, кому оно оказано, стать его достойным.

Я обязуюсь сделать абсолютно прозрачными все методы и результаты работы предприятия. С дезинформацией будет покончено. Если нас постигнут кратковременные неудачи, зачем это от вас скрывать? Чтобы вы не продали акции? Но для чего вам их продавать, если вы сами участвовали в составлении долгосрочного проекта? Всем вам наверняка случалось получить насморк или грипп, который дней на восемь укладывал вас в постель. Но разве вы скрывали болезнь от вашего спутника жизни из страха, что он или она вас бросят? Я хочу перевести наше предприятие на долгую перспективу развития. Потому что, видите ли, это не сладкие мечты утописта. Я убежден, что предприятие, базирующееся на здоровых ценностях, очень быстро поднимется и начнет приносить прибыль. Но не стоит искать эту прибыль с одержимостью наркомана, которому позарез нужна доза. Прибыль — естественный результат здорового и гармоничного руководства.

Мне вдруг вспомнились слова Игоря:

Знаешь, людей переделать невозможно. Можно только указать им путь и внушить огромное желание его преодолеть.

— Выбор за вами. В конце концов, вы выбираете не президента, а тот тип внутреннего удовлетворения, которое вы хотите получать в конечном итоге. В одном случае вы будете довольны, что быстро увеличили сбережения и сможете поехать в отпуск, купить машину посолиднее или отложить деньги на наследство детям. В другом случае вас ждет удовлетворение от участия в сказочном приключении: возвращении деловым отношениям человеческого лица. Быть может, каждый день в глубине души вы будете испытывать гордость оттого, что вы сами делаете немного лучше тот мир, что оставите потом своим детям.

Я поднял глаза на сидящих в зале людей. Их было очень много, но все они стали мне близки. Я высказал им все, что было у меня на сердце, и ни к чему было еще что-то прибавлять. Я не испытывал потребности завершить свою речь каким-нибудь продуманным

оборотом и сорвать аплодисменты. Да и, строго говоря, мое выступление не было речью на публику. Я просто выразил то, в чем был глубоко убежден, поделился верой в возможность другого будущего. Я несколько мгновений смотрел на них в полной тишине, и эта тишина меня больше не пугала. А потом отправился к своему одиноко стоящему креслу. Директора сидели за столом, опустив глаза и глядя в пол.

Голосование и подсчет голосов длились целую вечность. Было уже восемь часов, когда я стал президентом «Дюнкер Консалтинг».

Чем ближе я подходил к Эйфелевой башне по благоухающим аллеям Елисейских Полей, тем выше она мне казалась, нависая над мной всей своей массой. Освещенная пурпурным светом заходящего солнца, она производила величественное и тревожное впечатление. Накануне я выполнил последнее задание и теперь был свободен от обязательств, данных Игорю. Значит, мы с ним могли мирно отпраздновать победу. Однако башня как была, так и осталась для меня капканом старого льва. У меня возникло ощущение, что я снова попал в ловушку, уже после того как сумел из нее выскочить.

Подойдя к подножию Железной Дамы, я поднял голову и посмотрел на вершину. У меня сразу закружилась голова, и башня медленно закачалась. Рядом с ней я был таким маленьким и хрупким... Грешник, стоящий на коленях перед гигантским представителем Бога и молящий о милости.

Протолкавшись сквозь строй туристов, я подошел к южной опоре и представился охраннику у лифта, ведущего в ресторан «Жюль Верн».

— На чье имя у вас заказано место? — спросил он, сверяясь со списком, который держал в руках.

— Я к месье Игорю Дубровскому.

— Прекрасно, следуйте, пожалуйста, за мной, — ответил он, перестав глядеть в список.

Я пошел за ним по служебным помещениям внутри опоры. Он помахал рукой своему коллеге, который ждал вместе с клиентами. Мы прошли мимо них и оказались перед тесным старым лифтом из стекла и железа. Дверца с шумом захлопнулась за нами, как дверь темницы, и мы поехали наверх сквозь самое сердце металлических конструкций опоры.

— Господина Дубровского еще нет. Вы пришли первым.

Лифт поднимался все выше и выше, к невидимым звездам, оставив далеко внизу просторно раскинувшийся город.

На верхнем этаже у меня кольнуло сердце: я узнал знакомый канал, по которому шел пучок толстых электрических кабелей. Ладони сразу вспотели.

Охранник провел меня к метрдотелю, и тот принял меня изысканно вежливо.

Мы прошли сквозь ресторан до нашего с Игорем столика, огороженного стеклянным бордюром, и метрдотель предложил мне аперитив, чтобы скрасить ожидание. Я заказал перье.

В ресторане было уютно. Строгое убранство в черно-белой гамме и вечерний свет, пронизывающий горизонтальными лучами каждый уголок, создавали впечатление воздушной легкости. Некоторые столики были уже заняты, и до меня долетали обрывки разговоров на незнакомых языках.

Оглянувшись вокруг, я не смог сдержать дрожи. Эти металлические балки были мне слишком хорошо знакомы. Они нагло посмеивались надо мной, напоминая о моем отчаянии и миновавших страданиях. От головокружительного простора, открывавшегося внизу, захватывало дух: казалось, что ты висишь в облаках. В конце концов, вернуться на место, где пережил душевную травму, — дело здоровое. Я пришел сюда не стереть из памяти прошлое, а одеть его в новую историю. Надлежало заново переснять старую киноплёнку, на которой события не то чтобы стерлись, но сильно смазались.

Какой же долгий путь пройден с того дня... Сколько пережито трудностей и тревог... Сколько раз окрыляла надежда, сколько было рывков вперед...

Конечно, ни я, ни окружающие не изменились. Я остался таким, каким был, да и как по-другому? Но у меня возникло чувство, что я освободился от цепей, как лодка от держащей ее чалки. Я убедился, что большинство своих страхов я создавал сам. Действительность порой принимает облик ужасного дракона, который сразу исчезает, стоит только смело посмотреть ему в глаза. Благодаря Игорю я приручил всех своих драконов, и теперь жизнь моя населена ангелами.

Игорь... Игорь Дубровский. Ив Дюбре. Теперь, когда наш договор потерял силу, во все ли потаенные уголки его жизни проник свет? Понял я его мотивы или нет? И кем я теперь его считаю? Все еще бывшим психиатром, тоже наполовину спятившим?

Время шло, а Игорь не появлялся. Ресторан быстро наполнялся посетителями, и вокруг столиков закружились в немом вальсе слуги, а метрдотель и сомелье руководили этой плавной хореографией. Я

заказал еще стаканчик. На этот раз бурбон. Я никогда не пил бурбона, но сейчас мне вдруг очень захотелось.

Солнце закатилось, и небо порозовело. Теплый розовый свет разлился повсюду, неся с собой какое-то невероятное спокойствие и ясность. Меня не ждали никакие дела, мне ни с кем не надо было разговаривать. Я просто сидел и наслаждался каждым моментом. Время словно остановилось, блаженно потягиваясь.

Я взял свой бокал и принялся медленно вертеть его в пальцах. И кусочки льда закружились в танце, тихонько позванивая о тонкие стенки еле уловимым хрустальным звоном.

Игорь не придет. Я это знал в глубине души, смутно чувствовал.

Я долго смотрел в небо, и все мое существо, казалось, растворилось в его красоте. Глоток алкоголя обволакивал гортань нежным ароматом и согревал тело, маня его вытянуться поудобнее.

На Париж спустился вечер, и город засветился огнями, создавая здесь, наверху, совершенно колдовскую атмосферу.

Я поужинал один, и меня уносила вдаль нежность парижского вечера и убаюкивали тягучие аккорды фортепиано. А на небе мирно сияли звезды.

Человек удобно устроился в беседке, поставив рядом с собой чашку с дымящимся кофе, достал из пачки сигарету и зажал ее в губах. Он чиркнул спичкой о коробок, но спичка сломалась, и он небрежно бросил обломки на землю. Вторая загорелась сразу, он зажег сигарету и выпустил первый за сегодняшний день дымок.

Это было лучшее время дня. Маленький участок живой природы перед домом еще спал, и цветы еле заметно пахли росой. Капли росы, как маленькие жемчужины, еще виднелись на оцепеневших со сна лепестках. Солнце только начало подниматься по еще бледному утреннему небу. День обещал быть жарким.

Человек открыл газету «Прованс» и просмотрел заголовки на первой странице. Никаких особых новостей в конце августа не наблюдалось. Еще один лесной пожар возле Марсея, быстро ликвидированный после вмешательства самолетов. Ясное дело, какой-то пироман или безбашенные туристы, устроившие пикник вопреки запретам. Повысилось число посетивших летний фестиваль, при проведении которого выручка никогда не покрывала расходов. Ну вот, опять мы должны оплачивать концерты парижан из своих местных налогов.

Он отпил кофе и перевернул газету, чтобы взглянуть на последние страницы.

Ему в глаза бросилась фотография, под которой жирным шрифтом было набрано: «Молодой человек в двадцать четыре часа был избран президентом одной из крупнейших компаний по трудоустройству».

Сигарета выпала у него изо рта.

— Вот это да! Жозетта! Иди-ка посмотри!

Не ряса делает монаха, и не работа делает человека. Но она неумолимо меняет взгляд на вас других людей. Мое появление в бюро на следующий день после избрания привело всех в замешательство. В холле собралась целая толпа. Видимо, коллеги были настолько ошарашены поворотом дела, что не поверили и решили удостовериться сами. Каждый здоровался по-своему, но все до одного

говорили со мной как-то необычно. Чувствовалось, что тут не обошлось без личной заинтересованности, чего бы мне, конечно, очень не хотелось. Одни явно осторожничали, другие, наоборот, спешили установить более близкие отношения, в надежде рано или поздно иметь с этого пропит. Тома больше всех старался подольститься, что меня не удивило. Одна Алиса вела себя как обычно, и, похоже, ее радость была искренней.

Я вовсе не спешил себя увековечить, а потому поднялся в свой кабинет. Не прошло и пятнадцати минут, как там появился Марк Дюнкер.

— Ни к чему тут вилять, — заявил он с порога, даже не поздоровавшись. — Все равно вы меня уволите, так лучше сделать это сразу. Подпишите, чтобы быстрее с этим покончить!

И протянул мне бумагу с грифом нашего общества. Я прочел ее, не беря у него из рук. Это было уже отпечатанное письмо относительно того, что его судьба решена и он освобожден от занимаемой должности. На том месте, где должна быть подпись, он написал: «Алан Гринмор, генеральный директор».

Вот ведь человек! Настолько привык всем командовать, что даже вопрос собственного увольнения взял в свои руки. Я взял письмо и, прежде чем выбросить его в корзину, порвал. Он удивленно на меня уставился.

— Я долго об этом думал, — сказал я, — и решил, что буду только президентом, а должность генерального директора передам другому человеку, вместо того чтобы исполнять обе должности самому. Предлагаю этот пост вам. Вы отличаетесь культом эффективности, страстью к результатам. Мы повернем эти качества на пользу благородным целям. С этого момента ваши функции, если вы, конечно, согласитесь принять пост, будут состоять в том, чтобы сделать наше общество гуманным предприятием. Его службы должны работать очень качественно, в режиме полного уважения к клиентам, служащим и смежникам. Как вы уже знаете, я побился об заклад, что счастливые люди будут работать более эффективно, а смежники, если с ними обращаться как с партнерами, постараются быть на высоте оказанного доверия. Что же касается наших клиентов, то они по достоинству оценят все, что мы им предложим.

— Это долго не протянет. Вы же видели: акции упали еще на одиннадцать процентов!

— Ничего страшного. Просто еще один крупный акционер продал свою долю. Теперь общество состоит только из мелких держателей акций, и это заставляет нас пересмотреть свой взгляд на предприятие. Давление со стороны крупных инвесторов, которые диктовали свои законы, кончилось! Теперь мы все как одна семья...

— Вы сами подставляетесь, чтобы вас съели с потрохами. Я и шести месяцев не дам до того момента, когда какой-нибудь конкурент в пику вам объявит о тотальной публичной распродаже акций. И не дам пятнадцати дней до момента, когда объявится какой-нибудь мажоритарный акционер и вас отправят в отставку.

— Тотальная распродажа акций ничем не кончится. При тотальной распродаже обычно стремятся перекупить акции у части акционеров по ценам выше, чем на Бирже. Но напоминаю вам: они голосовали за меня уже после того, как я предупредил, что акции будут набирать обороты значительно медленнее, чем при вас. Следовательно, они присоединились к проекту, отказавшись от надежды на прибыль в короткий срок. Держу пари, что они договора не нарушат и не поддадутся на пение сирен.

— Вы просто не хотите видеть простых вещей. Они не устоят. Пока в игре деньги, человек слаб.

— Вы так и не поняли, что ситуация изменилась. Ваши акционеры плевать хотели на судьбу предприятия. Им нужна была только прибыль, вот и вся мотивация. Потому вы и стали рабом рентабельности их вложений. Все, кто остался со мной, теперь объединились вокруг настоящего проекта предприятия на основе философии ценностей. Им нет никакого смысла отказываться от этих ценностей. Они останутся.

Дюнкер смотрел на меня в полном замешательстве. Я открыл лежащее на столе досье, достал оттуда листок и протянул ему:

— Вот, возьмите, это ваш новый контракт. Держатель контракта тот же, с той только разницей, что теперь вы не президент и генеральный директор, а просто генеральный директор.

Несколько мгновений он с большим удивлением меня рассматривал. Потом в его глазах мелькнула хитрая искорка. Он достал из кармана ручку, облокотился на стол и подписал контракт.

— Хорошо, я согласен.

В этот момент зазвонил телефон.

— Да, Ванесса?

— У меня на проводе журналист. Соединить вас?

— Да, пожалуйста.

Дюнкер кивнул мне и вышел.

— Месье Гринмор?

— Это я.

— Эмманюэль Вальгадо из BFM TV. Я хотел бы пригласить вас на передачу во вторник утром. Было бы хорошо, если бы вы поделились со зрителями закулисной стороной вашей победы на выборах. Как вам удалось захватить власть?

— Я не расцениваю это событие как захват власти...

— Именно это нас и интересует. Съемка назначена на понедельник, на четырнадцать часов. Вы сможете прийти?

— Э... только вот что... Будет ли присутствовать какая-нибудь публика?

— Самое большее, человек двадцать.

— А я могу пригласить еще пару человек? Я обещал...

— Без проблем!

Марк Дюнкер вышел из кабинета Алана Гринмора с хитрой улыбкой на губах. Этот юный прощельга рвется к власти, но у него кишка тонка справиться в одиночку. Вот почему он позвал его, Дюнкера, на место генерального директора. Сам он был неспособен управлять предприятием и прекрасно это знал...

Перепрыгивая через две ступеньки и потирая руки, бывший президент миновал два марша лестницы, ведущей на этаж, где располагался его кабинет. Уж с этим-то мальчишкой, который не удосужился даже подстраховаться, он справится одним махом. У парня нет ни малейшего представления о власти. В конечном итоге ничего ведь не изменилось. И командовать будет он, Марк Дюнкер, генеральный директор. А президент будет послушно идти за ним. В конце года он представит отчет, и, когда генеральная ассамблея поймет, что это он проделал всю работу, он потребует, чтобы его переизбрали открытым голосованием...

Он подошел к двери своего кабинета, и лицо его вдруг сморщилось, а потом налилось кровью: его внезапно поразила одна мысль. Его парашют... его золотой парашют в три миллиона евро, заготовленный на случай краха... Вот в чем дело!!! Вот почему Гринмор попросил его остаться!!! А он... подписал контракт...

Марк Дюнкер вошел в кабинет, даже не заметив Эндрю. Слова вылетали сами собой, он не отдавал себе отчета, что говорит.

— Похоже, мальчишка во второй раз меня облапошил!

Секретарь поднял бровь:

— Простите, что вы сказали, месье?

Я ушел из офиса пораньше и отправился к Игорю Дубровскому. Он должен мне все объяснить. Спрятаться, как он вчера, было проще всего.

Шофер, положенный президенту по штату, уже дожидался, чтобы меня отвезти. А мне было смешно и странно. Я вальяжно развалился на мягкой коже заднего сиденья, а на улице Риволи, вокруг нас, все водители сидели, нервно вцепившись в руль. Я вдруг почувствовал себя важной персоной и удивился, поймав себя на том, что слежу за взглядами водителей, когда мы остановились у светофора. Что я ожидал увидеть? Почтение? Может быть... Восхищение? Сказать по правде, на меня никто не обращал внимания. Все были озабочены тем, чтобы прошмыгнуть из одного ряда в другой, обставив при этом соседа. Из-за габаритов нашей машины мы в этой игре попадали в разряд неудачников, и нас все обгоняли...

Интересно, на что я надеялся? Сам-то я восхищался когда-нибудь тем, у кого был личный шофер? Да нет, конечно... Еще одна иллюзия. Искать признания таким способом — пустое дело. Каким образом восхищение других может компенсировать недостаток самоуважения? То, что приходит извне, не в состоянии залечить раны нашего внутреннего «я»... И мне вдруг очень захотелось вернуться к заданию, которое мне дал когда-то Игорь: каждый вечер отмечать три деяния, которыми я мог бы гордиться. Я перестал этим заниматься, когда обнаружил, что Игорь — не тот, за кого себя выдает, и когда началась та немыслимая путаница тревожных событий, что заставила мобилизовать всю мою энергию.

Несколькими минутами позже мы застряли в огромной пробке возле площади Согласия, и я пожалел, что сижу не в метро: я бы минут за двадцать добрался до места без всяких проблем!

Наконец мы доехали, и наш громоздкий седан остановился возле черной ограды особняка. Небо заволочло густыми облаками, с парковой улицы повеяло древесной влагой. Погруженный в серую мглу замок походил на корабль-призрак.

Я узнал дворецкого, который открыл мне дверь и, не сказав ни слова, проводил в большую гостиную. Непогода заволокла комнату печальной дымкой. Вопреки привычному укладу в доме горел свет.

Катрин сидела на диване, сбросив на пол туфли и положив ноги на подушку.

— Здравствуйте.

Она подняла на меня глаза, но ничего не сказала, только кивнула. Я обвел глазами комнату. Катрин была одна. В полутьме закрытое фортепиано казалось черной мраморной плитой. Сквозь открытое в сад окно я заметил, как по листьям деревьев забарабанили первые капли дождя.

— А где Игорь?

Она ответила не сразу, отведя глаза.

— А... Ты узнал его настоящее имя...

— Да.

Она помолчала.

— Алан...

— Да...

Она вздохнула:

— Алан... я должна тебе сказать...

— Что?

Она наконец собралась с духом, и я почувствовал, как она вся сжалась.

— Игорь умер.

— Игорь?..

— Да. Вчера утром, от сердечного приступа. Прислуга ничего не смогла сделать, а «скорая» приехала слишком поздно.

Игорь умер... Я не мог поверить. Немыслимо, непостижимо... Теперь мои чувства к нему выровнялись и смягчились, но за лето я его сто раз ненавидел, сто раз им восхищался и сто раз его боялся. И все же это он освободил меня от ошейника робости и сделал из меня человека, способного жить полной жизнью. Игорь умер... Я вдруг разом понял, насколько я ему обязан и... насколько был неблагодарен. А теперь я уже никогда не смогу его поблагодарить.

Грусть охватила меня, проникая во все уголки моего существа. Навалились тяжесть и усталость. Старый лев покинул этот мир.

Внезапно мозг пронзила мысль: что же, теперь ответы на все мои вопросы исчезнут вместе с ним?

— Катрин, я могу вас кое о чем спросить?

— Алан, я...

— Процесс. Процесс Франсуа Литтрека. Был Игорь виновен или нет?

— Нет. Здесь ему было не в чем себя упрекнуть.

— Но тогда зачем он гипнотизировал судей? Ведь это было?

Катрин грустно улыбнулась:

— Если бы и было, я бы не удивилась. Значит, он предпочел воздействовать на судей, а не оправдываться перед ними... Или он просто-напросто понял, что не сможет доказать свою невиновность. К тому же он почти не встречался с тем молодым человеком, за которым неусыпно следили. И если тот покончил с собой, Игорь был ни при чем.

— А я?.. Ведь наша встреча на Эйфелевой башне не была случайной?

Она посмотрела на меня с большой теплотой:

— Нет, не была.

— Он ведь меня специально заманил в свои владения?

Она молча кивнула.

У меня пересохло во рту. Она — его сообщница, она была в курсе всех его замыслов и позволила ему...

— Катрин, вы ведь знаете, зачем ему понадобилась Одри?

Она отвернулась к окну и задумчиво заговорила, следя глазами за струями дождя, который с шумом обрушился на сад:

— Игорь знал о том, какие близкие отношения вас связывали, и рассказал Одри о своих планах относительно тебя. Он убедил ее якобы случайно оставить у тебя статью о самоубийствах и уйти.

— Так это он уговорил Одри меня бросить?!

Я был потрясен. Как он мог совершить такую гнусность?

— Она долго не поддавалась на уговоры, но Игорь умел убедить. Он доказал, что это в твоих интересах, и обговорил с ней время, в течение которого она исчезнет из твоей жизни. Я очень сожалела, что Одри вступила в игру: она для этого слишком цельная натура.

— А когда я однажды увидел, как она выходила...

— Она пришла, чтобы послать его к черту и сказать, что она больше не может и что все это — полная бессмыслица. Игорь выторговал еще немного времени. Алан...

Эта история вывела меня из себя. Я чувствовал, как во мне поднимается глухой гнев.

— Но как он мог...

— Алан...

— Но ведь это подло, играть человеческими чувствами!

— Алан...

— А если бы она за это время повстречала кого-нибудь другого?

— Алан...

— Ведь это значит взять на себя огромный риск...

Катрин выкрикнула, чтобы я ее услышал:

— Игорь был твоим отцом, Алан!

Ее голос гулким эхом разлетелся по гостиной и навсегда впечатался в мой мозг. Вокруг наступила тишина. Разум мой опрокинулся под натиском беспорядочных мыслей и чувств.

Катрин застыла на месте, тоже в полном замешательстве, не сводя с меня глаз.

— Отцом...

Я запнулся, не в силах произнести ничего вразумительного.

— Я не знаю, сказала тебе мама или нет, — ласково продолжала Катрин, — но человек, который увез вас в Америку, не был твоим отцом...

— Да нет... Я знал... Знал...

— За много лет до знакомства с тобой Игорь согласился приютить у себя дочку заболевшей служанки. Она была матерью-одиночкой, и на те пятнадцать дней, что она провела в больнице, девочку было не с кем оставить. Девочке сравнялось примерно столько же лет, сколько тебе. Отважный, полный жизни, забавный ребенок... От горшка два вершка — а уже личность, да еще какая! Игорь был покорен. Он, который никогда не интересовался детьми, проводил с ней целые дни. Она стала для него настоящим открытием, бесценным жизненным опытом. Когда мать выписалась из больницы и забрала девочку, Игорь настоял на том, чтобы и дальше о ней заботиться. Он играл роль крестного отца, покровителя, и продолжал заботиться о ней, когда она выросла, и особенно — когда уехала ее мать. Появление в его жизни маленького

ребенка послужило пусковым механизмом: Игорь вдруг вспомнил, что сам должен был стать отцом и что его ребенок, скорее всего, никогда о нем не знал. Его начал терзать стыд. Было невыносимо сознавать, что его единственный ребенок живет где-то вдали от него. И он бросился тебя разыскивать, подключив все доступные ему средства, устроив настоящую крупномасштабную операцию. Но с таким же успехом можно было искать иголку в стоге сена... На то, чтобы обнаружить твои следы, у него ушло более пятнадцати лет. И надо же было, чтобы случай привел тебя прямо к нему и ты поселился рядом, сам того не зная...

— Случай...

— А потом он долго оттягивал момент, выжидал неделями... Наверное, это были стыд и робость... Посвятив столько времени поискам и оказавшись рядом, он вдруг оробел, ему не хватало мужества посмотреть тебе в глаза. Он боялся, что ты его оттолкнешь, что ты не простишь... Ведь он бросил вас с матерью еще до твоего рождения. В какой-то момент я даже решила, что он вовсе к тебе не подойдет, что он окончательно отказался от этой мысли. Потом он наладил за тобой слежку, и тебя вели постоянно. Он вечера напролет читал отчеты и знал о тебе все: все твои чувства, страхи и разочарования.

Но Влади не мог следовать за тобой днем и ночью: ты его рано или поздно обнаружил бы. И тогда он попросил включиться свою подопечную. Она согласилась. Но Игорь, при его способности все контролировать, не мог предвидеть, что из этого получится. Девушка, походив за тобой и понаблюдав, страстно в тебя влюбилась и отказалась составлять рапорта...

— Не говорите мне, что...

— Да...

— Одри?

Катрин молча на меня посмотрела и кивнула.

Одри... О господи... Подопечной Игоря была Одри!

— Вот тогда он и решился... взять тебя в свои руки. Я думаю, для него это был способ избавиться от чувства вины. Ведь не он вырастил тебя. К тому же надо было выправить ситуацию, вышедшую из-под контроля... Он разыскивал тебя пятнадцать лет, и в тот момент, когда он уже был готов появиться в твоей жизни, ты вдруг душой и телом

бросился в объятия девушки. Может быть, он подсознательно хотел еще какое-то время сохранять тебя для себя... Лично я не очень поддерживала его идею стать твоим покровителем. По моему мнению, это могло сильно усложнить ваши отношения, когда ты наконец все узнаешь. Но он не взял это в расчет и поступил по-своему. Как всегда...

— А кем вы были для него? Я часто задавал себе этот вопрос...

— Можно сказать, коллега, ставшая подругой. Я тоже была психиатром и в те времена, когда он еще открыто практиковал, много слышала о его отважных подвигах. Тогда я с ним связалась и попросила разрешения сопровождать его ради обмена опытом. Он сразу согласился: ему было приятно, что кто-то заинтересовался им самим и его методом. Надо признать, что твой отец, Алан, был гением, хотя его методы отличались... специфичностью.

— Но вы согласны, что это безумие: толкать собственного сына на самоубийство, только ради того, чтобы иметь повод потом подставить ему плечо. Я мог не прийти, мог воспользоваться другим способом...

— Не мог. За тобой тщательно следили...

Что-то во всей этой истории меня тревожило и глубоко задевало, но что — я определить не мог.

Вдруг одно воспоминание пронеслось у меня в мозгу.

— Катрин... в тот день, когда мы впервые встретились, я был... в ужасном состоянии.

— Знаю.

— Но Игорь меня... подначивал прыгнуть. Клянусь. Он так и сказал:

«Валяй, сигай, чего стоишь?»

Катрин печально улыбнулась:

— Ах это... В этом весь Игорь! Он очень хорошо тебя изучил, знал все о твоей личности и прекрасно понимал, что дать тебе приказ прыгнуть — это лучшее средство убереечь тебя от прыжка.

— Ну... а если бы он ошибся? Ведь риск был огромный...

— Видишь ли, к такому человеку, как он, нам никогда даже не приблизиться. Он всю жизнь шел на риск. Но твой отец знал людей лучше, чем они сами себя знали. У него была потрясающая интуиция. Он всегда безошибочно чувствовал, что нужно сказать в нужный момент. И никогда не ошибался.

Дождь перестал. Сад озарился светом, отраженным в мокрых, свежих листьях. Из открытых окон долетал ветерок.

Мы еще долго говорили о моем отце. Под конец я поблагодарил Катрин за доверие. Она назвала мне день похорон. Надо взять отпуск. Уже у дверей гостиной, выходя, я задержался и обернулся:

— Игорь знал... о моем избрании?

Катрин подняла на меня глаза и кивнула.

Меня мучил один вопрос, но я стыдился его задать:

— А он... был горд за меня?

Она снова отвернулась к окну, помолчала и глухо ответила:

— Я в тот вечер зашла к нему, после того как мне позвонил Влади. Сам он не успевал приехать. Когда я вошла, Игорь сидел за фортепиано. Он не обернулся ко мне, но перестал играть, чтобы меня выслушать: он понял, почему я пришла. Я ему сообщила о твоей победе, но он принял известие молча, даже не пошевелился. Я немного подождала и подошла к нему.

Катрин помолчала и продолжила:

— У него в глазах стояли слезы.

Есть в жизни периоды, до предела насыщенные событиями и чувствами, и их невозможно ни объяснить, ни назвать точным словом. Моя встреча с Одри вписалась именно в такой период, и без того напряженный. Какое это было счастье — снова ее обрести и закрыть наконец скобки нашей болезненной разлуки. Я очутился на небесах, узнав, что все это время она любила меня. Я был счастлив, потрясен тем, что снова вижу ее, слышу ее голос, могу к ней прикоснуться, обнять... Мы дали клятву никогда больше не расставаться, что бы ни случилось. Конечно, мы оба много говорили об Игоре, и оба плакали. Она рассказала о своем детстве рядом с ним, а я — о коротких, но интенсивных взаимоотношениях, связавших нас. Мы оба заново пережили все мои тревоги, все испытания, которым он меня подвергал, и все необычайные приключения, которые породила эта история.

Игоря похоронили на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, отпевание прошло в соборе Святого Александра Невского.

Большинство присутствовавших на похоронах были друг с другом незнакомы, исключение составляла группа слуг. Никто друг с другом не разговаривал, и люди просто прогуливались по тенистым аллеям кладбища, в ожидании прибытия тела. Женщины были в явном большинстве, причем многие из них, очень красивые, пришли в ярких платьях, а не в трауре.

Затем показался гроб, и все инстинктивно сгруппировались вокруг него. Гроб несли четверо мужчин в черном. За ними шел Влади, ведя на поводке на удивление спокойного Сталина.

Мы двинулись длинной, молчаливой вереницей по зеленеющему простору этого прекрасного и волнующего места. Над безбрежным покоем светило яркое солнце, шелестели березы, смолисто пахли ели, к ярко-синему небу поднимались узловатые ветви сосен. У поворота аллеи у меня вдруг сжалось сердце. Перед нами стояло фортепиано. За клавиатурой сидел незнакомый молодой человек со славянскими чертами крупного лица и с большими, влажными голубыми глазами. Он заиграл, и хрустальные звуки рассыпались в тишине. Толпа

застыла, вмиг захваченная чувством. Одри прижалась ко мне. Мелодия лилась, чередуясь с безутешными аккордами, и была она такой красоты, что разбивала душевную броню самых сильных, трогала их сердца и уводила за собой в те края, где царила скорбная отрешенность чувства.

Эту мелодию я узнал бы среди тысяч других... Моего отца в последний путь провожал Рахманинов. Даже у самых бесчувственных на глаза навернулись слезы.

Прошли месяцы. Мы переехали в особняк зимним утром, когда снег покрыл сад плотным плащом и хлопьями улегся на длинных, величавых ветвях старого кедра. В холодном воздухе чувствовалась горная свежесть.

Меня возбуждала сама мысль жить в таком просторном и удобном доме. В первую неделю мы каждую ночь спали на новом месте и обедали то в большой гостиной, то в библиотеке, то в великолепной столовой. Мы были как двое детей во дворце, набитом игрушками. Все повседневные заботы исчезли, за нас их выполняла прислуга.

К концу второй недели мы наконец обозначили свое пространство, и у нас появились первые привычки на новом месте. Наша жизнь постепенно сосредоточилась в двух комнатах, а остальные, вполне естественно, оказались заброшенными.

Мы много раз приглашали к себе друзей Одри, но что-то не клеилось. Хотя в нашем поведении ничего не изменилось, они чувствовали себя не в своей тарелке в этом месте, которое и меня тоже долго выбивало из колеи. Они смотрели на нас по-другому, и из наших разговоров исчезла непосредственность и теплота. Отношения захирели, стали холодными и отстраненными. Они знали, что мы богаты, и без стеснения просили финансовой поддержки, в которой мы не умели им отказать. Кончилось тем, что мы из разряда друзей перешли в разряд банкиров... А другие, наоборот, всячески добивались нашей дружбы, но мы чувствовали, что ими прежде всего движет желание похвастать где-нибудь, что они у нас бывают. Богатство притягивает к себе карьеристов и задавак. Постепенно мы научились не обращать на это внимания, а потом и вовсе сделали затворниками.

Вездесущность слуг быстро стала для нас вмешательством в частную жизнь. Они могли внезапно появиться, мешая нам по-настоящему расслабиться, покушаясь на нашу близость. В собственном доме мы чувствовали себя чужаками.

Спустя два-три месяца мы утратили изрядную долю радости жизни и своей почти детской непосредственности. Ситуация выходила у нас

из-под контроля, мы были совершенно выбиты из колеи. Мы поняли, что потерпели поражение, и это подтолкнуло нас к действиям. Я попытался понять смысл того, что с нами происходило, поскольку теперь был убежден, что ничего на свете не происходит случайно, просто так. Случай... Я посмотрел на ситуацию со стороны и спросил себя, с чего бы вдруг на меня свалилась вся эта роскошь. Может, жизнь меня от чего-то предостерегает, хочет, чтобы я пересмотрел свои ценности? Может, я позволил заманить себя в ловушку, перепутав потребность в саморазвитии с банальным подъемом по общественной лестнице? Ведь настоящее развитие должно происходить внутри нас... Ведь ты счастлив, когда меняешься сам, а не когда что-то меняется вокруг.

После такого спасительного открытия мы приняли решение избавиться от обременительного груза. Мы продали особняк и разделили деньги между слугами: они всю жизнь честно служили моему отцу. Мать Одри, которая годом раньше вышла на пенсию, тоже получила свою долю. Влади, взявший на себя заботу о Сталине, стал к тому же обладателем «мерседеса», с которым мы не знали, что делать. Роскошные машины вызывают зависть посредственностей, презрение интеллектуалов и жалость тех, кто сохранил живую душу. В общем, ничего хорошего. Я подарил ресторан «Жюль Верн» сети благотворительных столовых. Было забавно думать, что когда-нибудь парижские клошары поднимутся на Эйфелеву башню, чтобы полюбоваться прекрасным видом и вкусно пообедать.

Потом мы с Одри, держа пальцы крестом на счастье, позвонили мадам Бланшар. И подпрыгнули от радости, когда она нам сказала, что никому не сдала квартиру, опасаясь, что соседи окажутся шумными.

В одно из прекрасных апрельских воскресений мы снова вступили во владение жильем, как раз тем самым, что было нужно нам для счастья. Едва разобрав чемоданы, Одри распахнула окно и насыпала на подоконник крошки хлеба. Солнечные лучи разбрелись по дому, и парижские воробьи не замедлили явиться на угощение, наполнив комнату радостным щебетом.

Вечером того же дня мадам Бланшар организовала во дворе пирушку в честь нашего возвращения. Что-то в ней изменилось, но я никак не мог понять что. Она постелила на старый стол белую скатерть и расставила уйму всяких вкусностей: пирогов, запеканок,

пирожных, над которыми, наверное, трудилась весь день, наполняя дом соблазнительными запахами. Она позвала всех соседей, и те были очень рады посидеть вечерком в такой погожий день. Но самым большим сюрпризом было то, что она сама пошла... за Этьеном. Он набил себе брюхо и объявил о тотальной распродаже акций бутылки «Croze-Hermitage»^[17], с которой не расставался весь вечер. Старенький магнитофон на батарейках играл французские песенки, уже вышедшие из моды, но очень веселые, и все покачивались в такт под громкие шутки. К нам возвращались былая беззаботность и легкость.

А я все поглядывал на мадам Бланшар и старался понять, что же в ней изменилось. И уже около полуночи ответ вдруг пришел сам собой: как же я не заметил? Она больше не в черном, на ней миленькое цветастое платье. Самые значительные события порой остаются незамеченными.

Примечания

1

CAC 40 (Cotation Assistee en Continu) — важнейший фондовый индекс во Франции, который высчитывается как среднее арифметическое значение цен акций 40 крупнейших компаний, торгующихся на бирже Euronext Paris. *(Примеч. перев.)*

2

Силой оружия, мощной рукой *(лат.)*.

3

RER (Reseau Express Regional d'Ile-de-France) — система скоростного общественного транспорта в Париже и пригородах, объединенная с метро.

4

Желтое золото — сплав золота и серебра.

5

Кабошон — неограненный драгоценный камень. *(Примеч. перев.)*

6

«*Closer*» — популярный во Франции таблоид, печатающий светскую хронику, не чужд эротической окраски.

7

«*Монтекристо*» — кофейный коктейль со взбитыми сливками.
(Прим. перев.)

8

«Славься, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя» (*лат.*) — традиционное приветствие гладиаторов перед боем.

9

Роурон (*фр.*) — пупс, голыш.

10

Французские написания этих имен действительно представляют собой анаграммы: Jean Calusacq — Jaques Lacan.

11

Арахнофобия — боязнь пауков. (Примеч. перев.)

12

Здесь во французском языке игра слов: *camambert* означает одновременно и изысканный сорт сыра, и круговую диаграмму.

13

Фортепиано устроено таким образом, что правая ножная педаль продлевает звук, а левая его гасит.

14

«Canard Enchaîné» — сатирическая еженедельная газета, очень популярная и влиятельная во Франции.

15

«La cote des fosses» — экономическая газета, выходит с 1825 г.

16

Скуп (scoop) (англ.) — свежая сенсационная новость, которая не напечатана еще ни в одной газете.

17

«*Croze-Hermitage*» — сорт красного вина, производится на севере Франции, в долине Роны.